

Бельгия, Том 1 (из 2)

Сэр Джеймс Эмерсон Теннент

BELGIUM.

BY

J. EMERSON TENNENT, ESQ., M.P.

AUTHOR OF "LETTERS FROM THE ÆGEAN," AND "HISTORY OF
MODERN GREECE."

"L'UNION FAIT LA FORCE,"—MOTTO OF BELGIUM.

IN TWO VOLUMES.

VOL. I.

LONDON:

RICHARD BENTLEY, NEW BURLINGTON STREET.

Publisher in Ordinary to Her Majesty.

1841.

Электронная книга проекта Гутенберга о Бельгии, том 1 (из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Бельгия, Том 1 (из 2)

Автор: Сэр Джеймс Эмерсон Теннент

Дата выхода: 25 июня 2024 [Электронная книга №73911]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Лондон: Р. Бентли, 1841

Авторы: Питер Беккер, Элени Кристофаки и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Эта книга подготовлена на основе изображений, предоставленных цифровой библиотекой Hathitrust.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА", БЕЛЬГИЯ, ТОМ 1 (ИЗ 2) ***

Примечание переписчика

Изменяемая орфография и расстановка переносов сохранены. Незначительные несоответствия в пунктуации были исправлены в автоматическом режиме. Список внесенных изменений можно найти [в конце книги](#).

БЕЛЬГИЯ. ТОМ I.

BELGIUM.

BY

J. EMERSON TENNENT, ESQ., M.P.

AUTHOR OF "LETTERS FROM THE ÆGEAN," AND "HISTORY OF
MODERN GREECE."

"L'UNION FAIT LA FORCE,"—MOTTO OF BELGIUM.

IN TWO VOLUMES.

VOL. I.

LONDON:

RICHARD BENTLEY, NEW BURLINGTON STREET.

Publisher in Ordinary to Her Majesty.

1841.

АВТОР ТОТ ЖЕ АВТОР.

В ПЕЧАТИ, В 2-Х ТОМАХ. СООБЩЕНИЕ 8во. С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

ГОСУДАРСТВА ПРУССКОЙ ЛИГИ.

АВТОР: Дж. ЭМЕРСОН ТЕННЕНТ, эсквайр, член парламента

АВТОР КНИГ “БЕЛЬГИЯ”, “ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГРЕЦИИ” И др.

УОТЕРМАНС-ХОЛЛ, ГРАСС-КУЭЙ, ГЕНТ.
Ричард Бентли, Нью-Берлингтон-стрит.

Бельгия.

АВТОР: Дж. ЭМЕРСОН ТЕННЕНТ, ЭСКВАЙР, член парламента

АВТОР КНИГ “ПИСЬМА ЭГЕЙЦЕВ” И “ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГРЕЦИИ”.

“СОЮЗ ЗА СИЛУ” — ДЕВИЗ БЕЛЬГИИ.

В ДВУХ ТОМАХ.

ТОМ I.

ЛОНДОН:

РИЧАРД Бентли, НЬЮ-БЕРЛИНГТОН-СТРИТ.

Ординарный издатель Ее Величества.

1841.

ЛОНДОН:

ИЗДАТЕЛЬСТВО SCHULZE & CO., ПОЛЬСКАЯ УЛИЦА, 13.

ДОСТОПОЧТЕННОМУ

ЛОРДУ СТЭНЛИ, члену парламента

&c. &c.

МОЙ ДОРОГОЙ ГОСПОДЬ,

Мое желание вписать на эту страницу ваше имя связано с воспоминанием о периоде, когда вы занимали один из высших административных постов в Ирландии; и когда ваше твердое и энергичное исполнение обязанностей эффективно пресекло замыслы тех, чьи меры, если бы к ним отнеслись терпимо, навлекли бы на эту страну последствия, аналогичные тем, которые аналогичные действия, к несчастью, повлекли за собой в Бельгии. Ценность и эффект той нервной политики, с помощью которой вы тогда “смело заткнули рот государственной измене”, подтверждается контрастом, который социальное положение Ирландии демонстрирует сейчас, при номинальном правительстве тех, кто подчинился, чтобы отказаться от нее; и чьи жертвы, чтобы купить лояльность и обеспечить постоянную привязанность ирландских репрессирующих, были вознаграждены намеком на возможное братание с “наследственными врагами Англии”, как только истечет срок их “компактного союза” с английской администрацией.

“История - это философия, преподающая на примере”; и не следует предполагать, что даже среди ревнителей отмены Унии в Ирландии не найдется тех немногих, кто будет внимателен к ее урокам: главным образом в этой тревожной надежде я переписал настоящие тома. Тем более что Бельгия - единственный яркий пример, который те, кто стремился подорвать лояльность ирландского народа, всегда демонстративно выставляли напоказ для подражания и поощрения. От этого выбора они теперь не могут отступить; и я с уверенностью верю, что изложенное на следующих страницах описание состояния этой страны после десяти лет разделения и независимости покажет Бельгию Ирландии, если вообще в качестве примера, то только как...

Exemplar vitiis imitabile.

Ни социальное, ни материальное процветание Бельгии не дает ничего обнадеживающего надеждам тех, кто может извлечь пользу из опыта других; а поскольку в Ирландии материалы, на которых должен быть поставлен жизненно важный эксперимент, аналогичны, ожидаемые результаты должны быть такими же. Что касается папства, просто как разновидности христианства — как отчетливо выраженной формы религии, — то законодателя больше ничего не волнует, кроме вопроса просвещенной терпимости. Но *политическое папство*, тот характер, в котором последователи Римской церкви проявляют себя в Бельгии и Ирландии — “опираясь

своим рычагом на один мир”, как говорит Драйден, “чтобы двигать другим по своей воле”, — существенно и по необходимости входит исследование государственного деятеля. И ни в одном случае в наше время это не проявлялось так откровенно, как в концепции, достижении и результатах бельгийской революции. Остается выяснить, понравится ли Либеральной партии Ирландии, сотрудничество с которой поощряет и поддерживает сторонников отмены Унии, перспектива такого абсолютного религиозного господства большинства в этой стране, как то, которое пришло на смену самой абсолютной свободе вероисповедания и самой неограниченной свободе совести в Нидерландах.

В отношении существенного и материального процветания должен возникнуть аналогичный вопрос. Применение машин ко всем отраслям производства произвело революцию в экономике европейских мануфактур, которая сравнима только с последствиями открытия книгопечатания. Беднейшие, а иногда и самые маленькие общины были в разное время наиболее успешными производителями определенных товаров, которые были результатом ручного труда и индивидуальной ловкости; и на цену которых, следовательно, не оказывал заметного влияния больший или меньший объем их потребления. Но когда человеческая изобретательность воплотилась в железе — когда трудолюбие и ловкость миллиона рук были сосредоточены в единственном рычаге парового Бриарея — движения могущественного вундеркинда неизбежно расширились пропорционально его мощности и потребовали соответственно расширенного поля для их демонстрации. Чтобы успешно производить с помощью машин, необходимо производить экстенсивно; но Бельгия, по-видимому, не осознавая этой важной истины, продолжала сокращать свои пределы, вместо того чтобы расширять их; и ее производственные мощности, таким образом скованные и ограниченные, без возможности проявить себя, истощились и теперь находятся на грани упадка.

Два берега, восточный и западный от Рейна, представляют в настоящее время исключительную и поразительную иллюстрацию противоположных последствий культивирования или пренебрежения этим принципом в современном производстве. *Справа* мы имеем многочисленные маленькие промышленные государства и княжества Западной Германии, каждое из которых стремится к приобретению промышленной мощи и каждое обладает ею в определенной степени; но каждое из них до недавнего времени не могло добиться успеха или процветать из-за узости своих индивидуальных границ; пока, наконец, пробудившись к осознанию своих реальных потребностей, они одним одновременным движением не сровняли все стоявшие на их пути барьеры и не объединили свои объединенные территории в единую большую область Прусского торгового союза; успех которого до сих пор оправдывал их самые большие ожидания.

На левом берегу Рейна у нас десять лет назад были Бельгия и Голландия, наслаждавшиеся тем союзом которого Германия достигла совсем недавно, и пожинавшие все преимущества, которые можно было извлечь из этого, — пока в “безумии часа” последняя не разорвала сами оковы своего процветания, не обратила вспять процесс, с помощью которого Германия поднимается к процветанию, и, прибегнув к отмене и отделению, она потеряла, как само собой разумеющееся, все преимущества, которые она извлекла из союза и сотрудничества. Подобные действия не могли не навлечь подобных бедствий на Ирландию; и такое же разрушение ее мануфактур, которое последовало за исключением Бельгии с рынков и колоний Голландии, неизбежно постигло бы и мануфактур Ирландии, если бы ее поставили на ноги чужаку и конкуренту в портах и колониях Великобритании.

Именно с горячей надеждой на то, что вопрос об отмене Союза в Ирландии может быть проверен такими аргументами, как эти, теми, кто вообще остановится, чтобы взвесить его, я отважился донести до его сторонников реальное состояние этой страны, которую их собственный лидер выбрал в качестве своего примера и модели. Сознывая глубокий интерес, который ваша светлость всегда проявляли к положению Ирландии, и ваше близкое знакомство с ее нуждами и ресурсами, я стремлюсь рекомендовать свои усилия, чтобы их заметили благодаря престижу вашего имени.

В то же время, поскольку я никогда не сообщал вам в беседе или иным образом содержание этих томов, возможно, что вы можете не согласиться с мнениями, которые я осмелился высказать. Но моей целью было просто собрать факты о влиянии недавней революции, и я не обсуждаю политику заселения Голландии, заключенную на Венском конгрессе, и не подвергаю сомнению благоразумие тех правительств Европы, которые после событий 1830 года сочли необходимым положить конец военным действиям, согласившись с независимостью Бельгии.

Остаюсь,
мой дорогой Господь,
Искренне ваш,
Дж. ЭМЕРСОН ТЕННЕНТ.

Лондон, 22 февраля 1841 года, Нижняя Белгрейв-стрит, 17, Белгрейв-сквер.

ANNONCE.

Сведения о торговле и мануфактурах Бельгии, которые будут приведены на следующих страницах, являются результатом личного исследования, скорректированного ежегодными статистическими отчетами, публикуемыми бельгийским правительством, и подтвержденного трудами М. Бриавионна в недавнем труде, на который я часто ссылался, — *“О бельгийской промышленности”*. Также может придать им дополнительный вес, если добавить, что высказанные мнения возникли в результате поездок по основным промышленным районам в сопровождении двух джентльменов, обладающих обширными практическими знакомствами с промышленниками Великобритании: мистера Томсона из Примроуза, близ Клитерро, и мистера Дж. Малхолланда из Белфаста, члена семьи, чье оборудование и производство основного товара Ирландии — льна — я полагаю, самое большое в королевстве. И хотя эти тома или их содержание на самом деле не были представлены им для ознакомления, я полагаю, что полностью разделяю их чувства, которые они выражают по поводу торговли и мануфактур Бельгии.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО ТОМА

ГЛАВА I.

Остенде, гавань—Доки канала—Полиция—Экономия частного экипажа для поездки на континент—Общий вид Остенде—Сточные воды—Осада 1604 года—Укрепления—Набережная—Пески и морские купания—Торговля—Брюгге, железная дорога—Бельгия естественным образом приспособлена для железных дорог—Старый канал, ведущий в

Брюгге, заменен—Внешний вид города—Стиль старинных домов—Улицы—Каналы и сады—Площади—Стиль общественных зданий—Напоминает Пизу—*Древняя история Брюгге*—Его старые дворцы—Браки Карла Опрометчивого и Марии Бургундской — Необычный брачный обычай средневековья—Дом, в котором был заключен император Максимилиан—Резиденция Эдуарда IV. Англии и Карла II.—*Коммерческое величие Брюгге*—Ганзейский союз —Ее гобелены—Орден Золотого руна, учрежденный в ее честь—Высказывание королевы Филиппа Красивого—История бюргеров при дворе Иоанна Французского—*Ее нынешний упадок*—Атмосфера низшего дворянства—Костюмы средних классов—Серьезное поведение граждан—Никаких следов испанцев в Нидерландах не найти—*Фламандские скульптуры из дерева*—Картины—В Нидерландах нет современных картин. Брюгге—*Коллекция в церкви Святого Совера*—Характеристики ранней фламандской школы—Картины в музее—Статуя Ван Эйка —Его заявление об изобретении масляной живописи—*Коллекция в часовне больницы Святого Иоанна*—История Ганса Мемлинга—Кабинет Святой Урсулы—Складные двери фламандских картин—Больница Святого Иоанна—Статуя Микеланджело—Гробницы Марии Бургундской и Карла Великого—Башня Ле—Халль—Карильон—Великолепный вид—*Дворец правосудия*—Великолепная резная каминная полка—*Отель де Вилль*—Его статуи, разрушенные французскими революционерами—Оправщики бриллиантов—Сравнение Брюгге и Тира—Ручные книги мистера Мюррея—Производство кружев в Бельгии.

ГЛАВА II.

Брюгге — дешевая резиденция—Таблоиды, их влияние на общество—Канал от Брюгге до Гента—Отсутствие загородных особняков—Сады—Внешний вид Гента—М. Гренье и М. де Смет де Нейер—*Совет по охране труда*, его функции—Авторское право на образцы в Бельгии—Торговля льном в Бельгии—Ее значение—Большая ценность бельгийского льна—Его выращивание—Доход, получаемый от него—Неполноценность британского льна—Беспокойство правительства о торговле льном—Ручные прядильни—Машинное прядение—*Общество Лис*—Цветочные сады—Казино—Экспорт цветов—Общий вид города—*Его ранняя история*—Огромное богатство затраты на строительство в городах Бельгии составили—Торговые корпорации—Волнения жителей Брюгге и Гента—*Жак ван Артевельде*—Его смерть—Филипп ван Артевельде—Карл V.—Его *добрые слова* в отношении Гента—Латинский дистих, характерный для фламандских городов—Осада Гента, мадам Мондрагон—Дом Артевельдов—Отель де Вилль—Колокольня и Роланд — *Марш де Вендреди*—Великая пушка Гента.

ГЛАВА III.

Производство машин в Генте—Великие работы Феникса—Усилия короля Голландии по развитию этой отрасли искусства—Его успех—Политика Англии по разрешению экспорта инструментов—Влияние запрета на экспорт машин на художников континента—Современное состояние мануфактур в Бельгии—*Феникс*, его масштабы, устройство и постановки—*Канал Сас—де—Ганд—Бежинаж*—Тристам Шенди—Церкви Гента—Религиозная вражда католиков—*Собор Святого Бавона*—Шедевр Ван Эйка—Канделябры Карла I—Резная кафедра—*Церковь Святого Михаила*—Распятие Вандика—Братство Св. Ивой—Церковь Сен—Совер—Уникальная картина в церкви Святого Петра—Ужин у М. Гренье—Стрельба из лука—Дороги Бельгии—Домашние привычки фламандцев—Фламандский язык—*Граф д'Ан*—Особняк графини д'Ан де Стенхаузен—Галерея М. Шампа—*Университет* Гента—Состояние начального образования в Бельгии.

ГЛАВА IV.

Базарный день в Генте—Крестьяне—Рынок белья—Книжные киоски—*Куртре*—*Лис-Денис*—Винокурня в Бельгии—Сельское хозяйство во Фландрии—Фламандская ферма—Анекдот о Шаптале и Наполеоне—Торговля навозом—*Смоур*—*Хуп*—Севооборот—Выращивание льна—Реальная важность культуры в Бельгии—Невыгодное положение Великобритании в отношении выращивания льна—Состояние ее импорта из—за границы и ее зависимость от Бельгии—Во власти Великобритании, чтобы эффективно справиться нужду—Система во Фландрии—*Семена*—Необычный факт относительно голландского посева—Севооборот культур—Работа лопатой—Чрезвычайная осторожность при *прополке*—*Выдергивании*—*Руиссаж*—В Эно—В Пэй—де—Вэз—В Куртрэ—Процесс в Голландии—Процесс в Лисе—*Отбеливающе-зеленый*—Дамасская мануфактура в Бельгии—Мануфактура на ветряной мельнице—Внедрение использования сабов Ирландию—*Куртрэ*, город—Древности—Церковь Нотр—Дам—Реликвия Томаса Бекета—Дом силы в Генте—Система тюремной дисциплины—Труд заключенных—Их заработок—Замечательная история Пьера Жозефа Созта—Печальная история английского заключенного—*Сахарный завод*—Состояние торговли в Бельгии—Любопытные мошенничества, совершенные в соответствии с недавним законом—*Свекольный сахар*—Сбой в производстве—Беспорядки в Генте—*Новый театр*—Развитие музыки в Генте—Печатные работы М. Десмета де Найера—Влияние революции 1830 года на мануфактуры Бельгии—Оппозиция Гента и Антверпена отделению от Голландии—М. Разоблачение Бриавьоном разорения торговли ситцем—Контрабанда через границы—Нынешнее недовольство в Генте—Количество неплатежеспособных в 1839 году—Общий упадок ее мануфактур.

128

ГЛАВА V.

Железная дорога—Путаница в Малине—Местность между Гентом и Дендермондом—*Вильворд*—*Дворец Лакен*—Первый вид Брюсселя—Гран—Плас в старом городе—Отель де Вилль и Дом коммуны—Новый город—Церкви Брюсселя—*Кафедры из резного дуба из Нидерландов*—Памятники Святой Гудуле—Статуя графа Ф. Мероде—Джефса, скульптора—Нотр—Дам де ла Шапель—*Музей*—Дворец л "Промышленность"—Картинная галерея—Библиотека—Ее история—*Замечательные рукописи*—Раритеты музея древностей—Частные коллекции—Улица Монтань—де—ла—Кур—Театр—Исторические ассоциации с Ратушей—Графы Эгмонт и Хорн—Гражданские волнения Филиппа II—*Фонтаны Брюсселя*—Мошенник—*Манекен*, его мемуары—Фонтан лорда Эйлсбери—Ресторан Дюбо—Отели Брюсселя—Секрет поиска самых дешевых отелей в путешествиях.

186

ГЛАВА VI.

Бельгийская революция не породила гениального человека—Нынешнее министерство—М. Роже—М. Лидц, министр внутренних дел—Интервью в Министерстве внутренних дел—Проект пароходства между Бельгией и Соединенными Штатами—Свобода политических дискуссий в Бельгии—*Характер короля Леопольда*—Общественное мнение в Брюсселе—Первоначальный союз Голландии и Бельгии, по—видимому, желателен—Коммерческие препятствия—Упрямство короля Голландии—Анекдот короля Пруссии—Чрезвычайная забота короля о мануфактурах—*Процветающее* положение Бельгии под властью Голландии—*Печали бельгийцев*—Странное совпадение действий нарушителей в Брюсселе. Ирландия и сторонники отмены приговора в Бельгии—Стремление к отдельному гражданству—Неразумное введение голландского языка—Отмена суда

217

присяжных—Теперь не нравится сами бельгийцы—Финансовые претензии—Неравенство представительства—Поведение римских католиков—Ненависть к веротерпимости—Привязанность духовенства к Австрии—*Замечательный манифест духовенства к Венскому конгрессу*—Соппротивление свободе совести и свободе прессы—Требование десятины—Соппротивление священников веротерпимости протестантов—Официальная присяга—*Протест римско—католических епископов против свободы мнений и образования со стороны государства*—Совершенная беспристрастность Суверена—Соппротивление духовенства—*Революция*—Союз либералов и римлян Католики—Нетерпимые амбиции духовенства—Отделение Клерико—*либеральной партии*—Нынешнее положение партий в законодательном органе—Неконституционное господство священников—*Состояние общественных настроений*—Всеобщее недовольство—Любопытный список кандидатов на корону Бельгии в 1831 году —“*Бельгийская история Леопольда*”, ее предательские публикации—Неопределенные перспективы на будущее—Тщетные попытки исправить зло революции—Отказ отсвязи с *Прусской лигой*—Невозможность союза с Австрией или Пруссия—Союз с Францией невыполним—Раздел Бельгии с окружающими государствами—*Возможное восстановление Дома Нассау в случае каких-либо новых беспорядков.*

Бельгия.

ГЛАВА I.

ОСТЕНДЕ И БРЮГГЕ.

Остенде, гавань—Доки на канале—Полиция—Экономия частного экипажа для поездки на континент—Общий вид Остенде—Сточные воды—Осада 1604 года—Укрепления—Набережная—Пески и морские купания—Торговля—Брюгге, железная дорога—Бельгия естественным образом приспособлена для железных дорог—Старый канал, ведущий в Брюгге, заменен—Внешний вид города—Стиль старинных домов—Улицы—Каналы и сады—Площади—Стиль общественных зданий—Напоминает Пизу—*Древняя история Брюгге*—Его старинные дворцы—Браки Карла Опрометчивого и Марии Французской Бургундия — Особый брачный обычай средневековья—Дом, в котором был заключен император Максимилиан—Резиденция Эдуарда IV. Англии и Карла II.—*Коммерческое величие Брюгге*—Ганзейский союз —Ее гобелены—Орден Золотого руна, учрежденный в ее честь—Высказывание королевы Филиппа Красивого—История бюргеров при дворе Иоанна Французского—*Ее нынешний упадок*—Атмосфера низшего дворянства—Костюмы средних классов—Серьезное поведение горожан—Никаких следов испанцев в Нидерландах не найти—*Фламандские скульптуры из дерева*—Картины—В Брюгге нет современных картин—*Коллекция в Церковь Святого Совера*—Характеристики ранней фламандской школы—Картины в Музее—Статуя Ван Эйка —Его заявление об изобретении масляной живописи—*Коллекция в часовне больницы Святого Иоанна*—История Ганса Мемлинга—Кабинет Святой Урсулы—Складные двери фламандских картин—Больница Святого Иоанна—Статуя Микеланджело—Гробницы Марии Бургундской и Карла I Опрометчивого—Башня Ле—Халль—Карильон—Великолепный вид—*Дворец правосудия*—Великолепная резная каминная полка -экспонат—*Отель де Вилль*—Его статуи,

разрушенные французскими революционерами—Оправщики бриллиантов—Сравнение Брюгге и Тира—Рукописные книги мистера Мюррея—Производство кружев в Бельгии.

Сентябрь 1840 года.

На закате, когда мы были примерно в десяти-пятнадцати милях от суши, мы впервые увидели побережье “Низких стран”, различимое не по холмам или утесам, как на других берегах, а по возвышающимся из воды шпилям Ньюпора, Остенде и Бланкенбурга; вскоре показался ряд ветряных мельниц, верхушки нескольких деревьев и домов и, наконец, длинная полоса ровного песка, тянущаяся в сторону Вальхерена и дельты Шельды. Через четырнадцать часов после того, как мы подняли якорь у Тауэра, мы бросили его в гавани Остенде, узком устье реки, образовавшемся там, где воды небольшой речки пробивали себе путь через песчаные отмели к морю. По бокам этого прохода была построена превосходная набережная с обширными деревянными опорами, в то время как поток, ограниченный плотинами и шлюзами выше, имеет возможность устремляться вниз при отливе, унося перед собой в море весь ил, который мог быть нанесен предыдущим приливом.

На внутренней оконечности гавани были построены просторные бассейны для размещения судов, курсирующих по каналу Брюгге, соединяющему этот город с Гентом и Остенде, но сейчас движение по нему значительно сократилось из-за открытия железной дороги, а также по другим причинам.

Ни полиция, ни таможенные чиновники не доставили нам никаких неудобств с нашими паспортами или багажом, за исключением нескольких минут неизбежной задержки, и через полчаса после того, как пакетбот коснулся пристани, мы оказались на ночь в отеле "Империял" на улице ла Шапель.

Здесь я могу упомянуть в качестве рекомендации будущим путешественникам, что путешествие, памятью о котором являются эти тома, совершалось в открытом английском экипаже, заднее сиденье которого было достаточно просторным, чтобы вместить трех человек, оставив переднее для наших книг, карт и дорожных принадлежностей, а багажное отделение для нашего курьера и фореятора; и что, за исключением горных дорог, мы совершили все путешествие по Бельгии, Рейнской Пруссии и Германии, от Баварии до Ганновера, с парой лошадей. Для такого путешествия ни одна конструкция кареты, которую я видел, не сравнится с той, которую мы использовали, - бричкой с подвижной головкой и окнами, которые идеально закрывали ее ночью или во время дождя.[1] Я не производил подробных подсчетов расходов, но даже с точки зрения экономии я склонен думать, что этот способ передвижения для трех человек и слуги потребует *меньших фактических затрат*, чем проезд в дилижансах и Eil Wagens или Schnell posts. В Бельгии стоимость нашей перевозки двумя лошадьми, включая фореяторов, сборы и дорожные сборы, повсюду не превышала одиннадцати пенсов за милю; в Пруссии - девяти пенсов; а в Баварии - еще меньше. Помимо совершенного контроля над собственным временем и передвижениями, это положительный источник экономии, поскольку позволяет избежать расходов в отелях в ожидании отправления дилижансов и общественного транспорта, после того как путешественник удовлетворен своим пребыванием в том месте, где он может оказаться, и стремится попасть в другое. Учитывая преимущества, достигнутые в этом конкретном случае, и возможность путешествовать с комфортом ночью, почти не теряя сна, по некоторым песчаным и неинтересным равнинам северной Германии, я полностью придерживаюсь мнения, что наш английский экипаж, независимо от его сравнительной

роскоши, не только уменьшил расходы на наше путешествие, но фактически увеличил его продолжительность на несколько недель в пределах срока, который мы назначили для нашего возвращения. Однако в Бельгии и Саксонии, где железные дороги широко открыты, перевозка не повышает удобства, напротив, *накоротких перегонах*, которых следует избегать, обнаружится, что это увеличивает расходы, не ускоряя путешествие.

Остенде представляет собой лишь плохую тему для составителей путеводителей, поскольку здесь нет ни одного “льва”, ни отдельного объекта, представляющего древний или современный интерес для туриста. Его внешний вид тоже неудовлетворителен, он не является ни голландским, ни французским, ни фламандским, а представляет собой смесь всех трех, и его дома с голландскими крышами, фламандскими фасадами и французскими интерьерами выкрашены во всевозможные безвкусные цвета, красный, зеленый и синий, и увешаны многоязычными вывесками, сообщающими о призвании владельца почти на всех языках Северной Европы.

Поскольку город построен в мертвой квартире, в нем, конечно же, нет канализации — когда мы приехали, был субботний вечер, и, я полагаю, в честь приближающегося шаббата каждый дом в его стенах, казалось, был занят выкачиванием выгребной ямы и промывкой содержимого по каналам улиц, создавая над головой атмосферу, которую “не смогли бы подсластить все благовония Аравии”. Это, однако, инцидент, ни в коей мере не характерный для Остенде, поскольку подавляющее большинство городов в “Нидерландах” находятся в аналогичных обстоятельствах.

Несмотря на то, что Остенде был важным местом пятьсот лет назад, все следы древности были уничтожены многочисленными “битвами, осадами, переворотами”, которые прошли. Он был окружен в пятнадцатом веке, укреплен принцем Оранским в шестнадцатом и почти стерт с лица земли при защите от испанцев в семнадцатом, когда сэр Фрэнсис Вир (один из военных кавалеров, которого вместе с сэром Филипом Сиднеем и другими Елизавета в своем капризном сочувствии время от времени посылала на помощь протестантам в Нидерландах) удержал его командование в конце его замечательной осады силами эрцгерцогов Альберта и Изабеллы.^[2] Эта достопамятная осада, в которой использовалась система устаревшей тактики, бывшая тогда в моде, затянувшаяся более чем на три года, “стала школой для молодого дворянства всей Европы, которое переходило либо к одной, либо к другой стороне, чтобы изучить принципы и практику нападения и защиты”. Братья Амброз и Фредерик Спинола заслужили здесь свою высокую репутацию военных стратегов, и первый в конце концов вынудил Остенде сдаться, после того как каждое здание было сровнено с землей артиллерией, а бесчисленные тысячи людей нашли могилу у его стен. В последующие смуты восемнадцатого века она снова неоднократно подвергалась осадам и взятию, участвуя во всех этих катастрофических войнах, которые принесли Бельгии соответствующее прозвище “Задрипанная Европа”. Его укрепления все еще содержатся в сносном состоянии, одна большая батарея, называемая Форт Веллингтон, современной постройки, а длинный вал, который первоначально предназначался для защиты города от затопления морем, был превращен в гласис и укреплен камнем, привезенным за значительную плату из Турне, поскольку наносные пески Фландрии не могут обеспечить даже брусчатку для ее собственных городов. Вершина этой обороны представляет собой приятную набережную вдоль моря, которое доходит до ее основания, и, насколько хватает глаз, тянутся длинные песчаные холмы, которые ветер приводит в движение и нагромождает на стены и укрепления. Ровный и красивый берег, однако, делает Остенде

приятным местом для купания, и его часто посещают с этой целью в летние месяцы, когда в городе есть обычные *удобства*, такие как водопой, бани, бальные залы, кафе и театр.

Являясь вторым морским портом королевства, он занимает значительную долю в судоходстве Бельгии, но в нем нет мануфактур, и основные доходы низших слоев населения получают от промысла сельди и устриц, притом что “*le parc aux huitres*” - ведущее заведение, рекомендованное камердинером к сведению приезжего в Остенде; и зеленые устрицы Остенде (*huitres vertes d'Ostende*), одно из предметов роскоши местных жителей. Парижские гурманы. Устрицы действительно являются первым блюдом, подаваемым на каждый бельгийский обеденный стол, а возможности железной дороги значительно увеличили спрос в Остенде.

В последние годы промысел сельди у побережья Фландрии практически прекратился. Когда-то это была одна из самых прибыльных отраслей торговли в Нидерландах; и Карл V, посетив могилу Бекельсона, открывшего способ маринования сельди, в Бервлите, недалеко от Слейса, распорядился установить памятник над его останками. Однако с Реформацией и нерегулярным соблюдением Великого поста на континенте спрос на соленую рыбу снизился, и в самой Голландии теперь сохранились лишь остатки ее древнего промысла; который, однако, она развивает со строгим соблюдением всех его древних формальностей — небольшая флотилия рыбацких лодок ежегодно собирается во Влаардингене, у входа в Маас - офицеры собираются в Штадгюисе и приносят древнюю клятву уважать законы рыболовства; затем они поднимают свои флаги и отправляются в церковь, чтобы вознести молитвы за их успех. День их отъезда - праздник на реке. Первый груз, который достигает Голландии, покупается по непомерной цене, а первая бочка, которую выгружают на берег, пересылается в подарок королю.

Остенде, Бланкенбург, Ньюпор, Антверпен и даже Брюгге когда-то имели ценную долю в этом важном промысле, но в последние годы она была полностью утрачена; как нам сказали, с 1837 года в море выходило не более трех шлюпов, да и то с незначительным успехом. Однако промысел трески был более процветающим, и только в Остенде было занято от пяти до шести сотен моряков; но даже этот промысел подкрепляется необоснованными правительственными щедротами.

БРЮГГЕ.

Мы выехали из Остенде в Брюгге по железной дороге, отправив вперед наш вагон в Гент. Стоимость проезда на всей дистанции составляет немногим больше половины, а проблемы с посадкой и демонтажем одинаковы как на более длинном, так и на более коротком этапе. Устройство железной дороги ничем существенным не отличается от английского, за исключением того, что багаж каждого пассажира более тщательно проверяется и взимается дополнительная плата за вес, после чего он изымается из-под опеки владельца, который получает билет, по предъявлении которого он доставляется ему по прибытии в город, для которого было забронировано место. Однако установлено, что эта система приводит к частым ошибкам и путанице, из-за того, что сундуки и чемоданы отправляются не по назначению или вообще оставляются без присмотра. Все кондукторы и чиновники одеты в униформу, и о трогании поезда с каждой станции объявляют несколькими звуками трубы. Двигатели в основном английского производства, за исключением нескольких, произведенных в Льеже.

Бельгия из всех стран Европы лучше всего рассчитана на строительство железных дорог; ее обширные аллювиальные равнины едва ли представляют заметное неравенство. От Остенде до

Гента я едва заметил ни единой просеки или насыпи, рельсы были проложены по естественной поверхности земли, а направление было прямым, как полет стрелы, без необходимости делать изгибы или наклоняться, за исключением подхода к какой-нибудь деревенской станции на дороге.

Старый способ передвижения по Брюггскому каналу с помощью Трекшута, хотя и не прекращен, для железной дороги сравнительно безлюден. Это, однако, ни в коем случае не неприятно: лодки плывут со скоростью почти шесть миль в час, условия отличные и уникальные, и единственный недостаток - стоки, которые летом образуются из-за почти стоячей воды канала, иногда усиливаемые отравленными потоками, в которых фермеры замачивали лен, что мгновенно становится смертельным для рыбы.

Воздух и общий вид Брюгге при въезде в него по железной дороге, которая проходит прямо в центр города, не могут не привлечь интереса и внимания постороннего человека. Это не похоже ни на одно место, к которому человек привык раньше, и, безусловно, является самым совершенным образцом средневекового города по эту сторону Рейна. Его дома не перестраивались в наше время, и их просторные фасады, огромные арочные входы, скульптурные украшения и фантастические фронтоны - все это соответствует нашим представлениям о величественных феодальных графах и богатых, но буйных бюргерах. “Le voyageur,” says its historian, M. Ferrier, “au milieu de ces vieux hôtels, de ces pierres féodales encore debout, espère toujours qu’une noble dame au chaperon de velours et au vertugadin élargi, va sortir des portes basses en ogives le faucon au poign, la queue retroussée par un page.”

Вместо узких, грязных проходов, которые встречаются в городах подобной древности и известности, на широких и жизнерадостных улицах Брюгге царит атмосфера особой веселости и импозантности; его улицы оживлены длинными рядами лип и восточных платанов и пересекаются каналами, не вялыми и застойными, а текущими активным потоком через город. За ними с тыла открываются более богатые особняки, от реки их отделяет небольшой орнаментированный “плезанс”, разбитый угловатыми дорожками и украшенный вечнозелеными растениями, подстриженными в *кенилле*, а кое-где - статуями или античными вазами. Площади сохраняют тот же характер достоинства и серьезности, осененные “старыми деревьями предков” и окруженные муниципальными зданиями и башнями — памятниками того времени, когда Брюгге был столицей Западной Европы, а его графы и горожане сочетали предприимчивость и богатство торговца с пылкой выправкой солдата. Эти здания также демонстрируют в своем стиле что-то от непоколебимой гордости их основателей, представляя собой не столько орнамент и убранство, сколько властную высоту и массивную основательность, и поражают посетителя скорее своей прочностью, чем элегантностью. В целом Брюгге сильно напомнил мне Пизу и некоторые города северной Италии, чья история и упадок удивительно похожи на его собственную. Атмосфера его зданий та же, и вокруг него ощущается скорее запустение, чем упадок, хотя в Брюгге уединение, которое до недавнего времени было его характерной чертой, было сильно нарушено скоплением незнакомцев, которых железная дорога ежечасно привозит сюда, чтобы посетить.

Своим политическим значением Брюгге в старину был обязан тому, что был древнейшей столицей Нидерландов и одной из резиденций древних “Лесоводов Фландрии” и той прославленной династии суверенных графов и герцогов, чья династия простирается почти от Карла Великого до Карла V, и чьи подвиги обогащают анналы крестовых походов и составляют

тому романсов и менестрелей средневековья. От дворцов этих буйных властителей теперь почти ничего не осталось, за исключением нескольких полуразрушенных стен “Принценхофа”, в котором Шарль Темерер женился на Маргарите Йоркской, сестре нашего Эдуарда IV, и в котором, кроме того, его интересная дочь Мария Валуа, герцогиня Бургундская, вышла замуж за Максимилиана Австрийского, сына Фридриха IV — того “знаменательного союза”, который впоследствии привел Нидерланды под власть императора и передал их, после отречения Карла V, королевской семье. нежное милосердие кровожадного Филиппа Испанского. На ее свадьбе герцог Баварский выступал в качестве доверенного лица императорского жениха и, согласно обычаю того времени, провел ночь с молодой герцогиней, каждый из которых отдыхал в парадных одеждах, с мечом между ними и в присутствии четырех вооруженных лучников гвардии.

На противоположной стороне той же площади также стоит дом, ныне эстаминет, в котором ее муж Максимилиан, тогдашний король римлян, был после ее смерти заключен гражданами Брюгге в 1487 году вследствие спора об опеке над двумя его детьми, которым после смерти их матери было передано право на суверенитет Фландрии. Несмотря на гневные заявления папы и марш императора, его отца, с сорокатысячной армией, неустрашимые бюргеры держали его в плену в течение шести недель, пока он не подчинился их условиям и не поклялся уважать их права и не мстить за их жестокую демонстрацию в своем отстаивании.

Брюгге также дважды был убежищем изгнанных монархов Англии: один раз, когда Эдуард IV нашел там убежище, спасаясь от восстания графа Уорика; и еще раз, когда Карл II в своем изгнании занимал дом на площади Армии, на углу улицы Сент-Аман. Сейчас это мастерская портного.

Но все наши воспоминания о Брюгге переполнены ассоциациями поэзии истории; и сами имена его вождей - Балдуина Железной Руки, Роберта Иерусалимского, Маргариты Константинопольской, Филиппа Красивого и Людовика Креси - вызывают ассоциации рыцарства, галантности и романтики.

С тринадцатого века до конца шестнадцатого Брюгге одновременно находился в расцвете своего политического могущества и на пике коммерческого процветания. Поскольку меха и железо с севера еще не перевозились морем вокруг Балтики, а богатства Индии все еще вливались через Красное море в Геную и Венецию, Брюгге стал одним из крупнейших перевалочных пунктов, где их собирали, чтобы затем снова распределить по Западной Европе; а вместе с Данцигом, Любеком, Гамбургом и несколькими другими торговыми городами запада Брюгге стал одним из ведущих командных пунктов Ганзейского союза. Идея морского страхования впервые была реализована в Брюгге в XIII веке, а первая биржа для удобства торговцев была построена там в следующем столетии.

Ее мануфактуры были в равной степени прославлены ее торговлей. Ее гобелены послужили образцами и, по сути, прародителями гобеленов, которые были созданы во Франции уроженкой Брюгге под покровительством Генриха IV; а слава ее шерстобитчиков и ткачей была увековечена в ордене Золотого руна, эмблема которого была выбрана Филиппом Добрым в честь художников Брюгге.

Это был уроженец Брюгге Бехам, который за пятьдесят лет до предприятия Колумба отважился “соблазнить западный мейн” и, открыв Азорские острова, первым проложил путь к пробуждению нового полушария.

О роскоши ее граждан в этот век все еще сохранилось много преданий; например, о жене Филиппа Красивого, восклицавшей, обнаружив, что дамы ее столицы затмили ее великолепием своего наряда: *“Я круайе, исиде королева, я люблю тебя и ценю тебя лично!”* Аналогичная история записана об их мужьях, которые, вернувшись в Париж со своим герцогом Луи ле Маэлем, чтобы засвидетельствовать почтение королю Иоанну, преемнику Филиппа Валуа, почувствовали себя оскорбленными, обнаружив, что на банкете, на который они были приглашены королем, для них не приготовили подушек, и, усевшись на свои расшитые плащи, отказались надеть их при отъезде, сказав: *“Мы фландрцы, мы не соммы, мы экипированы для наших гостей, мы сообщники для нас кузины”*. . "

Теперь все это ушло в прошлое, другие нации узурпировали ее внешнюю торговлю, а ее собственные конкуренты внутри страны уничтожили ее мануфактуры. Но Брюгге, все еще находящийся в упадке, производит впечатление опустившейся аристократии; говорят, что его бедняков ужасно много по сравнению с его населением, но они не кажутся, как везде, демонстративно оскорбительными; за исключением нескольких ветхих объектов сострадания у дверей собора, мы не видели ни одного нищего на улицах. Одежда низших слоев общества отличается чистотой и опрятностью, а универсальным костюмом женщин буржуазии была белая муслиновая шапочка с кружевной каймой и длинный черный шелковый плащ с капюшоном, закрывавшим голову, и, очевидно, являющийся остатком испанской мантильи. Кроме того, в поведении людей, которых мы встречали на улицах, чувствовалась веселая чинность, которая соответствовала серьезности такого почтенного старого места, как будто улицы были освященной землей:

Город - один огромный храм, посвященный

За взаимное уважение в словах и делах,

К досугу, к сдержанности, к степенности,

К общественным заботам, от бурных страстей освобожденный.[\[3\]](#)

Кстати, это пример неизменной ненависти, с которой жители Нидерландов, должно быть, традиционно относились к своим бывшим тиранам, что сейчас так мало следов их владычества или присутствия в стране, которую они так долго опустошали своим присутствием. Иногда в оливковом цвете лица и угольно-черных глазах фламандки узнаешь признаки ее южной крови; и в Генте и Брюсселе есть одна или две семьи, которые все еще носят имена Алькала, Рей и Эрмоса, и несколько других, которые ведут свое происхождение от кастильских предков; но в настоящее время не сохранилось поразительных памятников народа, который так долго оказывал пагубное влияние на судьбы Фландрии.

Верно, что от смерти Марии Бургундской до смерти Альберта и Изабеллы прошло совсем немного времени, около полутора столетий, но столь же верно и то, что за несколько поколений до этого принцы Нидерландов заключали брачные союзы при испанском дворе; а при Филиппе Красивом и Карле V, когда Нидерланды гордились своим процветанием, они представляли собой заманчивую точку для прибежища авантюристов этой страны и многих тех, кто

воспользовался королевской поддержкой, чтобы поселиться там; любопытно, что в течение многих лет принцы Нидерландов стремились заключить брачные союзы при испанском дворе. теперь не должно быть видно ни особняка, ни памятника, ни почти никаких остатков.

В Брюгге, как и в большинстве других католических городов, главными хранилищами предметов народного восхищения являются церкви; и из них наиболее привлекательными и примечательными являются бесподобные скульптуры из дерева, украшающие исповедальни и кафедры, по богатству и мастерству изготовления которым образцам в Нидерландах нет равных. Брюгге богат ими. Кафедра в церкви Нотр-Дам представляет собой превосходное произведение искусства, соответствующее этому описанию; она высечена из дуба, поддерживается группами фигур в натуральную величину и повсюду украшена арабесками и резьбой в виде цветов и фруктов самого очаровательного исполнения. Для такой работы он имеет огромные размеры, простираясь от пола почти до готической крыши здания. В той же церкви есть две исповедальни одинаковой элегантности, каждая разделена, как обычно, перегородками на три помещения, перед каждой из которых расположены кариатиды, поддерживающие крышу.

В церкви Святого Спасителя^[4] большой орган представляет собой еще один пример этой великолепной резьбы; а в маленькой часовне Святого Санга, в которой сохранилось несколько капель *настоящей крови нашего Спасителя*, периодически выставляемой в украшенном драгоценными камнями святилище для верующих, есть кафедра, возможно, более искусной работы, чем вкуса, оболочка которой представляет земной шар (*orbis veteribus cognita*) с очертаниями тех географических очертаний, которые были известны в период ее возведения.

Что касается произведений искусства, то бюргеры Брюгге, по-видимому, были щедры и амбициозны в украшении своего города, пока муниципальное благосостояние позволяло им удовлетворять их вкусы. Церкви, таким образом, богаты работами *ранней* фламандской школы — Ван Эйков, Ганса Хемлинга, Пурбуса и их сотрудников и преемников: но в период, когда возникла новая фламандская школа при Отто Венниусе и достигла своего расцвета при Рубенсе и Вандике, Брюгге уже пережил свой закат, солнце его процветания зашло, и у него нет работ, написанных их карандашом. Главными хранилищами картин в городе являются церковь Сен-Совер, часовня больницы Святого Иоанна и Галерея музея недалеко от набережной Мира. В трех коллекциях представлены совершенно одинаковые названия и одни и те же художественные черты: безвкусные и бесстрастные лица, фигуры, резкие и неправильные по рисунку, выполненные с той тщательно продуманной тщательностью, которая, кажется, во все времена была характерна для школ как Фландрии, так и Голландии, и безвкусные, негармоничные цвета на блестящем и, как правило, позолоченном фоне в византийском стиле. За исключением простых предметов старины, эти картины представляют мало интереса для кого, кроме простого историка искусства. Коллекцию в Сен-Савере я не видел, так как она была вывезена из-за недавнего пожара, но, судя по спискам, она довольно обширна.

Того, что находится в музее, много, но однообразно и утомительно по причинам, которые я упомянул, хотя сэр Джошуа Рейнольдс с большим одобрением отзывается о некоторых красотах, я полагаю, требуется глаз художника, чтобы различить их. В здешней галерее также находится статуя работы Каллуана, местного художника, Джона Ван Эйка, живописца по прозвищу "Иоанн из Брюгге", которому приписывают изобретение живописи маслом. Его претензии на открытие, конечно, неверны, о чем в достаточной степени свидетельствуют футляры с мумиями из Египта, но его заслуга как одного из тех, кто первым и наиболее успешно

применил его для целей искусства, достаточно очевидна при взгляде на его картины и их сравнении с более низкими произведениями его современников в Италии.

Но главная выставка старых мастеров Брюгге находится в гостинной часовни древнего *госпиталя Святого Иоанна*. Здесь гордостью the custodian являются кулинарные шедевры Ханса Мемлинга. Хемлинг был солдатом и грубияном, расточительным сыном и гением, совершенно не сознававшим своей силы. Он завершил карьеру, полную эксцессов, поступив на службу в одну из военных рот Брюгге, своего родного города, и после битвы при Нанси, куда он последовал за Карлом Безрассудным, в 1477 году его, раненого и умирающего, доставили в госпиталь Святого Иоанна. Однако мастерство пиявок восторжествовало, и к Гансу вернулись силы, когда, возможно, за неимением другого убежища, он провел десять лет своей последующей жизни среди своих друзей в больнице и обогатил ее залы отборнейшими образцами своего искусства. Эти картины поразительной яркости, хотя говорят, что Хемлинг отказался от использования масла, которое было введено его современником и соперником Ван Эйком, и придерживался старого плана умерять свои краски с помощью размера и белка. Художник также ввел в них портреты монахинь и сестер милосердия, которые ухаживали за больными в больнице, — деликатный и в то же время прочный памятник его благодарности за их доброту по отношению к нему.

Среди множества портретов и сюжетов из Священных Писаний жемчужиной коллекции является небольшой старомодный *шкафчик*, вероятно, предназначенный для хранения реликвий, около трех футов в длину и ширину, накрытый конической крышкой и разделенный на панели, каждая из которых содержит сцену из легенды о святой Урсуле и убийстве ее самой и одиннадцати тысяч девственниц готами в Кельне. Этот любопытный маленький антиквариат ценится так высоко, что его выставляют под стеклянным колпаком, и руководство больницы отказалось обменять его на сундучок тех же размеров из чистого серебра. В исполнении картин есть все характерные недостатки и красоты их автора, только первые менее бросаются в глаза из-за небольших размеров фигур. Лица дам демонстрируют хорошее восприятие женской красоты, а у самой святой Урсулы волосы заплетены в косы и заправлены за ухо, во многом по моде нынешнего времени в Англии.

На большинстве других картин есть складные дверцы, которые были характерны для всех художников Нидерландов, пока Рубенс позже не отказался от их использования, хотя их можно увидеть на его непревзойденном “Сошествии с креста” и некоторых других его картинах в соборе Антверпена. Они служили для закрытия основной композиции, когда складывались поперек нее; и поскольку сами они раскрашены с обеих сторон, чтобы демонстрировать картину как закрытой, так и открытой, в результате получилось пять отделений, относящихся к одному и тому же предмету, но четыре внешних из которых, конечно, являются вспомогательными по отношению к грандиозному замыслу внутри.

Больница, в которой выставлены эти фотографии, является одним из лучших учреждений подобного рода, которые я когда-либо видел. Его служительницы в своих религиозных костюмах и головных уборах монахинь ходят по нему со спокойной доброжелательностью, которая соответствует их названию “сестры милосердия”, а высокие палаты с белоснежным бельем на кроватях во всех деталях являют пример высочайшей опрятности.

И она, и названные мной церкви находятся рядом со станцией железной дороги, по которой путешественник прибывает из Гента или из Остенде. Кроме любопытных старинных росписей, в

церквях больше нет ничего примечательного; в основном они построены из кирпича и имеют не очень внушительный вид. В музее Святого Совера находится мраморная статуя, приписываемая Микеланджело, и, хотя она не обладает достаточными достоинствами, чтобы оправдать это предположение, по всей вероятности, является работой одного из его учеников. История гласит, что оно направлялось в Геную, но, будучи перехваченным на пути голландским капером, было доставлено в Амстердам, где было куплено купцом из Брюгге и подарено его родному городу.

Но главным объектом интереса, как, впрочем, и великим львом Брюгге, является могила Марии Бургундской в маленькой часовне того же собора. Память об этой милой принцессе и ее ранняя судьба связаны с самыми пылкими чувствами фламандцев; она была последней из их туземных владык, и после ее кончины их княжество поглотило разрастающееся владычество австрийских домов; подобно Шарлотте Английской, она была вырвана у них в расцвете юности, она умерла, не дожив до двадцати пяти лет, в результате падения с лошади во время соколиной охоты, и независимость ее страны угасла вместе с ней. Рядом с ней и в такой же гробнице покоится прах ее смелого и порывистого отца, Карла Опрометчивого, которая была построена по приказу Филиппа Испанского. Часовня, в которой установлены оба памятника, была подготовлена к их приему за счет Наполеона, который, посетив Бельгию вместе с Марией Луизой в 1810 году, оставил определенную сумму денег, чтобы покрыть расходы по их вывозу. Обе гробницы выполнены по одному образцу: два богатых саркофага, сложенных из очень темного камня, украшенных эмалированными щитами и увенчанных лежащими статуями из позолоченной бронзы, изображающими пламенного родителя и его нежную дочь. Гербы на бесчисленных щитах, украшающих их памятники, и длинный ряд титулов, которые на них записаны, указывают на обширные владения, которые в результате последовательных союзов были сосредоточены в могущественном бургундском доме. Надпись над прахом Карла Опрометчивого выглядит следующим образом:

CY GIST TRES HAVLT TRES PVISSANT ET MAGNANIME PRINCE CHARLES DVC DE BOVRG^{ne} DE
LOTHRYCKE DE BRABANT DE LEMBOVRG DE LVXEMBOVRG ET DE GVELDRES CONTE DE FLANDRES
D'ARTOIS DE BOVRG^{ne} PALATIN ET DE HAINAV DE HOLLANDE DE ZEELANDE DE NAMVR ET DE
ZVTPHEN MARQVIS DV SAINCT EMPIRE SEIGNEUR DE FRISE DE SALINS ET DE MALINES, LEQVEL
ESTANT GRANDEMENT DOVÉ DE FORCE CONSTANCE ET MAGNANIMITÉ PROSPERA LONGTEMPS EN
HAVLTES ENTREPRINSES BATAILLES ET VICTOIRES TANT A MONTLHERI EN NORMANDIE EN ARTHOIS
EN LIEGE QVE AVLTREPART JVSQVES A CE QVE FORTVNE LVI TOVRNANT LE DOZ LOPPRESSA LA
NVICT DES ROYS, 1476 DEVANT NANCY FVT DEPVIS PAR LE TRES HAVT TRES PVISSANT ET TRES
VICTORIEVX PRINCE CHARLES EMPEREUR DES ROMAINS V^{mc} DE CE NOM SON PETIT NEPHEV
HERITIER DE SON NOM VICTOIRES ET SEIGNORIES TRANSPORTE A BRVGES OV LE ROI PHILIPPE DE
CASTILLE LEON ARRAGON NAVARE ETC. FILS DUDICT EMPEREVR CHARLES LA FAICT METTRE EN CE
TOMBEAU DU COTÉ DE SA FILLE ET VNIQVE HERITIERE MARIE FEMME ET ESPEVSE DE TRES HAVLT ET
TRES PVISSANT PRINCE MAXIMILIEN ARCHIDVC D'AVSTRICE DEPVIS ROI EMPEREVR DES ROMANS—
PRIONS DIEV POVR SON AME.—AMEN.

Искренняя и неподдельная скорбь тех, кто воздвиг памятник принцессе, гораздо более выразительно выражена в простом и естественном языке его надписи. Вспомнив помпезные почести, оказанные ее дому, и ее величие как королевы, они таким образом выразили глубокое уважение к ней как к женщине и супруге. “Пять лет она правила как леди Нидерландов, четыре из которых прожила в любви и глубокой привязанности к милорду, своему мужу. Она умерла,

оплакиваемая своими подданными и всеми, кто знал ее такой, какой она никогда раньше не была принцессой. Помолись Богу за ее душу. Аминь”.

Самым заметным объектом в Брюгге, как издалека, так и внутри стен, является высокая башня древнего здания, называемого “Les Halles” — огромное сооружение, первоначальное назначение которого, по-видимому, известно лишь частично, но которое, по всей вероятности, служило складом для товаров в лучшие дни Ганзейского союза, в то время как в его массивной башне хранились древние летописи города. Нижние здания сейчас частично пустуют, а частично используются под крытый рынок, а на башне размещены надзиратели, которые днем и ночью следят за пожарами на улицах города или в пригородах. В нем также есть один из тех прекрасных карильонов колоколов, которые, по своему совершенству, кажутся характерными для Нидерландов, так как ни в одной другой стране, насколько я знаю, их перезвон не подходит ни к чему так гармонично, как к гармоничной музыке. В башне Ле-Халль и некоторых других в Бельгии они приводятся в движение огромным цилиндром с подвижными клавишами, похожими на те, что есть в шарманке или женевской шкатулке. Мелодии аранжируются и изменяются каждый год на Пасху, а карильон, помимо того, что объявляется каждый час, звучит почти ежедневно для развлечения горожан. Но помимо механического устройства, есть клавиши, на которых можно играть в любое время, и во время нашего визита “главный музыкант” приступил к этому трюку, стуча кулаками, защищенными сначала прочной кожей, и притопывая каблуками, пока каждый мускул во всем его теле, казалось, не пришел в действие — упражнение, очень похожее на упражнение фальстафовского новобранца Лягушки-быка, когда он “простудился, разбираясь в делах короля в день коронации”.

Вид с этой башни действительно удивителен из-за обширной ровной равнины, на которой она стоит, и которая простирается до горизонта без каких-либо волнений со всех сторон; вид ограничен только способностью глаза охватить ее, и зрелище сбивает с толку бесконечностью деревень, башен, лесов, каналов и рек, которые она представляет, охватывая одним взглядом немецкий океан, далекие очертания Голландии, башни Гента и на юге отдаленную границу Франции. Его виды, как и почти все остальное в Нидерландах, своеобразны сами по себе, а по спокойствию и богатству культурной красоты не имеют аналогов ни в одной стране Европы.

На небольшой площади, примыкающей к той, на которой стоит башня Ле-Халль, находятся два других старинных здания, представляющих не меньший интерес. *Дворец правосудия* расположен на месте старого “дворца франков или свободы Брюгге”. В одной из его комнат (остальные в основном современные) находится замечательная каминная полка из резного дуба, занимающая всю стену зала и состоящая из множества статуй в натуральную величину, вставленных в ниши, украшенные самой искусной и красивой резьбой, и увенчанных гербами Бургундии, Брабанта и Фландрии. Этот уникальный образец искусства датируется царствованием Карла V. В нем представлены статуи самого императора с Максимилианом и Марией Бургундской по левую руку от него; по правую - Шарля ле Темерера и его леди Маргарет Йоркской. Эти образцы совершенства, которого достигло это описание моделирования у фламандцев, действительно нужно увидеть, чтобы их можно было в достаточной степени понять.

Другое соседнее здание - *Отель де Вилль*, небольшой, но элегантный образец готической архитектуры четырнадцатого века. Многочисленные ниши, которые сейчас пустуют в каждом отделении фасада, раньше были заполнены статуями местных принцев Фландрии и Бургундии в

количестве тридцати трех; многочисленные щиты, украшенные гербами, украшали главные окна, а на маленьком балкончике перед входом герцоги по случаю своей инаугурации принесли клятву уважать права и привилегии своих подданных. Но в 1792 году солдаты французской директории под командованием Дюмуре в “прекрасном неистовстве” республиканизма снесли эти древние памятники прежней истории Брюгге как “изображения тиранов” и, растерев их в пыль, бросили на груды, составленную из обломков виселицы и эшафота, и приказали, чтобы общественный палач поджег ее. Большой зал отеля De Ville используется как библиотека и содержит большую и ценную коллекцию книг и рукописей.

Брюгге был местом рождения Беркена, который открыл искусство полировки алмазов, и, как будто секрет все еще ограничивался ремеслом (на самом деле это долгое время было секретом среди ювелиров Нидерландов), над многими дверями в Брюгге до сих пор можно увидеть вывеску “Диамант-цеттер”, который живет внутри.

В других городах, отмечая эти особенности Брюгге, можно было бы почувствовать себя составителем путеводителя; но здесь все по-другому, поскольку каждое место, каким бы незначительным оно ни было, возвышено какой-то традиционной ассоциацией с прошлым. “В тринадцатом веке, - говорится в справочнике, - послы двадцати государств имели свои отели в стенах города, а коммерческие компании семнадцати стран обосновались и вели свою торговлю в его стенах. Он стал пристанищем торговцев из Ломбардии и Венеции, которые привозили сюда товары из Италии и Индии для обмена на продукцию Германии и севера. Аргосцы Генуи и Константинополя часто посещали ее гавань, и ее склады были заполнены шерстью из Англии, льном из Бельгии и шелком из Персии”.^[5] Может ли кто-нибудь, читая это повествование о прошлом и сравнивая его с запустением настоящего, избежать напоминания о великолепном описании и осуждении Тира Иезекиилем. “Тонкое полотно из Египта было тем, что ты расстилал для своих парусов; жители Сидона были твоими мореплавателями; люди Персии были твоей армией; и они из Гаммадина были на твоих башнях и развесили свои щиты на твоих стенах, чтобы сделать твою красоту совершенной. Фарсис был твоим купцом, и железом и оловом они торговали на твоих ярмарках. Сирия дарила тебе изумруды и вышивку, кораллы и агаты. Иуда торговал на твоих рынках медом, маслом и бальзамом. Дамаск - вином из Хеврона и белой шерстью. Аравия закупала у тебя агнцев и козлят; и купцы Савские привозили тебе драгоценные камни и золото. * * * Те, кто держит весло, моряки и лоцманы на море, сойдут с твоих кораблей; они будут стоять на суше, и в своем плаче они будут восклицать: “какой город похож на Тир, на разрушенный посреди вод?”

От всех ее активных занятий в Брюгге сейчас не осталось ничего, кроме производства кружев, которым даже ее древняя слава перестала придавать престиж; и они экспортируются во Францию для продажи под названием *Point de Valenciennes*. Мехлин, Антверпен, Ипр и Граммон участвуют вместе с ней в его создании; и интересно наблюдать, как это изящное искусство, возможно, первоначально бывшее развлечением их юных девушек и женщин, пережило все бури и превратности судьбы, которые время от времени приостанавливали или нарушали другие национальные занятия бельгийцев, и теперь позволяет жителям их престарелых городов, несмотря на крушение их собственного состояния, содержать себя, так сказать, на приданое своих женщин. Франция во времена Кольбера соблазнила мануфактуру обосноваться в Париже настоящими денежными подарками; а Англия, желая разделить ее, приобрела бельгийское кружево, чтобы продавать его в Европе как свое собственное, и приобрела за счет этого такую

репутацию, что *английское кружево* до сих пор является популярным названием для определенного описания, сделанного в Брюсселе!

Изысканно тонкая нить, которую производят в Эно и Брабанте для изготовления кружев, иногда приобретает почти невероятную ценность. От тысячи до полутора тысяч франков - обычная цена за фунт, но некоторые из них действительно были сотканы вручную из такой изысканной ткани, что продаются по цене от десяти тысяч франков, или свыше 400 фунтов стерлингов, за один фунт весом. Были созданы школы для обучения как плетению кружев, так и нанесению рисунков для их изготовления, и утверждается, что в настоящее время это ремесло находится в более процветающем состоянии, чем когда-либо прежде, даже в самые благодатные времена Нидерландов.

ГЛАВА II.

ГЕНТ.

Брюгге — дешевое жилье—Табльдоты, их влияние на общество—Канал от Брюгге до Гента—Отсутствие загородных особняков—Сады—Внешний вид Гента—М. Гренье и М. де Смет де Нейер—*Совет прудентов*, его функции—Авторское право на образцы в Бельгии—Торговля льном в Бельгии—Ее значение—Большая ценность бельгийского льна—Его выращивание—Доход, получаемый от него—Неполноценность британского льна—Беспокойство правительства о торговле льном—Ручные прядильни—Машинное прядение—*Общество Лис*—Цветочные сады—Казино—Экспорт цветов—Общий вид города—*Его ранняя история*—Огромные богатства, потраченные на здания в городах Бельгии, на которые приходилось обращать внимание—Торговые корпорации—Волнения жителей Брюгге и Гента—*Жак ван Артевельде*—Его смерть—Филипп ван Артевельде—Карл V.—Его *добрые слова* в отношении Гента—Латинский дистих, характерный для фламандских городов—Осада Гента, мадам Мондрагон—Дом Артевельдов—Отель де Вилль—Колокольня и Роланд —*Марш де Вендреди*—Великая пушка Гента.

Брюгге имеет репутацию экономичного места жительства для людей с ограниченным состоянием, но у меня есть основания полагать, что он не в полной мере этого заслуживает. Как я понял, по окончании войны за двадцать пять фунтов в год можно было получить большой особняк со всеми удобствами, но приток англичан и приезжих поставил его в этом отношении в один ряд с другими местами континента.

Мы пообедали за превосходным столом в отеле "Коммерс", единственным неудобством был ранний час, 2 часа ночи, но с этим, а также с еще более ранними часами для ужина, мы не только смирились, но и почти предпочли покинуть Германию. Преобладанию этих столовых в каждом городе и деревне континента, без сомнения, следует приписать большую часть того социального чувства и непринужденности, которые характеризуют жителей почти всех стран Европы, кроме нашей. Будучи посещаемыми людьми всех рангов, они ведут к усвоению манер и вкуса, что должно способствовать общей утонченности; и путем обмена мнениями и распространения информации в течение двух-трех часов ежедневного общения они должны

способствовать распространению информации и лучшему взаимопониманию между всеми классами.

В Англии, с нашими нынешними представлениями о секциях и четко определенными оценками, их введение было бы невозможно, а если бы и было предпринято, то послужило бы только для того, чтобы сделать более четкими и компактными разделения, на которые разделено общество. И все же, насколько желательно было бы найти какой-нибудь успешный способ добиться более частых сношений между этими многочисленными кастами и смягчить эти индуистские предрассудки, которые являются несомненным источником неуверенности и слабости в Англии. Именно этому в значительной степени следует приписать злобность политической зависти и сильную ненависть политических партий. Так долго, как богатство состоит Великий стандарт, который регулирует обычный приоритет, достатка и интеллекта должны образовывать одну эксклюзивные расы, чьи чувства, привычки, предметы и желания, нищеты и невежества, так как они *могут ничего не знаю*, может быть легко вообразила их враждебных и деструктивных их собственные; и даже бездарность ранг, как она стоит в стороне от любого, буду продолжать смотреть с тревогой и ревностью к обеим.

Если бы было возможно каким-либо благотворным способом дать возможность скромным и трудолюбивым *людям самим* понять, что удовольствия и привычки богатых не обязательно противоположны их собственным, это сразу же парализовало бы силу демагогов и подстрекателей. Религиозный фанатизм и политическая злоба, подобно сере и селитре, взрывоопасны только в сочетании с древесным углем невежества.

Железная дорога, ведущая из Брюгге в Гент, проходит на всем пути в пределах видимости и часто вдоль берега канала, соединяющего два города, который иногда представляет большую красоту, чем можно ожидать; его воды покрыты широкими листьями водяной лилии, пестрят ее цветами и цветами желтой болотной фасоли; а его крутые берега покрыты кистями цветущего камыша. Дорога проходила через многочисленные перелески, выращенные на дрова и засаженные дубами, каштанами и плакучими березами, с кое-где широкими участками елей и граба. Но красота длинных рядов декоративных деревьев, которые окаймляют дорогу, а иногда и каналы во Фландрии, сильно портится из-за моды опылять их верхушки с целью получения топлива.

Также упускаются из виду многочисленные усадьбы и особняки мелкопоместной знати, с которыми мы познакомились, путешествуя по нашей собственной стране, "счастливые дома Англии", составляющие богатую роскошь британского пейзажа. Но здесь их возведение не учитывается законом о праве первородства, по которому имущество индивида в обязательном порядке делится между его наследниками; и в прежние периоды их отсутствия, возможно, можно было приписать небезопасности страны, постоянно охваченной войной и всеми ее сопутствующими явлениями, так что люди находили свою единственную безопасность в стенах своих укрепленных городов. Однако в окрестностях Гента они встречаются чаще, чем в любом другом районе Бельгии, который я видел, что, возможно, свидетельствует о более богатом положении его преуспевающих мануфактур и купцов.

В окрестностях всех деревень и пригородов у каждого дома есть сад, изобилующий цветами (среди которых особенно выделялось множество георгин), окруженный не забором, а чаще всего, в садах любой протяженности, широкой полоской глубокой воды, покрытой лилиями и водными растениями. Каждый дюйм земли, казалось, был обработан лопатой, причем с более

чем китайской экономией почвы, сделанной для того, чтобы внести свой вклад либо в украшение, либо в поддержку жилища владельца.

Миновав деревушки Блумендаль (долина цветов) и Эльтре, мы увидели Гент, расположенный на значительном возвышении над водами Шельды (произносится *Скельд*), Лис, Ливе и Моер, которые встречаются у ее подножия и своими сообщающимися ответвлениями и каналами делят город на двадцать шесть островков, соединенных более чем восьмьюдесятью мостами из дерева или камня. Его башни и шпили видны за несколько миль до того, как до него доберешься, они смешиваются с высокими трубами многочисленных мануфактур, которые называют его бельгийским Манчестером.

Двор вокзала был заполнен толпой омнибусов, фиакров и *дружинников*, усовершенствованием лондонских кэбов, и за несколько минут езды мы добрались до Котер, или площади Армии, где, следуя указаниям в справочнике, остановились у Почтовой гостиницы, просторного дома, принадлежащего некоему М. Олди, который, как нам сказали, был сыном баронессы с тем же именем, фигурировавшей в деле о суде над королевой Каролиной.

ГЕНТ.

Я стремился узнать что-нибудь о реальном состоянии обрабатывающей промышленности в Бельгии, и Гент, ее главный центр, предоставлял самые благоприятные возможности. Нас представляли друг другу неоднократно, но больше всего я обязан *мсье Гренье*, одному из самых умных и образованных деловых людей, с которыми мне посчастливилось познакомиться. Ранее он был офицером императорской гвардии Наполеона, пока Бельгия была провинцией империи, но после установления мира в 1815 году занялся коммерцией и теперь связан с некоторыми из наиболее важных производственных и торговых учреждений Бельгии. Я также признателен за вежливое внимание *г-ну де Смету де Нейеру*,^[6] выдающемуся промышленнику и одному из должностных лиц Торговой палаты и Совета прудов в Генте.

Последний орган, представляющий собой учреждение, изначально французское, было введено в Бельгии указом Наполеона в 1810 году. Это совет, сформированный совместно работодателями и рабочими, избираемый ежегодными секциями и выполняющий все свои функции не только безвозмездно по отношению к обществу, но и безвозмездно своим собственным членам, помимо простых расходов на содержание офиса и умеренного жалования секретарю. В его обязанности входит налаживание взаимных отношений между рабочими и их хозяевами во всех отраслях производства, предотвращение комбинаций, выполнение контрактов, регулирование ученичества и эффективное управление системой *livrets*-разновидности постоянного диплома, который ремесленник получал по окончании своей кафедры, подписанного мастером, к которому он был приписан, и скрепленного печатью президента Совета прудов. Без получения своего *ливра* ни один торговец не может быть принят на работу; и в него заносятся все его последовательные увольнения и оправдания у различных хозяев. Полномочия налагать штрафы и конфискации, осуществляемые советом, ограничены до определенной суммы, а в случаях более серьезной важности прибегают к исправительной полиции.

Но основными функциями Совета по охране труда являются предотвращение любого вторжения в особые права любого производителя или контрафактной имитации его конкретных товарных знаков; и особенно защита авторских прав на все образцы и произведения искусства для

украшения мануфактур. С этой целью каждый владелец оригинального дизайна, будь то для работы с металлом или тканью, имеет право сдать его копию в архив совета, завернутую в запечатанную обложку и подписанную им самим; и получить взамен свидетельство о его зачислении и дату получения. В то же время от него требуется указать срок, на который он желает закрепить за собой исключительное право на его публикацию, будь то на один, два или три года или навсегда, и в любом случае требуется незначительная плата, ни в коем случае не превышающая франк за каждый год испрашиваемой охраны или десять за бессрочный период. [7] В случае возникновения каких-либо споров относительно оригинальности или права собственности должностное лицо совета уполномочено сломать печать, и его показания являются убедительными относительно даты и обстоятельств передачи на хранение.

Результат этого простого и недорогого судебного разбирательства был признан настолько действенным, что для образцов любого описания, применимого к произведениям вкуса, была установлена самая справедливая гарантия, и *интеллектуальная собственность* образца была так же тщательно подтверждена его изобретателю с помощью реестра правообладателей, как его *материальная собственность* в виде изделия, на котором оно должно быть оттиснуто, закреплена за ним обычным правом. Фактически, вся деятельность учреждения в Генте оказалась настолько полезной для мануфактур во всем мире, что согласно *проекту закона* 1839 года, аналогичные советы собираются учредить во всех ведущих городах, таких как Льеж, Брюссель, Куртре, Антверпен, Лувен, Монс, Шарлеруа, Вervье, и в промышленных районах в целом по всей Бельгии.

Одним из наших первых посещений была фабрика по прядению льняной пряжи, недавно построенная акционерным обществом под названием *La Société de la Lys*, как я полагаю, в честь фламандской реки, на берегу которой она расположена и которая известна на континенте исключительной пригодностью своих вод для заготовки льна. Бельгия с самого отдаленного периода, даже, как говорят, до христианской эры, славилась производством одежды всех видов. Именно в Бельгии Англия получила свои первые знания о ткачестве из шерсти; дамаск производился там со времен крестовых походов, когда солдаты Готфрида Бульонского и графа Болдуина привезли это искусство из Дамаска; и по сей день само название "*Голландия*" является синонимом льна, и ткань, называемая так, на протяжении веков ткали главным образом во Фландрии.

При правительстве Австрии мануфактура, по-видимому, достигла своего апогея процветания в Нидерландах, экспорт полотна из которых в 1784 году составил 27 843 397 ярдов, в то время как в настоящий момент, при всем росте населения и открытиях в области машиностроения, он едва превышает тридцать миллионов. Опять же, при континентальной системе Наполеона, с 1805 по 1812 год, она достигла высокой степени процветания, которая заметно снизилась после событий 1814 года, когда английская продукция снова вступила с ней в активную конкуренцию.

Однако выращивание льна по-прежнему остается ее основным занятием, и на его выращивание отводится один акр из каждых восьмидесяти шести на всей территории Бельгии. В особых округах, таких как Куртрей и Сен-Николя, под это отводится до одного акра из двадцати, а в Pays de Waes - до одного из десяти. Фактически каждый округ Бельгии дает больше или меньше льна, за исключением Люксембурга и Лимбурга, где это пытались сделать, но безуспешно; но из всего производимого количества только Фландрия дает три четверти, а остальные провинции

- одну. Качество льна, по-видимому, также, независимо от местного превосходства в его выращивании, существенно зависит от характера почвы, на которой он посеян. Начиная с окрестностей Гента, никакой обработки почвы не было бы достаточно, чтобы получить материал, пригодный для более дорогостоящих целей; валун дает самые грубые сорта; Куртре - те, прочность которых подходит для изготовления ниток; и только Турне производил тонкие сорта, которые служат для изготовления кружев и батиста.

Из количества обработанного льна, заготовленного в Бельгии, которое, по расчетам, составляло около восемнадцати миллионов килограммов, пять миллионов ежегодно экспортировались в Англию и другие страны, в среднем за восемь лет, с 1830 по 1839 год. Согласно отчетам бельгийской таможни, экспорт осуществлялся следующим образом - с 1830 по 1839 год.

1831	5,449,388	килограмм.
1832	3,655,226	”
1833	4,392,113	”
1834	2,698,870	”
1835	4,610,649	”
1836	6,891,991	”
1837	7,403,346	”
1838	9,459,056	”

Важно наблюдать неуклонный рост спроса в Англии с 1834 года. Остальная часть зарезервирована для домашнего производства ниток и ткани, и, по оценкам М. Бриавионна, выращивание только этого предмета, сочетающего ценность сырья с ценностью, придаваемой ему при обработке на различных стадиях от льна до льняной ткани, ежегодно приносит Бельгии доход в размере 63 615 000 франков.[\[8\]](#)

Бельгия вообще не обладает источником национального богатства, который можно было бы сравнить с этим, поскольку речь идет о концентрированной прибыли как от сырья, так и от его производства, и в настоящий момент внимание правительства и энергия нации направлены на его поощрение во всех департаментах с серьезностью, которая хорошо свидетельствует об их глубоком понимании его важности.

Благоразумные опасения министерства иностранных дел Бельгии по этому поводу также не лишены серьезных и справедливых оснований. Их способность конкурировать с Англией в производстве пряжи или льняного сукна проистекает исключительно из того счастливого обстоятельства, на которое я только что ссылался, а именно того, что они не только сами производят сырье для своих собственных мануфактур, но и поставляют его своим конкурентам почти по своей цене. *Превосходство бельгийского льна таково, что, хотя в некоторых случаях цена на него достигала 220 фунтов стерлингов за тонну и обычно колебалась от 80 до 90 фунтов стерлингов, ни в одном случае, о котором я когда-либо слышал, за британский было получено не более 90 фунтов стерлингов, а его обычная средняя цена не превышает 50 фунтов стерлингов.*

Следовательно, элементами их торговли являются, во-первых, выращивание льна и, во-вторых, его переработка с помощью машин в пряжу и ткань. Только в последнем случае, исходя из относительных местных условий двух стран, совершенно невозможно, чтобы Бельгия могла успешно выдержать конкуренцию с Англией, с ее более низкой техникой, более дорогим топливом и ограниченным сбытом; но благодаря другому счастливому преимуществу, заключающемуся в возможности снабжать себя сырьем по самой низкой цене, а своих соперников - по самой высокой, она занимает положение самой последней важности.

Но, если возникнут какие—либо обстоятельства, изменяющие это относительное положение, если Англия мудро займется продвижением такого усовершенствования в выращивании и выделке своего льна у себя дома, которое сделало бы его по качеству равным тому, от поставок которого она сейчас зависит из-за границы, - если Индия или ее собственные колонии возьмутся за его производство, или если какая-либо другая страна, переняв бельгийские технологии, вытеснит ее на рынке и, таким образом, сведет ее конкуренцию с Англией к простому соперничеству с машинами, торговля льном в Бельгии ни при каких обстоятельствах не сможет выдержать борьбу, и ее основное производство в течение столетий перейдет на нет. , сразу же попала в руки своих соперниц.

Сознавая их критическое положение в этом отношении, король Голландии в течение своего пятнадцатилетнего правления Нидерландами заботился о поощрении и совершенствовании их механических навыков, которые, возможно, были доведены до неразумной крайности; и с таким же беспокойством о сохранении своего господства в другом департаменте министры короля Леопольда уделили пристальное внимание выращиванию льна; и на той же неделе, когда я прибыл в Остенде, из Англии только что вернулась комиссия, запросы которой были специально направлены на вопрос о введении ограничений на его экспорт .

Большая часть беспокойства правительства по этому поводу возникает в настоящий момент из-за необходимости энергичного продвижения машинного прядения и, в то же время, из-за трудности поиска работы для тысяч людей, которые сейчас живут за счет старой системы ручного прядения и которых успешное внедрение нового процесса лишит их обычных средств к существованию. Хотя это одна из тех жалоб, с которыми мы давно знакомы в Англии, и которую жители этой страны, наконец, осознали, она не относится к числу...

“Те болезни, которые короли или законы могут вызвать или вылечить”,

тревога и замешательство бельгийцев и их искренние протесты по поводу внезапного прекращения их работы вызвали немалое замешательство у их собственного правительства; и влиятельная партия, как в стране, так и в Палате представителей, серьезно консультировалась относительно наилучшего средства обеспечить продолжение их “древней промышленности” для домашних прядильщиц путем ограничения экспорта льна для прядения на машинах за границу!

Целесообразность этого и уместность введения пошлины на весь лен, поставляемый в Англию, считались предметом расследования комиссии, направленной Палатами в Англию, в состав которой входили граф д'Хан, член верхней палаты, М. Кулз, представитель крупного льняного района Сен-Николя, и М. Бриавионн, успешный автор статей о бельгийской торговле, и один или два других джентльмена, связанных с торговлей льном.

Применение машин для производства льняной пряжи, хотя и сравнительно недавно появившееся в Бельгии, тем не менее достигло удивительного прогресса и претендует на то, чтобы честно, если не без препятствий, поддерживать достойное соперничество с Великобританией. Предложение Наполеоном в 1810 году награды в миллион франков за открытие процесса, с помощью которого из льна можно было бы прясть пряжу с таким же совершенством, как из хлопка, естественно, дало толчок всем ремесленникам империи, и почти одновременно с его обнародованием бельгийский фабрикант по имени Бавенс объявил о применении принципа прядения в воде, который в настоящее время используется повсеместно. Старая система сухого прядения, однако, все еще сохранялась и сохранялась до тех пор, пока не была заменена в самое последнее время изобретением Бавенса, усовершенствованным всеми последующими открытиями в Англии и Франции.

Местонахождение мануфактуры в настоящее время находится в Генте и Льеже и ограничено очень немногими обширными заведениями, спроектированными акционерными обществами, или Анонимными обществами,^[9] Создание которых, в последнее время в Бельгии стало почти манией. Четыре из этих заведений, спроектированных в период с 1837 по 1838 год, предполагали вложить капитал, составляющий в целом не менее четырнадцати миллионов франков. Один из них в Льеже довел до совершенства свое намерение и сейчас находится в действии. Второй, в Малинесе (Мехлин), был заброшен после возведения зданий, а два других в Генте все еще находятся только в процессе завершения. Кроме них, в Генте есть третье, находящееся в руках частного лица, рассчитанное на 10 000 веретен.

То, что мы посетили, принадлежит *Обществу Лис*, может быть воспринято как прекрасная иллюстрация прогресса, которого достигло искусство в Бельгии, поскольку все остальные построены по схожим моделям и с использованием того же оборудования во всех отношениях. Первоначально он был рассчитан на 15 000 шпинделей, но из них не более трети еще установлены и находятся в движении, и только 5000 других находятся в стадии подготовки. Паровые машины были изготовлены в Англии господами Дж. Холл из Дартфорда, по принципу, известному как патент Вольфа, который, используя два цилиндра, сочетает в себе высокое и низкое давление и вырабатывается с использованием от половины до трети топлива, необходимого для двигателей, которые обычно используются в Англии,^[10] объект огромной важности в стране, где уголь такой дорогой, как в Бельгии.^[11] Все оборудование производится на заводе Phœnix в Генте, подготовительные части его превосходны и демонстрируют все последние английские усовершенствования, а при передвижении используются новые спиральные рамы. Но прядильные цеха показывают, что бельгийская механика все еще сильно отстает от лондонской и манчестерской, о чем свидетельствует неуклюжесть и несовершенная отделка рамок, хотя они по-прежнему производили превосходную работу; пряжа, которую мы видели, была хорошего качества, но грубоватой по описанию, и предназначалась для домашнего потребления и для нитеводоов Лайла. Количество, производимое в день, было вполне равно количеству английских прядильщиков,^[12] а их заработная плата была почти такой же, как в Ирландии, и несколько меньше, чем у англичан.^[13]

В целом, торговля льном в Бельгии, несмотря на ее обширную подготовку машин и чрезвычайный спрос на ее лен, должна рассматриваться как находящаяся в каком угодно, но только не в безопасном или постоянном положении. Что касается более прочных изделий, которые могут быть изготовлены из льна английского происхождения, то англичане уже значительно недооценивают его; в настоящее время на севере Ирландии ведется важная

торговля по экспорту льняных изделий в Германию, откуда они ранее ввозились в Англию и откуда до сих пор отправляются в Бельгию, где торговля дамастом в Куртре, которая постоянно сокращалась с 1815 года, теперь почти полностью вытеснена ткачами Саксонии и Хернхута; а тикены в Тюрнхауте - тканями из прочных нитей Брауншвейга.

Предполагаемая французским правительством мера по введению высокой пошлины на ввоз льняной пряжи, если она будет продолжаться, нанесет большой ущерб бельгийским прядильщикам, поскольку в большей или меньшей степени неизбежно приведет к сокращению их потребления. С другой стороны, поскольку сама Англия, можно сказать, не выращивает льна для собственного производства, а лен Ирландии не только намного уступает по качеству голландскому и бельгийскому, но и неадекватен ее собственному потреблению и с каждым годом увеличивает спрос и дорожает, — до тех пор, пока Великобритания, таким образом, зависит от своих собственных конкурентов в поставках сырья для питания своих машин, затрачивая от 8 до 10% на перевозку и сборы, в дополнение к его высокой первоначальной стоимости, и в то же время она должна конкурировать с ними на тех континентальных рынках, которые являются открытыми для них обоим, прядильные фабрики Бельгии нельзя рассматривать иначе, как грозных соперников. Это опасение не умаляется и тем фактом, что Бельгия, которая несколько лет назад не имела оборудования для прядения пряжи, за исключением того, что она получала из других стран или могла контрабандой вывезти из Англии по серьезной цене, теперь может производить сама и располагает всеми полезными ископаемыми, металлами и топливом, которые в сочетании с промышленностью и квалифицированной рабочей силой необходимы для доведения производства до совершенства. В настоящее время английский фабрикант имеет защиту в стоимости только своего оборудования — строительство фабрики *Société de la Lys* обошлось в 80 000 фунтов стерлингов, что при условии приведения в действие 10 000 шпинделей составило бы 8 фунтов стерлингов за шпиндель, а поскольку в настоящее время используется только половина из них, фактические затраты составляют шестнадцать фунтов стерлингов; в то время как крупная мельница может быть построена в Ирландии за 4-5 фунтов стерлингов, а в Англии еще дешевле. Разница в процентах при таких неравных инвестициях, должно быть, составляет значительный вычет из фактических прибылей бельгийцев.

Мы вернулись в наш отель по тенистой набережной вдоль *Купюр*, соединяющей воды Лиса с каналом Брюгге, берега которого, обсаженные тройным рядом высоких деревьев, образуют одно из самых фешенебельных мест отдыха и развлечений в Генте. На него выходят сады Казино, довольно обширное здание в греческом стиле, построенное в 1836 году для двух ботанических и музыкальных обществ Гента, в одном из которых проводятся концерты, а в другом - весенняя и осенняя выставка цветов. В задней части здания находится большой амфитеатр с сиденьями, вырезанными из поросшего мхом берега и засаженными цветами, где *Société de St. Cecile* дает свои концерты, которые летом проходят под открытым небом и на которых иногда могут разместиться до шести тысяч человек.

В выращивании цветов Бельгия, и особенно Гент, превзошли древних флористов Голландии, город фактически окружен садами и оранжереями, а оранжереи Ботанического общества известны по всей Европе своим успешным выращиванием редчайших экзотических растений. В Генте их продажа фактически стала важной отраслью торговли; растения стоимостью в полтора миллиона франков ежегодно вывозятся благодаря местным садоводам; и нет ничего необычного в том, что на реках можно увидеть суда, полностью загруженные камелиями,

азалиями и апельсиновыми деревьями, которые цветоводы Гента отправляют во все части Европы, даже в Россию.

Общий вид города, не отличающийся особой живописностью, для постороннего человека является одним из самых приятных на моей памяти, которые я когда-либо видел. В массе его домов и построек нет той единообразной атмосферы глубокой древности, которая присуща Брюгге, поскольку подавляющее большинство улиц часто перестраивалось и модернизировалось, а также вследствие гражданских волнений, в соответствии с потребностями торговли и мануфактур, которые, покинув остальную часть Бельгии, по-видимому, сосредоточились здесь. Его современные дома почти все построены по итальянскому образцу, с просторными *галереями*, просторными дворами, высокими лестницами, высокими окнами и часто украшены фресками и барельефами для украшения экстерьера.^[14] Почти в каждом доме установлен *шпион*, маленькая зеркальная пластинка, установленная снаружи окна под таким углом, что все, что происходит на улице, видно тем, кто внутри, без того, чтобы они появлялись сами.

Тут и там на набережных и более узких улочках можно встретить мрачные старые жилища “Жителей Гента”, ныне превращенные в постоянные дворы или склады с припасами, с их острыми наклонными крышами, высокими ступенчатыми фронтонами, выступающими на улицу, фантастическими дымовыми трубами и окнами со средниками, глубоко врезынными в стены. И, неожиданно повернув за угол в узком проходе, перегороженном громоздкими повозками, запряженными волами, оказываешься перед какой-нибудь огромной старой башней или почтенной звонницей, покрытой готической скульптурой и тянущейся к небу так высоко, что приходится запрокидывать голову, чтобы разглядеть ее вершину. Одним из необычных старинных зданий на набережной о-Эрб, примечательным обилием саксонских арок и резьбы по камню, был ЗалВодников, чье бурное восстание под руководством Джона Лайона с причудливыми подробностями описано на страницах Фруассара. Но в основном улицы Гента оживлены и привлекательны, а его просторные площади, засаженные деревьями, составляют резкий контраст с меланхолическими зданиями из кирпича и строительного раствора, составляющими промышленные города Англии. Здесь тоже, как в Манчестере и Лидсе, все население кажется живым и деятельным, но вместо серьезной серьезности, которую можно увидеть на каждом лице в Ланкашире, гантуа, кажется, занимается своими делами с бодростью и рвением, как будто он занят не столько бизнесом, сколько развлечением. Каналы заполнены тяжело груженными баржами, а причалы - длинными узкими фургонами самой примитивной конструкции, в которые они разгружают свой груз; в то время как количество красивых частных экипажей, которые можно увидеть на каждой улице, сразу говорит о богатстве и утонченности населения. Магазины чрезвычайно хороши, хотя и не особенно умеренны в своих расценках, и я был несколько удивлен, увидев на вывесках у дверей магазинов одежды и мод объявление о том, что в них можно приобрести *шотландский* и *английский товар*. В целом сочетание античной самобытности с современным комфортом, коммерческой суетой, богатством, весельем, чистотой и живостью, которое можно увидеть в Генте, не может не поразить самого торопливого путешественника, и я сильно сомневаюсь, что его можно найти в таком же совершенстве в любом другом городе континента равной протяженности.

В каждом квартале города сохранились следы былого богатства бюргеров, и в каждом здании сохранились какие-то традиции, характерные для бурного развития этой маленькой муниципальной республики. Брюгге и Гент, в этом отношении, безусловно, самые интересные города Фландрии. Брюссель, Льеж и Ипр - все они имеют более современную дату и бесконечно меньшее историческое значение, относящиеся к бурному периоду фламандских анналов с 12 по 16 век. Гент был укрепленным городом тысячу лет назад, когда его цитадель была возведена Балдуином Железной Руки, но богатство и важность городов Нидерландов выросли только в ярости перед Крестовыми походами; когда сеньоры, чтобы получить средства для снаряжения их экспедиций в Святую Землю, освободили жителей городов от их вассальной зависимости и продали им земли, на которых были построены их города, и все права самоуправления, привилегии, которые впоследствии приняли форму корпоративной конституции. Таким образом, Гент получил независимость от Филиппа Эльзасского в 1178 году и впервые обеспечил себе право на свободные собрания, выборы своих собственных старост, общую печать и колокольню, которые всегда были незаменимым сопровождением гражданской власти и играли важную роль в поднятии тревоги и созыве граждан в случае любой чрезвычайной ситуации.

Именно вследствие этих важных уступок, в то время как землевладельцы и их последователи-агрии растрачивали свои силы на далекие войны или существовали за счет грабежей и насилия друг против друга, жители городов, укрытые в своих стенах и укрепленных местах, получили возможность посвятить себя производству и торговле и, таким образом, сосредоточить в своих руках на сегодняшний день наибольшую долю денежного богатства Нидерландов.

Но, наряду с их высокими привилегиями, существовали и некоторые ограничения, которым мы сегодня обязаны огромными и великолепными зданиями, оставленными бюргерами этих процветающих общин на наше удивление и восхищение. Права, предоставленные им их сеньорами, были строго ограничены пределами их собственных стен, ни один свободный бюргер не мог покупать или владеть земельной собственностью за пределами своего муниципалитета; и таким образом, будучи вынужденными накапливать капитал в погоне за торговлей и перевозками, они были в равной степени вынуждены вкладывать его не в землю, как вышедшие на пенсию торговцы современности, а в строительство этих огромных дворцов и частных особняков, а также в украшение своих жилищ и своих городов.

Именно на это политическое обстоятельство их положения мы должны ссылаться, чтобы объяснить масштабы и великолепие тех старинных домов, которые мы встречаем на каждом шагу в Брюгге и Генте, — на дорогую резьбу и скульптурные украшения их фасадов и интерьеров, а также на количество картин и орнаментов, которыми они изобилуют.

Накопление их муниципальных ресурсов также требовало подобного распоряжения и было использовано для возведения их высоких колоколен, возведения тех гигантских башен, которые возвышаются на всех их церквях, а также для строительства их ратуш и городских домов, величина и великолепие которых в равной степени вызывают восхищение гением, разработавшим проект, и удивление богатством, которое было необходимо для их возведения.

По мере того как города росли в расцвете и богатстве, денег всегда хватало, чтобы купить у своих суверенов новые привилегии и полномочия и присоединить новые территории к их муниципальным округам, пока, наконец, ремесленников не стало так много, что они записывались в компании, наполовину гражданские, наполовину военные, в то время как все они объединялись в торговые командарии, или Хансен, распространение которых по северо-западу Германии составляет столь примечательную черту в истории торговли и цивилизации. Первым в Нидерландах в гонке за процветанием был Гент, который в течение столетия после предоставления ему избирательных прав Филиппом Эльзасским превратился, по сути, в столицу Фландрии, по размаху и значению даже превосходящую столицу Франции, откуда Карл V впоследствии отважился на свой *bon mot*, заключающийся в том, что он мог поместить весь Париж в свою перчатку *“танцует мон гант”*.

Но с этим ростом благосостояния увеличились также проблемы и заботы этих республиканских общин; их чрезмерное богатство одновременно породило внутреннее соперничество и фракции, а также привлекло иностранную алчность и вторжение. “Никогда, ” говорит Хэллем, - свобода не принимала более непримиримого облика, чем среди бюргеров Нидерландов, которые злоупотребляли силой, которую она им давала, проявляя жестокость и дерзость”. Вся история Брюгге и Гента, но особенно последнего, на самом деле представляет собой серию войн, направленных на отражение агрессии Франции или на подавление мятежного духа их собственных граждан. Это были не просто бурные стычки, которые были удостоены названия *войн* между соперничающими городами и государствами северной Италии примерно в тот же период, и в которых нередко случалось, что кровь не проливалась; но в битвах при Куртраи, Роузбеке и Эвергеме граждане могли послать в поле от 20 до 40 000 солдат и вели свои боевые действия почти в масштабах современной войны. При Куртре “люди Гента” унесли семьсот золотых шпор у побежденной французской знати. Когда Карл VII готовился изгнать англичан из Кале, Филипп Добрый смог прислать ему в качестве субсидии 40 000 человек, из которых 16 000 были только из Гента.

И эти *внутренние* распри не были незначительными. Жак ван Артевельде, Масаньелло из Фландрии, более известный как *“пивовар из Гента”*, поскольку он вступил в гильдию этого ремесла, из которой впоследствии был выбран пятьюдесятью другими корпорациями торговцев, в качестве главы каждой, получил возможность организовать такую армию городских компаний, что его союз стал важным объектом для Эдуарда III Английского, когда он готовился к вторжению во Францию.

При этом экстраординарном “народном трибуне” Гент получил возможность фактически отказаться от своей верности двору Фландрии, избрать Артевельде своим Рувером или Защитником и бросить вызов своему родному суверену, поддержанному всей мощью Франции. Артевельде стал личным другом и советником английского короля, который направил послов к его двору и заключил союз с городом, которым он командовал, совместно с Брюгге и Ипром. Именно по предложению Артевельда Эдуард расквартировал герб Франции и принял лилию, которая в течение стольких веков была на щите Англии; и именно во дворце фламандского демагога королева Филиппа родила сына, чье имя сделало Гент известным в анналах Англии:

“Старый Джон из *Гонта*, освященный веками Ланкастер”.

Руварт в честь Филиппы дал ее имя своему сыну, который в последующий период стал демагогом Гента и который,

“Каким бы отчаянным бунтарем он ни был,
Но с благородной натурой и великими дарами
Был ли он наделен: смелостью, осмотрительностью, остроумием,
Ровный нрав и широкая душа,
Окованный камнями и укрепленный от нападений
О преходящей страсти: но ниже
Построен на бушующем подземном огне
Это взволновало и подняло его на высокие ступени,
Такой быстрый и способный, и в то же время такой спокойный.
Ему не хватало суверенитета ни в чем, кроме права;
В солдатской службе нет ничего, кроме удачи”.

Филип ван Артевельде в исполнении Тейлора.

Но судьба, как и судьба Артевельде, была характерна для вошедших в поговорку капризов и колебаний республиканской популярности. После того, как в течение десяти или более лет он был кумиром народа, он осмелился побудить его исключить графов Фландрии из наследования престола и признать Черного принца, сына своего друга, своим сувереном вместо него; но его сторонники, пораженные таким смелым предложением, сделали вид, что избавляются от своего “защитника”, и убили Артевельде в его собственном доме, который они сожгли дотла, “Бедняки вырастили его, - говорит Фруассар, - а злые люди убили его”.

Тридцать лет спустя, когда Фландрия, благодаря браку Маргариты с Филиппом Харди, герцогом Бургундским, объединилась с этим суверенитетом, и граждане снова оказались в состоянии войны между собой, “люди Гента” избрали Филиппа ван Артевельде, крестника королевы Филиппы, и ее тезку, сына их бывшего фаворита и жертвы, своим лидером в их распрях с бюргерами Брюгге, которые собирались прорубить канал от их города к Денису, что нанесло бы ущерб процветанию Гента, где “урожай был самым лучшим”. из реки за ее доходов, " когда Филипп разбил армию Луи ле Маэля, с триумфом вошел в Брюгге и унес Золотого Дракона величиной с быка, который до недавнего времени венчал колокольню Гента и, как говорят, был привезен домой фламандцами, последовавшими за графом Болдуином в Константинополь.

На какое-то время, в расцвет удачи,
“Ван Артевельде во всем подражал
Состояние и манеры владетельного князя;
У него были судебные приставы, конюхи, приемщики,
Приемная комната, зал аудиенций;

Снял с себя золотую и серебряную пищу, был облачен в мантии

Алые, покрытые мехом миневры, устраивали пиры

С менестрелями и танцами, днем и ночью...

Но могущество Франции, объединенной с его родным сувереном, было непреодолимо, и в битве при Розбеке он сразу же сложил узурпированную власть и свою жизнь.

При герцогах Бургундских анналы этих замечательных военных торговцев представляют собой все ту же непрерывную историю стычек и сражений, а объединение Фландрии с Австрией в результате брака Марии Бургундской лишь привело в Нидерланды новую череду сражающихся.

В 1500 году Карл V, внук этого зловещего союза, родился в Генте, в старом замке графов Фландрских, остатки которого до сих пор можно увидеть на площади Сен-Фаральд, переоборудованном в хлопчатобумажную фабрику, высокая труба которой теперь извергает клубы дыма над колыбелью монарха, который хвастался, что “солнце никогда не заходит над его владениями”.

С той же пламенной независимостью, что и их предки, “люди Гента”, сопротивлялись деспотизму императора так же стойко, как они сопротивлялись притеснениям своих графов и герцогов; и именно после подавления одного из этих восстаний Карл, намеревавшийся придумать наказание за их непокорность, получил совет герцога Альвы, будущего Молоха Нидерландов при Филиппе II, разрушить его до основания, на что Карл в ответ указал на его башни и дворцы и попросил повторить его прежнюю остроту. , “объедините усилия, чтобы искупить вину горожан (*деревень*) Испании, ради справедливости и *стремления* к всеобщему величию”.

Карл, однако, применил наказание более унижительное, если не столь жестокое, как то, которое предусматривал *бурро* церкви, отменив все городские уставы, демонтировав их знаменитый колокол "Роланд", оштрафовав общину и заставив зачинщиков молить его о пощаде в своих рубашках с поводками на шее — церемония, о которой ошибочно говорят, что магистраты Гента продолжают носить веревку как часть своего официального костюма, и которая до сих пор хранится в церковном календаре. в котором перечислены характерные черты фламандских городов:-

Nobilibus Bruxella viris—Antuerpiæ nummis

Gandavum laqueis, formosis Brugia puellis

Lovanium doctis, gaudet Mechlinia stultis.[15]

С отречением Карла V, этим самым замечательным событием в истории королей, произошедшим в церкви Святой Гудулы в Брюсселе, и восшествием на престол Филиппа II в Нидерландах воцарился террор, когда Альва и его ищейки опустошали Фландрию, а их преемники на двадцать лет превратили ее города в скотобойни Европы.

В этих событиях Гент сыграл заметную роль, и осада его цитадели, в которой находился испанский гарнизон, представляет собой благородную историю ее обороны до тех пор, пока

она не была ослаблена голодом, когда фламандцы, сдавшись, обнаружили, что ее героическое сопротивление было делом рук женщины, мадам Мондрагон, жены коменданта, которая в отсутствие мужа приняла его командование и капитулировала только тогда, когда голод и болезни сократили ее маленький гарнизон до ста пятидесяти душ, включая ее саму и ее детей. Филипп, уставший от войны и уверенный в потере Голландии, которая приняла своего освободителя, принца Оранского, в качестве своего суверена, пошел на некоторый компромисс с фламандцами, отделив их страну от короны Испании и передав ее своей дочери Изабелле, благодаря браку которой с Альбертом она снова присоединилась к австрийскому дому, под властью которого она оставалась, за исключением кратковременной оккупации Людовиком XIV до Утрехтского мирного договора, пока не была включена в состав Французской республики в 1794 году, а затем присоединена к Голландии в феврале 1815 года.

Улицы Гента полны памятников и воспоминаний об этих бурных и необычных временах. На небольшом треугольном участке, называемом Жабьим уголком (Падден-хук), стоял дом старшего Артевельде и место его убийства; на фасаде того, что было воздвигнуто на этом месте, есть надпись: “Я ПОГИБ, ПОКА СУЩЕСТВОВАЛА ЕДИНАЯ ФРАКЦИЯ, XXVII ЖЮЛЬЕТ МАККССХХХХВ, ЖАК ФОН АРТАВЕЛЬДЕ, ВОЗВЫШАЮЩИЙ КОММУНЫ ФЛАНДРИИ До ВЫСШЕГО ПРОЦВЕТАНИЯ”.

В *Отель-де-Вилль*, одном из огромных зданий того периода в готической архитектуре Мореско, представителями Голландии и Бельгии в 1576 году была подписана знаменитая декларация под названием “Умиротворение Гента”, согласно которой штаты Нидерландов сформировали свою федерацию для сопротивления тираническому фанатизму Филиппа II.

Рядом с ним стоит колокольня, с которой Карл V распорядился убрать гордость бюргеров, их тяжелый колокол *Roland*, который по очереди бил в набат восстания или отбивал карильон верности; традиция гласит, что он был таких размеров, что весил шесть тонн, и был окружен надписью:

Минен наэм — Роланд-алс ик клипп, дэн - т брандт

Аль болен, луйде, дэн не шторм во Влендерланде.

“Когда я звоню, во Фландрии бушует пожар; когда я звоню, во Фландрии бушует буря.”

И много бурных пробуждений, должно быть, прогремело над ульем беспокойных ремесленников, которые роились вокруг его основания.

Недалеко от колокольни находится Пятничный рынок (*Marché de Vendredi*), “форум” древнего Гента, где проводились все его муниципальные церемонии и созывались все народные собрания под звон их любимого колокола; на котором также графы Фландрии приносили присягу при вступлении в должность при их присоединении к суверенитету. Именно здесь Джон Лайон созвал свою гильдию водников и убедил их надеть старый символ восстания - белый капюшон, чтобы противостоять притеснениям Луи ле Маэля; и именно здесь Джон Брейдель, другой пламенный демагог, собрал свой отряд “львиные когти” в 1300 году и повел их на “Битву шпор” при Куртре; и именно здесь Жак ван Артевельде, возглавлявший свой “профсоюз

торговцев”, был провозглашен Рувартом Фландрии. Именно здесь произошли беспорядки, столь причудливо описанные Фруассаром, между фуллерами и ткачихами в Черный понедельник 1345 года, когда последние были изгнаны из Гента после того, как полторы тысячи из них погибли на улицах; и именно здесь в более поздние времена свирепый герцог Альва зажег костер инквизиции и уничтожил непокорных протестантов Нидерландов.

В Генте почти каждое великое событие в хрониках старого города в той или иной степени отождествляется с Марке Вендреди. В центре площади горожане в 1600 году воздвигли колонну в память о Карле V, которая была сровнена с землей французскими республиканцами в 1794 году, чтобы посадить на ее фундаменте дерево свободы.

В углублении этой рыночной площади стоит чудо Гента, “*мервейль Ганда*”, огромная пушка четырнадцатого века, использовавшаяся Филиппом ван Артевельде при осаде Ауденарда в 1382 году; но как ее вообще вытащили на поле боя или использовали в бою, является одной из загадок древнего военного искусства, поскольку она имеет более восемнадцати футов в длину, десять дюймов в диаметре канала ствола и весит тридцать девять тысяч фунтов. Он сделан из ковкого железа, и Фруассар упоминает, что он выпускал пули во время осады, причем выстрел “был слышен на расстоянии пяти лье днем и десяти ночью” и звучал так, как будто “*tous les diables d'enfer fussent en chemin*”. Он был привезен из Ауденарда в Гент, поскольку, я полагаю, был оставлен на поле боя смущенными фламандцами. Его популярный субрикет - “*Dulle Greite*”, или Безумная Маргарита, в честь графини Фландрии, отличавшейся жестокой памятью, которая до сих пор известна под традиционным титулом “Черная леди”, данным ей ее подданными.

Эти и тысячи подобных записей и памятных знаков старины делают прогулку по улицам Гента особенно интересной и занимательной; и, пожалуй, нет ни одного города Европы, который так изобилует бы этими реликвиями местной истории или сохранил так много черт нравов и обычаев, соответствующих ассоциациям с прошлым.

ГЛАВА III.

ГЕНТ.

Производство машин в Генте—Великие работы Феникса—Усилия короля Голландии по развитию этой отрасли искусства—Его успех—Политика Англии по разрешению экспорта инструментов—Влияние запрета на экспорт машин на художников континента—Современное состояние мануфактур в Бельгии—*Феникс*, его масштабы, устройство и постановки—*Канал Сас—де—Ганд—Бегинаж*—Тристам Шенди—Церкви Гента—Религиозная вражда католиков—*Собор Святого Бавона*—Шедевр Ван Эйка—Канделябры Карла I—Резная кафедра—*Церковь Святого Михаила*—Распятие Вандика—Братство Святого Ивой—Церковь Сен—Совер—Уникальная картина в церкви Святого Петра—Ужин у М. Гренье—Стрельба из лука—Дороги Бельгии—Домашние привычки фламандцев—Фламандский язык—*Граф д'Ан*—Особняк графини д'Ан де Стенхаузен—Галерея М. Шампа—*Университет* Гента—Уровень начального образования в Бельгии.

Будучи так много наслышаны в Англии о гигантских масштабах предприятий по производству машин в Бельгии, сегодня утром мы посетили великий *металлургический завод Феникс* в Генте, крупнейший в королевстве; (действительно, я могу предположить, крупнейший в Европе), за исключением Серена близ Льежа. Удивительный прогресс, которого бельгийцы достигли за последние несколько лет в этом департаменте, естественно, является предметом глубочайшего интереса в этой стране. Двадцать лет назад производители Нидерландов были полностью зависимы от Франции и Англии во всем, кроме самых обычных машин, которые использовались в простейших процессах, но отказ Великобритании разрешить их экспорт на каких—либо условиях, естественно, не оставлял им иного выбора, кроме как либо бросить свое производство, либо применить собственную изобретательность для создания машин для себя. Поощряя последнюю попытку, король Голландии в течение пятнадцати лет, пока Бельгия находилась под его покровительством, прилагал все усилия с энергией и рвением, которым нет аналогов; покровительство, личные усилия и денежная помощь были направлены на продвижение этой важной цели с почти невероятным усердием и настойчивостью; его усилия увенчались совершенным успехом, и даже его враги вынуждены признать, что исключительное развитие ресурсов Бельгии в этом важном департаменте - все это следует приписать неустанному труду бельгийского короля. энергия и старания короля Голландии.

Его усилиям во многом способствовало смягчение тем временем политики Англии, разрешившее свободный вывоз определенных машин и, что было бесконечно важнее, *самых сложных и изобретательных инструментов* для их изготовления. Последствия последней меры, в частности, и импульс, который она придала производству машин не только в Бельгии, но и во всех других странах Европы, которые стремятся к этому, положительно не поддаются исчислению. Это сразу дало нашим континентальным конкурентам саму суть нашего превосходства; инструменты, которые сами по себе являются самыми красивыми и сложными машинами, выполняющими подобно автоматам операции, которые когда-то требовали всего интеллекта и ловкости ремесленника; токарные станки и рубанки, которые управляются с железной балкой, как с зеленым деревом, и формуют и полируют самые тяжелые стержни с такой же легкостью, с какой токарь изготавливает игрушку из слоновой кости.^[16] Безоговорочно передать их в руки инженеров континента и в то же время отказать им в изделиях, которые они должны были производить почти спонтанно, было ни много ни мало как безапелляционным отказом от плодов, но никак не комплиментом в том, что они прислали дерево.

Отказ Великобритании признать весь вопрос во все времена вызывал бурю эмоций на континенте, и сами бельгийцы среди всех громче всех осуждают эту “ревнивую и ограниченную политику Англии”, забывая, что они сами в 1814 году придерживались точно такого же курса и запретили под страхом штрафа и тюремного заключения выезд своих собственных машин или ремесленников, какими они были! Даже сейчас ценность того, что уступила Англия, забыта из-за важности, придаваемой тому, что она все еще скрывает, и даже появление тайны, связанной с запретом, увеличивает его значимость в воображении и разжигает желание заполучить его. Причудливая иллюстрация их идей по этому поводу содержится в работе М. Бриавионна, который серьезно утверждает, что “промышленники Ланкашира, которым не терпится принять участие в заботах правительства по этому вопросу, ввели добровольный налог, достаточный для организации постоянной охраны, которая окружает Манчестер днем и ночью, чтобы предотвратить вывоз машин”.^[17]

Однако общеизвестно, что, несмотря на эти неусыпные меры предосторожности и вопреки всем запретам, в настоящее время в Бельгию и любое другое государство, которое в ней нуждается, контрабандой ввозится оборудование всех видов — возможно, не в таких количествах, чтобы служить для оснащения обширных заводов, но для того, чтобы предоставить образец каждого усовершенствования и каждого нового изобретения для немедленного внедрения и подражания континентальным инженерам и механикам. Обеспеченные и поощряемые таким образом, спекулирующие на капитале, щедро поставляемом их правительством, оснащенные самыми ценными английскими инструментами, проверенными английскими мастерами и работающими по английским образцам, бельгийцы в настоящее время намного опередили всю остальную Европу в производстве машин любого типа и во всем, кроме стоимости конструкции и той красоты отделки, которую может достичь только зрелое мастерство, они в настоящее время могут соперничать с самой Англией в ее особой и доселе бесспорной области.

Создание Феникса - одно из тех, которые возникли, таким образом стимулируясь и поощряясь. Первоначально он был возведен частным владельцем М. Хайтенсом Керремансом в 1821 году и приобрел большую известность под руководством англичанина по имени Белл, причем настолько, что в период революции 1830 года в нем ежедневно работало более двухсот двадцати рабочих. В 1836 году, после смерти владельца, он перешел в руки акционерного общества, которое увеличило его более чем в три раза по сравнению с предыдущим размером, затратив более миллиона франков. В настоящее время им руководит мистер Виндзор, джентльмен из Лидса, и это, безусловно, самое превосходно организованное заведение подобного рода, которое я когда-либо видел, не исключая и Англии.

В настоящее время здесь занято семьсот рабочих, из которых двести - подмастерья, а остальные - от пятидесяти до шестидесяти англичан. Ассортимент ее продукции включает все виды машин, используемых для прядения льна, хлопка, шелка или шерсти, а также для других производств, где требуется оборудование, на которое в настоящее время существует высокий спрос не только в Бельгии, но и в Испании, Австрии, Франции и Голландии. С точки зрения отделки и красоты прядильное оборудование, безусловно, как я уже сказал, уступает английскому, также утверждается, что оно неисправно в других отношениях, но те владельцы фабрик, которые им пользуются, не жаловались мне по этому поводу и, казалось, были полностью удовлетворены его работой. Некоторые из более тяжелых изделий, находившихся в процессе изготовления, особенно спиральная передвижная рама, которую завершали несколько английских рабочих, казались во всех отношениях, как по отделке, так и по конструкции, совершенно равными тем, что производились в Манчестере и Лидсе.

В заведении имеется подготовительная мастерская широкого масштаба, оснащенная небольшими инструментами и оборудованием, за которой наблюдают два компетентных директора исключительно для обучения подмастерьев, и, как нам сказали, ее успех был весьма отрядным. Англичане, работающие на Фениксе, получают более высокую заработную плату, чем фламандцы, но большинство из них остаются на службе только до тех пор, пока не будут выполнены их первоначальные обязательства, когда от их услуг избавятся, а их места займут местные рабочие, с зарплатой, не превышающей двадцати франков в неделю, и полностью компетентные для выполнения своих обязанностей.

Одной из важных особенностей этой огромной мануфактуры является то, что она постепенно преуспевает в производстве собственных инструментов, вместо того чтобы импортировать их, как до сих пор, из Англии. Большинство из тех, что использовались, были уже сконструированы на месте по английским образцам, и в тот момент, когда мы позвонили, строгальный станок длиной двадцать футов находился в процессе монтажа вместе со сверлами, токарными станками скользящего типа, разделительными и опиливающими устройствами, короче говоря, всеми видами инструмента, используемыми в Великобритании. В этом отношении директора заверили меня в своей уверенности в том, что в будущем они будут совершенно независимы от каких—либо поставок из-за рубежа - но я должен добавить, что впоследствии на конкурирующем предприятии в Серене, где все инструменты импортируются из Англии, мне сказали, что инструменты, изготовленные в Фениксе, были не только намного дороже, но и более низкого качества.

В период нашего визита комбинат был полностью занят, поскольку в Генте строились три льнопрядильные фабрики; но еще предстоит выяснить, является ли его нынешнее бурное процветание результатом постоянной причины, и будут ли карьера бельгийских мануфактур и возникший вследствие этого спрос такими, чтобы поддерживать прибыльную работу этого великолепного предприятия, а также Серена и небольших предприятий того же рода в Брюсселе, Вервье, Намюре, Шарлеруа и других местах.

В окрестностях Феникса мы миновали большой бассейн канала Сас-де-Ганд, который, соединив Гент с Тернозом в устье Шельды, фактически превратил его в морской порт в сердце Бельгии. Эта смелая идея была первоначально задумана Наполеоном, но воплощена в жизнь королем Голландии всего за два года до того, как он был изгнан из страны революцией. Однако, поскольку устье канала расположено в Зеландии, провинции голландских владений, судоходство по нему было фактически закрыто с 1830 по 1839 год, когда был ратифицирован международный договор, который окончательно определил границы двух государств. В течение этих девяти лет великолепный причал в Генте и линия самого канала находились в застое, и проход быстро засыпался песком и илом, что было еще одним из многих неудобств, причиненных бельгийским купцам "отменой союза". Однако, наконец, он открылся для торговли, и когда мы увидели его, там стояло несколько судов, несколько из которых разгружали хлопок, а одно принимало груз для Гаванны. За несколько месяцев, прошедших с момента его открытия в октябре 1839 года, более ста двадцати судов вошли в него и отправились из Гента в Голландию, ганзейские города, Лондон, Средиземноморье и Соединенные Штаты.

На обратном пути мы заехали в *Бегинаж*, небольшой огороженный район, предназначенный для проживания древней общины монахинь, которые не дают никаких обетов, но, внося свой вклад в общие фонды общины, принимают сестричество и посвящают свою жизнь делам милосердия, особенно уходу за больными и бедными. Каждый из них одет в костюм ордена. В качестве головного убора они носят *бегинку*, покрывало из белого муслина, сложенное квадратом и уложенное плашмя на макушке, откуда они и получили свое название, с черным шелковым капюшоном, называемым *фаем*, который, как говорят, в древности носили дамы Фландрии и который очень напоминает как по названию, так и по внешнему виду *фальдетту* мальтийцев. Это интересное общество насчитывает от семисот до восьмисот членов и занимает не отдельно стоящее здание, как в других местах, а небольшую уединенную часть города, окруженную стеной и обнесенную стеной, у ворот которой одна из сестричеств работает

привратницей. Весь город разделен на улицы, состоящие из рядов причудливо выглядящих маленьких домиков, старинной кирпичной кладки, с голландскими фронтонами и окнами из резного камня, на каждой двери начертано имя определенной святой, Агаты, Екатерины или Терезы, а не имя ее обительницы. В центре находится просторная площадь со старинной испанской церковью, довольно богато украшенной и украшенной несколькими любопытными картинами и резьбой по дубу. Орден очень древний, датируемый примерно двенадцатью сотнями лет назад, а нынешнее учреждение было основано в тринадцатом веке.

Когда австрийское правительство при Иосифе II сократило число женских монастырей в Нидерландах, он сделал специальное исключение в пользу бегинок, они были в равной степени признаны и защищены, когда французская директория завершила подавление оставшихся религиозных домов Бельгии, и король Голландии, следуя тому же примеру, подтвердил их права на их привилегии и собственность хартией, выданной в 1826 или 1827 году. Многие сестры посвящают часть своего времени плетению кружев; их жилища, улицы и сады сохранены в поистине восхитительной "красоте чистоты". Все, что мы могли увидеть или узнать об их обитателях, отличалось мягкостью и добродушием, а их активная доброжелательность (несмотря на намеки моего дяди Тоби) была велением их сердца, а не их профессии.^[18] Во всем облике их жилища не было ничего от

“Безжалостные стены, мрачный облик которых содержит,

Покаянные вздохи и добровольные страдания”.

Но веселая безмятежность и оживляющий интерес, очень отличные от представлений, обычно ассоциирующихся с сумраком монастыря.

Церкви Гента, в которых, как обычно, собраны и выставлены величайшие предметы любопытства и достоинства, отличаются количеством, богатством и мрачной красотой, вполне сопоставимыми с другими достопримечательностями Гента. Все они (за одним исключением, собора Святого Петра, который является копией римского) построены в том же почтенном и массивном стиле готической архитектуры, с огромными квадратными башенками, высокими нефами, богатыми алтарями, кафедрами из резного дуба и мрамора и часовнями, украшенными картинами старых мастеров фламандской школы. Население почти исключительно римско-католическое, едва ли 2000 из его 95 000 жителей исповедуют реформатскую религию. Для использования последнего в 1817 году король Голландии присвоил церковь, которая когда-то принадлежала монастырю капуцинов, а после их подавления французами была преобразована в военный склад и госпиталь. Однако враждебность духовенства к этому акту терпимости со стороны короля была такова, что на некоторое время потребовалось выставить охрану как внутри церкви, так и за ее пределами, чтобы защитить тех, кто часто посещал ее, от насилия или оскорблений. И все же Гент имеет репутацию наименее нетерпимого и фанатичного города в Нидерландах.

Собор Святого Бавона, помимо того, что он самый старый, безусловно, самый великолепный в Генте, и, похоже, на самом деле имеет высокую репутацию благодаря своему великолепию, о чем мы неоднократно слышали в последующих пунктах нашей экскурсии. Весь подвал занимает один огромный склеп или подземелье, низкие сводчатые арки которого опираются на стержни огромных колонн, поддерживающих крышу величественного здания наверху. Как и он, он разделен на ряд маленьких мрачных часовен, в которых находятся гробницы некоторых

старинных знатных семей и которые иногда украшены картинами и статуями глубокой древности. Братья Джон и Хьюберт Ван Эйки, художники, и их сестра, которая тоже была художницей, спят в одной могиле под полом этого унылого склепа. Над парадным входом в собор находится любопытная старинная статуя святого Бейвона, держащего на запястье ястреба - любопытная поза, хотя и характерная для нравов того времени. Внутреннее убранство удивительно величественно: хоры отделены от нефа и проходов высокими колоннами из разноцветного мрамора, а вход в каждую из двадцати четырех часовен, окружающих церковь, закрыт ширмами изящного дизайна, иногда из резного дуба или камня, но чаще из позолоченной меди или железа изысканной работы.

Многочисленные картины, которыми покрыта церковь, лишь немногие из них обладают исключительными достоинствами, в основном они написаны художниками, современниками и последователями Рубенса, Крейера, Отто Венниуса, Хонтхорста, Сергера и других. Самая замечательная картина - "Святой Агно, или поклонение агнцу" Ван Эйка. Она прекрасно сохранилась и является одним из самых ценных образцов, оставшихся от школы, к которой она принадлежит. Она содержит множество фигур, отделанных с богатством и изяществом миниатюры, и представляет агнца на алтаре, в окружении богатого пейзажа, окруженного ангелами и почитаемого множеством пап, императоров, монахов и монахинь. Он увенчан и окружен множеством отделений, содержащих изображения Спасителя и Пресвятой Богородицы и представляющих различные происшествия из жизни первых; в дополнение к ним, первоначально к картине было шесть дверей, или *волец*, которые, по незнанию лиц, отвечающих за них, были фактически проданы в 1816 году за сущие пустяки англичанину по имени Солли, у которого их купил король Пруссии за 400 000 франков, и теперь они украшают музей в Берлине. Есть также картина Рубенса, изображающая святого Бавона, удаляющегося в монастырь после раздачи своего имущества бедным, которая была перевезена Наполеоном в Париж и отреставрирована в 1819 году.

На хорах, отделанных резьбой из красного дерева, по обе стороны от входа установлены две статуи святых Петра и Павла, сбрасывающих гадюку со своей руки, работы Ван Поуке, современного фламандского скульптора, который умер в Риме в 1809 году. Среди других украшений - четыре высоких канделябра из полированной меди, некогда принадлежавших английскому королю Карлу I и проданных вместе с другими украшениями часовни в Уайтхолле по заказу Содружества. Вокруг алтаря также находятся несколько гробниц бывших прелатов Гента, среди которых гробница работы Дюкеснуа епископа Триеста, считается лучшим произведением скульптуры в Нидерландах. Каждый из сановников в митрах покоится на своем скульптурном саркофаге или преклоняет колени, сложив и воздев руки:

“Кажется, что он произносит молитву, когда мертв,

О том, что они живы, они никогда не говорили”.

Здесь, опять же, кафедра представляет собой экстраординарное произведение искусства из резного дерева огромных размеров, но с беломраморными орнаментами и фигурами, неразумно сочетающимися с богатым старым дубом. Главные фигуры - статуи Истины, пробуждающей Время и преподносящей ему Священные Писания с девизом: *“вспыхни, пока дормис озаряет Христа!”* Эта кафедра, которая намного уступает кафедрам в Антверпене и других местах, принадлежит не Вербрюггену, который является Кановой из дерева, а художнику из Гента по имени Лоуренс Дельво, который умер около 1780 года.

Другие церкви представляют собой череду объектов, посещать которые почти так же утомительно, как и перечислять. Собор Святого Михаила по размаху и великолепию уступает только кафедральному собору. Среди множества обычных картин и некоторых работ современных художников, особенно одной из выдающихся, работы Паэлинка, уроженца Гента, здесь есть шедевр Вандика, “Распятие”, в котором он представил того же великолепного коня, что и на своей картине Карла V, в Зале Бароччо во Флоренции. Сэр Джошуа Рейнольдс называет это “одной из своих самых благородных работ”. Он пострадал в результате неоднократных чисток, но месье Вуазен, историк Гента, с большой наивностью отмечает: “ресторанное дело на уровне искусства”. Кем может быть тот, кто отважился восстановить шедевр Вандика, месье Вуазен благоразумно воздерживается называть.

Ассоциация, называемая Братством Святого Ивой, ранее встречавшийся в этой церкви, которая состояла из самых выдающихся членов коллегии адвокатов, которые давали советы бедным и несли расходы на любой судебный процесс, который могло потребоваться организовать для них из общего фонда. Однако эта юридическая больница не пережила революцию 1830 года. Музыка и хор собора Святого Михаила удивительно прекрасны, орган необычайно богат и объемён, и ничто не может быть более возвышенным, чем его мелодичные звуки, звучащие среди “тусклого религиозного света” старой готической церкви, когда

“По длинному проходу и резному своду,
Громкий гимн усиливает хвалебную ноту”.

В церкви Сен-Совер на улице Прет есть картина “Сошествие с креста” Ван Ханслера, одного из самых выдающихся ныне живущих художников Бельгии, а в церкви Святого Петра - копия Ван Тулдена с картины Рубенса “Триумф Истины над Лютером и Кальвином”, которые изображены в агонии уничтожения, попираемые ногами неистовых последователей Истины, преследующих своих учеников во всех направлениях. На переднем плане аллегорически изображен лев, лапающий волка, которого он только что задушил, что, без сомнения, символизирует падение ереси от рук церкви.

Мы поехали в деревню Гавр, примерно в десяти милях от Гента, пообедать на вилле мсье Гренье, великолепном доме, недавно возведенном на одной из немногих возвышенностей, поскольку ее нельзя назвать холмом, которые встречаются во Фландрии, и с обширной плоской равнины, над которой она возвышается, открывается чарующий вид; древний город Ауденарде лежит прямо перед нами, а “ленивая Шельда” извивается среди бесчисленных деревушек, лесов и поселков, насколько хватает глаз.

Именно в Гавре герцог Мальборо разбил лагерь во время своего триумфального шествия из Рамильи, где, почти в течение недели взяв все стоявшие на пути города и опорные пункты Фландрии вместе с Ауденардом и Гентом, он адресует оттуда герцогине замечательное письмо, в котором он говорит: “после битвы покорилось так много городов, что это действительно больше похоже на сон, чем на правду”, а в другом месте он говорит: “Я настолько убежден, что эта кампания принесет нам хороший мир, что я не могу поверить”. Я умоляю вас сделать все, что в ваших силах, чтобы наш дом в Вудстоке был как можно более благоустроен, чтобы у меня была перспектива жить в нем”.

Это был праздник какого-то святого в деревнях, через которые мы проезжали, и каждая деревенская гостиница, казалось, была полна веселья; палатки были заполнены танцорами, а группы людей занимались атлетическими играми перед дверями. В одном месте вокруг майского дерева собралась значительная толпа, чтобы пострелять из лука в сойку. Это любимое занятие фламандцев, которые чрезвычайно сведущи в нем, компания, мимо которой мы прошли, состояла в основном из дворян и крестьян, которые, казалось, с одинаковым энтузиазмом взялись за него. В Генте существует ассоциация по обучению владению луком, называемая Братством Святого Георгия, реликвия того времени, когда в каждом округе Фландрии было подобное общество, все они собирались в Генте, чтобы побороться за приз, и победивший город отслужил мессу в честь победителя и раздал беднякам алые плащи, расшитые золотом, которые носили в качестве костюма того времени.

Дороги в этой части Бельгии сделаны так же, как во Франции, только с приподнятым покрытием в центре - обычай, по большей части навязанный большими затратами на доставку камней издалека для их строительства, которые едва ли можно найти во Фландрии или на западе. Второстепенные дороги, проходящие по песку, никоим образом не укрепленному, практически непроходимы.

В Бельгии время ужина такое же раннее, как и в табльдотах, - с двух до трех или четырех часов, и поскольку после этого не принято долго сидеть за вином, угощение заканчивается прежде, чем мы в Англии думаем о переодевании к ужину. Кухня у мсье Гренье была полностью французской, включая, однако, некоторые блюда исключительно фламандской кухни, среди прочего, большой копченый окорок, который является неизменным блюдом на каждом столе по всей Бельгии и, кажется, сейчас так же высоко ценится, как и в те времена, когда Рим поставляли им древние менапии из Арденн; его подают к столу с чеканной серебряной ручкой, привинченной к голени, чтобы не использовать вилку при разделке. Другим национальным блюдом был *харенг фраис*, сельдь, маринованная, как анчоусы, и употребляемая так же, как они, без дальнейшей кулинарной обработки: она, однако, одинаково распространена в Голландии, где рыболовство имеет большое значение — в Бельгии оно быстро сокращается.

Стиль всего в заведении мсье Гренье и в заведениях того же ранга, где мы имели честь побывать, был, по сути, французским, поскольку его семья получила образование в Париже, и разговор, конечно, велся по-французски, хотя все за столом, казалось, прекрасно понимали английский. На фламандском говорят только крестьянство и рабочие классы. Описание этого языка как диалекта гласило, что “голландский - это плохой немецкий, а фламандский - плохой голландский”. Это, однако, ни в коем случае не негармонично, и с точки зрения древности, как мне сказал граф д'Хан, самая ранняя печатная комедия в Европе все еще существует на фламандском. Прогулка по саду после ужина, музыка и пение по возвращении в гостиную завершили чрезвычайно приятный вечер, и мы рано вернулись в Гент.

10 сентября 1840 года.

Сегодня утром нас посетил граф д'Ан, член “сената”, выборной Палаты пэров Бельгии, в которую он вернулся от округа Аlost. Граф - младший брат самого знатного семейства Гента и глава отдела образования законодательного собрания, помимо того, что он страстный любитель сельского хозяйства. Он женат на единственной дочери М. де Поттера (однако не того самого де Поттера Революции) и, в соответствии с фламандским обычаем, присоединил фамилию этой семьи к своей собственной. Мы поехали с ним в дом его матери, вдовствующей

графини д'Ан де Стенхаузен, на улице Шан, в самый великолепный особняк в городе, построенный в стиле Людовика XIV и содержащий коллекцию отборных картин голландской школы. Столовая представляет собой великолепный салон с зеркальными стенами, инкрустированным паркетом и богато расписанным потолком: последний, однако, во многих местах разрушен, поскольку солдаты французской революционной армии пронзили его саблями в 1794 году в надежде найти золото, спрятанное между ним и этажом выше, - безобразие, следы которого владельцы так и не убрали. Именно в этих апартаментах покойный граф принимал императора Александра по его возвращении из Англии после заключения Парижского мира, и та же анфилада комнат впоследствии была резиденцией Людовика XVIII, который бежал сюда во время Ста дней и оставался там до событий 1815 года, вернувших его на трон.

Через несколько домов от нас на той же улице мы посетили галерею М. Шампа, которая долгое время считалась одним из львов Гента. С тех пор она была распродана. Когда мы увидели его, он был пронумерован и занесен в каталог, а залы были заполнены дилерами со всех концов Европы, осматривавшими свои предполагаемые покупки перед аукционом, который должен был состояться через несколько дней. Джентльмен, которым она была первоначально собрана, совсем недавно скончался, и, как нам сказали, ее распространение в настоящее время объясняется отчасти нетерпением нынешнего владельца из-за того, что в его уединение постоянно вторгаются путешественники, желающие посмотреть на его картины, а отчасти действием закона против права первородства, который сделал продажу необходимой для более равного раздела семейных владений.

Граф д'Ан оказал нам услугу, проведя по зданиям Университета, одного из многих ценных учебных заведений, которым Бельгия обязана щедрости короля Голландии. Он был основан им в 1816 году и открыт для приема студентов в 1826 году; надпись на портике свидетельствует об этом событии, *Auspice Gulielmo I. Академик. Кондитор, преподаватель, S. P. Q. G. DCCCXXVI.* инициалы, написанные с обычной для нидерландских стран высокопарностью, обозначают Народный сенат в качестве Гандавенсиса!

Здания по проекту Руландта, художника из Ньюпора, выполнены в стиле целомудренной коринфской архитектуры, портик украшен скульптурой в стиле альто-рельефо, вестибюль великолепно выложен мозаикой из цветного мрамора, а холл и лестница украшены бюстами и кариатидами из белого мрамора. Театры великолепного масштаба, богато обставленные и освещенные высокими фонарями в сводах крыши. Курс образования, помимо большинства обширных начальных школ, включает факультеты права, медицины и богословия, а также естественных наук и художественной литературы, и количество студентов составляет от 300 до 400 человек, посещающих занятия тридцати профессоров. К университету прикреплена библиотека из шестидесяти тысяч томов, собрание философского аппарата огромной ценности, а также музеи древностей, естественной истории, минералогии и сравнительной анатомии, и все это учреждение, недавно реконструированное и переданное под опеку бдительного и заботливого комитета, обещает стать одним из самых важных и полезных фондов в королевстве.

Однако положение всей системы начального образования в Бельгии далеко не удовлетворительное. При регентстве Голландии голландская система рационального образования была передана Бельгии. Школы были открыты в каждом округе под руководством провинциальных комитетов, обучение проводилось бесплатно, и дети бедняков должны были

пользоваться им сами, в то время как для обеспечения эффективности обучения не разрешалось нанимать ни одного учителя, который не прошел тщательного экзамена и не был снабжен дипломом о компетентности.

Этой черте правительства с самого начала яростно противостояло бельгийское духовенство, которое усмотрело в этом посягательство на право католической церкви регулировать количество, а также качество национального образования, и когда в 1830 году им удалось добиться “отмены Союза” между двумя странами, вся система была отменена одним махом.^[19]

Образование, как и все остальное, было объявлено бесплатным, и новое правительство покончило со всяким официальным надзором за школами и с необходимостью любых проверок компетентности учителей. Результатом этого стало то, что, хотя количество школ не уменьшилось, характер обучения и квалификация учителя настолько низки, что их можно охарактеризовать таким образом в современной работе по этому предмету, написанной самим М. Дюшпетью,^[20] выдающимся бельгийцем, близко знакомым с предметом.,,,

“Обучение в наших школах, как правило, ошибочное и неполное, и мало заслуживает тех похвал, которые ему воздавались. *Лучшее, что можно сказать в его пользу, это то, что это лучше, чем вообще никакого обучения*, и что гораздо приятнее видеть детей, сидящих на школьных скамейках, даже если они ничего не делают для достижения поставленной цели, чем видеть, как они творят зло на улицах. Их немного учат читать, писать и считать; *научить их меньшему едва ли возможно*. Мы говорим здесь о начальных школах в целом и утверждаем, что те, кто приписывает большинству этих школ нравоучительное влияние, обманывают самих себя самым странным образом и наносят ущерб интересам класса, дети которого являются учениками этих семинарий. Уровень обучения, столь ограниченный, столь скудный, почти равнозначен отсутствию чего бы то ни было; и невозможно, чтобы дела обстояли лучше, учитывая, что образование самих *учителей* самого несовершенного рода. Едва ли эти люди знают то немного, что они берутся передать, и у них, вообще говоря, самые поверхностные представления о тех методах привития знаний, которые они бесстыдно пытаются применить к тем, кто лишь немного более невежествен, чем они сами”.

Эксперимент с образованием по обеим системам в настоящее время прошел обширные испытания в Бельгии; сначала за пятнадцать лет государственной защиты, а теперь за десять лет “свободной торговли”. Результатом стал убедительный провал, и те, кто больше всего требовал последней системы в 1830 году, теперь наиболее настойчиво требуют вернуться к первой. Провинциальные депутации в своих отчетах рекомендуют тот же курс, и законодательное собрание до сих пор разделяло их взгляды, поскольку предложило проект закона для их осуществления путем восстановления модификации системы, существовавшей до революции.

Мы обедали у графа д'Анэ в три часа пополудни, и, как обычно, компания разошлась между семью и восемью часами.

Примечание.—Поскольку сравнительная стоимость оборудования в Бельгии и Англии в настоящий момент представляет большой интерес, список цен на оборудование, произведенное в Генте, с указанием английских расценок на те же изделия, сопоставленных для каждого товара, приведен в Приложении № I.

ГЛАВА IV.

ГЕНТ И КУРТРЕЙ.

Базарный день в Генте—Крестьяне—Рынок белья—Книжные киоски—*Куртре*—*Лис-Денис*—Винокурня в Бельгии—Сельское хозяйство во Фландрии—Фламандская ферма—Анекдот о Шаптале и Наполеоне—Торговля навозом—*Смоур*—*Хуп*—Севооборот—Выращивание льна—Реальное значение культуры в Бельгии—Невыгодное положение Великобритании в отношении выращивания льна—Состояние ее импорта из—за границы и ее зависимость от Бельгии—В способность Великобритании эффективно справлять нужду—Система во Фландрии—*Семена*—Уникальный факт относительно голландского посева—Севооборот культур—Работа лопатой—Чрезвычайная осторожность при *прополке*—*Выдергивании*—Руиссаж—В Эно—На плато де Вэ—В Куртрэ—Процесс в Голландии—Процесс в Лисе—*Отбеливающие—зеленый*—Дамасская мануфактура в Бельгии—Мануфактура на ветряной мельнице—Внедрение использования сабов Ирландию—*Куртрэ*, город—Древности—Церковь Нотр—Дам—Реликвия Томаса Бекета—Дом силы в Генте—Система тюремной дисциплины—Труд заключенных—Их заработок—Замечательная история Пьера Жозефа Созта—Печальная история английского заключенного—*Сахарный завод*—Состояние торговли в Бельгии—Любопытные мошенничества, совершенные в соответствии с недавним законом—*Свекольный сахар*—Сбой в производстве—Беспорядки в Генте—*Новый театр*—Развитие музыки в Генте—Печатные работы М. Десмета де Найера—Влияние революции 1830 года на мануфактуры Бельгии—Оппозиция Гента и Антверпена отделению от Голландии—М. Разоблачение Бриавьоном разорения торговли ситцем — Контрабанда через границы—Нынешнее недовольство в Генте—Количество неплатежеспособных в 1839 году—Общий упадок ее мануфактур.

Поскольку в этот день был рынок белья, мы рано отправились на рынок Вендреди, где он проводится. Зима, однако, - это сезон, когда рынок пользуется наибольшим успехом, поскольку тогда фермерам не мешают их сельскохозяйственные занятия заниматься ткачеством и привозить его в город для продажи в декабре и январе; за утро было продано до 2000 изделий. Внешность крестьян была особенно привлекательной, их черты лица красивыми, одежда и самовосприятие чрезвычайно опрятными; женщины обычно носили длинные плащи из набивного ситца, а мужчины - блузы из синего льна, которые стали почти национальным костюмом Бельгии.

Продавцы белья выстроились в длинные очереди, каждый со своей паутиной перед собой, лежащей на низкой скамейке, в то время как полиция присутствовала для поддержания порядка и следила за тем, чтобы каждый человек занимал отведенное ему место. Все полотна были предварительно осмотрены государственным служащим, который прикрепил к каждому свою печать не в качестве какого—либо знака качества или ориентира для определения цены, а просто для того, чтобы засвидетельствовать, что оно не было изготовлено обманным путем - что оно было того же качества, что и на внешней стороне, и что количество было именно таким, за какое оно себя выдавало; любая попытка мошенничества, в частности, подвергала нарушителя конфискации полотна.[21]

Другими товарами, выставленными на продажу на рынке, были овощи и фрукты обычных сортов (с большим количеством слив Мирабель, деревья которых мы неоднократно видели

посаженными рядами живой изгороди), шерстяные ткани, столовые приборы, домашняя мебель и керамика очень грубого вида, а также многочисленные прилавки с книгами. Последние были в основном религиозными, но среди прочих был ряд старых популярных исторических произведений, которые, по—видимому, одинаково популярны в Англии и Фландрии, таких как *“Рейнарт ден Вос”*; *“—”история школы ван Фортунатуса борсена“;*— *“история школы ван ден эделен Ян ван Парис”*;— *“история гебродерса и врума, загадочного Валентина и наших диких людей”*;- *“Воссозданный Друмбек”*." и т.д. , ис.

После завтрака мы отправились по железной дороге в Куртрей, расстояние, которое поезд преодолевает чуть более чем за два часа. Моей целью во время экскурсии было увидеть характерный для этого района процесс замачивания льна в проточных водах Лиса. Эта река, берущая начало в Пэй-де-Кале и образующая одну из границ между Францией и Бельгией, получила свое название, по всей вероятности, из-за количества водяных лилий, которые цветут в ее медленном течении и которые, как говорят, являются источником лилий в королевском гербе Франции. Дорога проходит через Денис, Варегем и Херлебеке, три города, которые являются главными в одноименных коммунах, и все они представляют собой маленькие оживленные местечки, сочетающиеся с сельскохозяйственной промышленностью, значительной торговлей льном, которое является основным продуктом питания района. В Denys также есть обширные женеvские винокурни, которые пользуются значительной репутацией в Бельгии, где спирт, получаемый путем дистилляции, неизменно плохой, за исключением провинций Лимбург и Люксембург, где он в некоторой степени приближается к голландскому. Это замечательное различие между продукцией двух стран, столь сходных почти во всех их ресурсах для производства, возможно, объясняется почти полным отсутствием какой-либо акцизной пошлины на дистилляцию, которую было сочтено необходимым снизить до чисто номинальной суммы с 1830 года, чтобы защитить сельское хозяйство Бельгии, и которая, следовательно, передала торговлю в руки самого низшего класса, как производителей, так и потребителей.

Вся поверхность страны, между Гентом и Куртрей, представляет собой одну сплошную равнину, которая, хотя и менее богата и пышна, чем аллювиальные почвы Голландии и Англии, демонстрирует во всех направлениях самые поразительные свидетельства того превосходства в сельскохозяйственной науке, которым фламандцы славятся по всей Европе. Естественная непригодность их тощей песчаной почвы была преодолена благодаря самому неустанному труду — вниманию к удобрениям, которое по своим деталям приближается к нелепости, и, прежде всего, к системе севооборота, наиболее глубоко просчитанной и в высшей степени успешной.

Общий вид фламандской фермы; отсутствие рядов живой изгороди или, там, где они есть, их тщательно продуманная структура и переплетение, так что они представляют собой всего лишь узкую растительную поверхность высотой около двух или трех футов и вдвое большим количеством дюймов в толщину; тщательное разделение их полей на квадраты, на всех из которых выращиваются разные культуры, но выполняется один и тот же круг вращения, и полное исчезновение всех сорняков или растений, кроме тех, которые необходимо выращивать; все это показывает практический и трудоемкий опыт, с помощью которого они свели свою науку к ее нынешней системе. , и неукротимая промышленность, с помощью которой, почти дюйм за дюймом, эти обширные и засушливые равнины были превращены из пыльных песков в цветущие сады. Здесь осушение и орошение представлены в их высочайшем

совершенстве благодаря частому пересечению каналов; в то же время то же самое обстоятельство, обеспечивающее наилучшие условия для транспортировки навоза, было одним из наиболее активных факторов совершенствования сельского хозяйства. Шапталъ рассказывает, что, пересекая одну из песчаных равнин Фландрии в компании с Наполеоном, император по возвращении в Париж с выражением удивления и сожаления обратил внимание на ее мрачную бесплодность, когда философ-практик предположил, что строительство канала через нее позволит в течение пяти лет превратить непроизводительные отходы в роскошные фермы. Эксперимент был опробован и оказался триумфально успешным. Канал был открыт, и за меньшее, чем прогнозировалось, время ожидаемые результаты были более чем реализованы.

Для закрепления летучих песков в Бельгии основным и постоянным средством было внесение навоза; приготовление этого важного ингредиента и уход за ним во Фландрии превратились в настоящую торговлю, и бесчисленные баржи постоянно курсируют по каналам, доставляя его со складов и мануфактур в деревнях и городках в сельские округа, где он должен применяться. Слугам, в качестве вознаграждения, разрешается платить за все материалы, пригодные для его приготовления, которые они могут собрать в доме и на фермах, и стоимость которых часто равна их номинальной заработной плате. Ямы и резервуары, называемые *mour-hoop*, или удушающей кучей, прикреплены к каждой ферме, и за ними ухаживают с систематической тщательностью, которая подчеркивает важность их содержимого. В них сливается вся пригодная для брожения жидкость и смешивается с овощными отходами; рапсовым жмыхом, который остается после сцеживания масла, древесной золой, отходами мыла, зерном с винокурен, сорняками из канализационных стоков и, короче говоря, всеми другими перерабатываемыми продуктами, собранными на предприятии; и часто, вдобавок, на землях высевают такие растения, как ракичник, специально для того, чтобы их вспахали зелеными, чтобы повысить их плодородие, или срезали для ферментации в *смур-хупе*. Это последнее сооружается из кирпичей, наподобие загара, и покрывается цементом, чтобы избежать утечки или фильтрации; и его содержимое на более крупных предприятиях продается фермерам по цене от трех до пяти франков за бочку, в зависимости от качества.

Цикл севооборота соблюдается с одинаковой точностью и научным мастерством и обычно состоит из четырех или пяти посевов и чистого парового поля, но, конечно, варьируется в зависимости от характера почвы и товаров, на которые есть спрос. Сезон был слишком поздний, чтобы мы могли увидеть большую часть урожая на земле, поскольку зерно в основном было засеяно; но те, что еще оставались на поле, были самого роскошного качества. Пастбищ было сравнительно мало; но клевер, кулинарное блюдо фламандского земледелия, откуда он был завезен в Англию, мы видели в высоком совершенстве. Некоторые растения, необычные для Великобритании, можно было увидеть в большом изобилии; большие поля табака, конопля, рапса или рапсового семени, которое в основном сеют для измельчения, гречихи или *сарразина* (вероятно, еще один импорт крестоносцев), из которого пекут сытный и питательный хлеб. Бобовые и кормовые культуры, особенно морковь, которую в изобилии выращивают на песчаных землях, и репа, оказались фаворитами, особенно вблизи деревень.

Но важным предметом, и то, что я больше всего желал увидеть, был *лен*, который, однако, был почти весь сорван перед моим посещением, так что я мог видеть только *rouissage* или процесс полива, который в округе Куртре выполняется почти необычным для них способом; на самом деле, я могу сказать именно так, что касается успеха; ибо, хотя та же практика преобладает в Северном департаменте во Франции, в окрестностях Сент—Аманда и Валансьена, это приводит

к гораздо менее удовлетворительному результату: а в России, где это в какой-то степени практикуется, производимый лен во всех отношениях хуже по качеству. Фактически, возникает вопрос, не обладает ли Лис, в дополнение к медленному и глубокому течению и его замечательной чистоте от любых примесей, некоторыми особыми химическими свойствами, которые объясняют его эффективность для этой цели, в то время как точно такой же процесс совершенно не срабатывает в других ручьях без заметной разницы в качестве их воды.

Невозможно переоценить важность для Великобритании такого немедленного улучшения процесса возделывания льна внутри страны, которое поставит ее в равное положение со своими конкурентами за границей. В настоящее время неоспоримым и тревожным фактом является то, что с ежечасным увеличением объема ее торговли пряжей и льном она в той же пропорции становится все более и более зависимой от зарубежных стран в поставках сырья. Выращивание льна в Англии, по всей вероятности, сокращается в размерах, в то время как год за годом наш импорт из Голландии, Бельгии и Пруссии заметно возрастает. Обратите внимание только на следующие факты. Значительный рост нашего производства льняной пряжи как в Англии, так и в Шотландии и Ирландии произошел с 1820 года; тогда мы импортировали в основном с континента и пряли только для наших собственных ткачей дома, с тех пор мы вообще перестали импортировать пряжу, пряденую машинным способом, за исключением очень небольшой части самой лучшей пряжи для кембриков; и фактически экспортируем во Францию и в другие страны на сумму 746 000 фунтов стерлингов в год. Наш экспорт британского и ирландского льна увеличился за это время с 36 522 333 ярдов в 1820 году до 60 954 697 ярдов в 1833 году и 77 195 894 ярдов в 1838 году, а как обстоят дела с импортом льна? Ввозная пошлина на иностранный лен, как в чистом, так и в необработанном виде, составляла в начале этого периода 10,14 ш. 6д. за центнер; по мере роста нашего производства и сокращения внутренних запасов эта пошлина была снижена в 1825 году до *четырёх пенсов*; когда импорт увеличился с 376 170 центнеров до 1 018 837 центнеров. В следующем году, когда необходимость становилась все более острой, а помощи из дома не поступало, она была еще более снижена до *трех пенсов*; в следующем году до *двух пенсов*, а в 1828 году до *одного пенни*. Импорт все это время неуклонно увеличивался, составив в среднем за пять лет, с 1830 по 1835 год, 751 331 саж. тонн и, согласно последним печатным отчетам Палаты общин за 1838 год, составил 1 626 276 саж. тонн.^[22] Очевидно, что столь ценное для нас ремесло, как производство льна, никогда нельзя назвать безопасным, пока мы таким образом зависим в самих средствах его поддержки от тех, чьим очевидным преимуществом является его уничтожение.

Для того, чтобы устранить это зло, он, кажется мне, только требуют энергичных усилий от самих фермеров, а также тех, чьи прямой интерес, чтобы дать им поддержку, чтобы привести к такому улучшению в процессе выращивания и декорирования, а быстро сделать нашу льна не уступающие по качеству с нашими соперниками в низких странах; таким образом, мы можем смело рассчитывать на его дополненной стоимости на рынке, чтобы обеспечить его производство в достаточном количестве, чтобы удовлетворить наши требования, и освобождает нас полностью от зависимости на иностранцев. Для землевладельца и фермера, не в меньшей степени, чем для фабриканта, эта важная статья является источником необработанного богатства, и моя серьезность по этому поводу проистекает из того факта, что из всего, что я видел сам или, возможно, могу узнать от других, поле одинаково открыто как для Англии, так и для Нидерландов — они получают семена из того же источника, их почва и климат одинаково подходят; растение до определенной стадии у нас такое же здоровое и многообещающее, как и у них, но на этом параллель заканчивается, и во всех последующих тем

не менее, превосходная система бельгийца дает ему неоспоримое преимущество перед нами. И все же, несмотря на все наши недостатки, ирландский лен для изготовления прочных изделий, для которых он один подходит, дает более прочную и во всех отношениях лучшую нить, чем фламандский или голландский того же качества.

Один из источников превосходства, которым пользуется фермер Голландии и других стран, проистекает из того факта, что он *сберегает семена* своего собственного льна. В первом случае он импортирует, как и мы из Риги, семена, из которых в течение первого года получается сильное и крепкое растение; затем его плоды сохраняются и высеваются во второй раз, когда они становятся более нежными по своей текстуре, и с полученными семенами фермер *никогда не расстаётся*, но дает самое прекрасное и ценное растение. Однако, поскольку это со временем ухудшается, необходимо поддерживать постоянную преемственность путем ежегодного ввоза северных семян, которые, в свою очередь, акклиматизируются, очищаются и заменяются следующими по севообороту. Проницательный голландец, таким образом, получает для себя семена для своих особых нужд, стоимость которых вдвое превышает стоимость любого экспортируемого им товара; преимущество, на которое Англия не может рассчитывать, пока процесс сохранения семян льна для себя не станет более распространенным, вместо ежегодного импорта свыше 3 300 000 бушелей, как мы делаем в настоящее время.

Во Фландрии, где выращивание имеет столь важное значение, *севооборот* всех других культур регулируется с учетом в первую очередь льна, который попадает в кругооборот только раз в семь лет, а в некоторых случаях и раз в девять, в то время как по мере приближения срока его сохранения в каждую предшествующую культуру вносится двойная порция навоза. Сама по себе подготовка требует наибольшего усердия и скрупулезности, почва подготавливается скорее как цветочная клумба, чем как поле, и *работа лопатой* всегда предпочтительнее более грубой и менее мелкой работы плугом, каждый слой сорняков тщательно вырывается с корнем, и земля в изобилии снабжается, как правило, жидким навозом, сброженным с рапсовым жмыхом. Затем семена высевают на удивление *густо*, чтобы растения могли не только поддерживать друг друга, но и, пробиваясь вверх, к свету, выпускать несколько веточек и вырастать в более высокий и нежный стебель. *Прополка* проводится, пока растение еще настолько нежное и эластичное, что может легко снова взойти после операции, и замечательной иллюстрацией продуманной бережности, с которой следят за выращиванием, является то, что женщин и детей, которые занимаются его прополкой, обычно инструктируют делать это против ветра, чтобы ветерок мог приподнять стебли, как только они оторвутся, вместо того, чтобы позволять им расти кривыми, слишком долго лежа на земле. Опять же, чтобы обеспечить ему здоровую опору во время роста, *колья* вбиваются в землю на равных расстояниях, от вершины которых протягиваются веревки или тонкие прутья, разделяющие поле на крошечные квадраты и, таким образом, предотвращающие повал растений любым ветром, кроме очень сильного.

Время *выдергивания* зависит от того, что фермер ценит больше всего - семена или волокна конкретного поля. В первом случае он должен подождать, пока растение полностью созреет, его коробочки затвердеют, листья опадут, а стебель пожелтеет; но в этом случае стебель одревесневший, а волокна грубые и затвердевшие; тогда как, если в первую очередь заботятся о тонкости волокон, его выдергивают, пока стебель еще зеленый и нежный, и до того, как плод достигнет зрелости. В Куртраи и его окрестностях лен, оторванный от земли, после тщательной обработки на солнце и сушки, хранится в течение двенадцати месяцев, прежде чем его

подвергнут процессу полива. Однако на платных производствах эта практика не применяется, замачивание происходит сразу после вытягивания, и я нахожу, что мнения склоняются в пользу последнего способа, поскольку говорят, что первый делает лен жестким и обесцвечивает, в то время как лен, сразу погруженный в воду, становится мягким и шелковистым, с нежным и однородным оттенком.

Примечательно, что, хотя процесс *руссаживания* или полива считается одним из самых тонких и важных, поскольку от него в основном зависит конечная ценность льна, в различных провинциях Бельгии не существует единой системы. В Эно и окрестностях Намюра, где бытует мнение, что выделения льна во время *распускания*, вредны для здоровья, полиция их запрещает, и, следовательно, с него снимают росу, просто распределяя его по траве и время от времени переворачивая, пока слизистая масса, с помощью которой волокно удерживается вокруг стебля, не разложится в достаточной степени, чтобы его можно было легко отделить от древесины. В Pays de Waes лен замачивают в стоячей воде, как в Ирландии, за исключением того, что в последней стране, по возможности, проложен небольшой ручеек для прохождения в яму и из нее во время процесса.[23] Система оплаты труда получила самое решительное одобрение в Бельгии; она официально рекомендована фермерам в инструкциях, опубликованных Société Linière, ассоциацией, созданной с целью содействия выращиванию льна и различных его видов.[24] The Система в Куртраи заключается в погружении льна после сушки и хранения в течение двенадцати месяцев в проточную воду Лиса; операция, которая в их руках выполняется с предельной аккуратностью и точностью и которой она настолько известна, что посевы на многие мили, даже до Турне, отправляются в Лис для *руиссажа*.

Лен, связанный в небольшие пучки, помещают перпендикулярно в деревянные рамы площадью от двенадцати до пятнадцати квадратных футов, и, когда его спускают в реку, на него кладут солому и чистые камни, пока он не опустится настолько глубоко под поверхность ручья, чтобы оставить течение как над, так и под ним, которое уносит все загрязнения и сохраняет волокно чистым и сладким во время погружения. Это продолжается в течение семи или восьми дней, в зависимости от жары и температуры воды, и как только на растении произойдут необходимые изменения, рамы вытаскивают на берег, а лен раскладывают на траве для просушки на солнце, прежде чем его уберут для дальнейшей обработки. *Перевалка* в Куртре обычно производится в мае, а затем снова в августе и сентябре; после чего торговцы льном из Брабанта и севера рассылают своих агентов среди фермеров, которые делают покупки от дома к дому, и в определенный день приезжают в главный город округа для получения “поставок”, когда выясняются качества урожая и средние цены, которые публикуются для руководства торговлей.

От льняных угодий, которые находятся недалеко от Куртраи, на правом берегу Лиса, мы переправились через реку в блич-грин на противоположном берегу реки, и, если судить по размерам построек, которые были не больше хорошего сарая, процесс должен быть очень простым во Фландрии, или занятость в Куртраи была очень ограниченной. Однако наиболее важные заведения такого рода находятся в Антверпене, Брюсселе и Турне.

Ткань на траве была в основном подгузником, изготовленным на месте и в Ипре (откуда и произошло его название, *d'Ipres*), но она была грубой, а узор обычным и искусственным. Производство изделий, в которых Бельгия прежде преуспевала настолько, что снабжала императорский дом во время правления Наполеона, было разрушено его падением и распадом континентальной системы. Одно время только в этой отрасли было занято не менее 3000

рабочих, но отделение Бельгии от Франции в 1815 году и одновременное введение почти запретительной пошлины на ее дамаск сократили торговлю до минимума: в Куртре, главном центре мануфактуры, сейчас занято не более трехсот рабочих.

Недалеко от блич-грин мы зашли на ветряную мельницу для измельчения коры, а недалеко от нее всю работало другое такое же примитивное сооружение, измельчавшее рапсовое масло. Я никогда не видел такой миниатюрной мануфактуры — в одной маленькой квартирке площадью около десяти квадратных футов весь процесс производился с размахом в тонну семян, давая около тридцати шести галлонов масла в день. В одном углу семена измельчались между парой жерновов; в другом — толкались в ступках тяжелыми балками, обшитыми железом, которые поднимались и опускались от движения ветра; затем материал обжаривался на железной сковороде над угольным очагом, пока масло не выделялось под действием тепла, а затем измельчался, помещаясь в холщовые мешки, обернутые кожаными футлярами, и помещался в канавки, в которые с помощью механизма вбивались огромные деревянные клинья; таким образом, последняя капля масла вытеснялась повторением процесса, а остатки масла сливались. семена, которые проросли в виде лепешек, плоских и твердых, как камень, были положены на одну сторону для продажи навоза и других целей.

К задней мельнице была пристроена мастерская по производству сабо, которые продавались по пять-шесть пенсов за пару для самого большого размера и вдвое меньше для тех, что подходят для детей. Несомненно, появление этих деревянных башмаков стало бы большим дополнением к комфорту ирландского крестьянства, а также новой отраслью занятости в их производстве. Опытный фламандский мастер может закончить пару в течение часа, а при должном уходе их хватит на три месяца. Четыре пары толстых шерстяных носков, которые можно носить вместе с ними, стоят восемнадцать пенсов, так что за четыре шиллинга бедняк может быть обут в сухую и удобную обувь в течение двенадцати месяцев. Особенно зимой, в сырую погоду или при работе на влажной земле, им бесконечно отдается предпочтение, и хотя форма может быть неуклюжей (хотя в этом отношении фламандцы превосходят французов), она, по крайней мере, столь же изящна, как полуобнаженная ступня и стоптанный башмак ирландского рабочего. Однако я сильно сомневаюсь, что люди, хотя и очень довольные своими преимуществами, преодолели ассоциацию “произвола власти и медных денег” с использованием “деревянных башмаков”.

Сам Кортрай — разрозненный, унылый на вид городок, в котором мало объектов, представляющих какой-либо интерес. За воротами находится поле, на котором в 1302 году произошла битва при Золотых Шпорах, и маленькая часовня до сих пор отмечает место, которое было центром сражения. Его большой рынок льна и полотняных изделий сделал его имя известным за границей, но внутри него мало что может задержать незнакомого человека в поисках живописного. Единственными старинными зданиями здесь являются ратуша и церковь Нотр-Дам, в первом из которых находятся две каминные полки с богатой резьбой, очевидно, очень давнего времени. Последний был построен графом Болдуином, который был избран императором в Константинополе во время четвертого крестового похода, и содержит, среди множества бесполезных картин, “Сошествие с креста” работы Вандика. Среди раритетов в ризнице находится священническое одеяние Томаса а'Бекета самых широких размеров, которое святой оставил после себя, возвращаясь в Англию после своего примирения с Генрихом II. По обе стороны моста, пересекающего Лис в центре города, находятся две огромные круглые башни, называемые *Броэллаен Торрен*, которые были построены в

пятнадцатом веке и до сих пор служат городскими тюрьмами. Главной опорой города по-прежнему является ткачество льна, которое, в отличие от обычной практики в Бельгии, производится на крупных фабриках, на которых, как и в Англии, работают рабочие. Производство льна всех видов в Courtraï составляет около 30 000 штук в год. Существует также значительная фабрика по производству ниток.

Сегодня утром мы сопровождали графа д'Хана, чтобы посетить знаменитую тюрьму Гента, *дом силы*, которая получила аплодисменты самого Говарда и стала образцом для большинства усовершенствованных тюрем Европы. Он был возведен в 1774 году под покровительством Марии Терезии, в то время как Испанские Нидерланды все еще были присоединены к Австрийскому дому, и своим нынешним состоянием достройки и совершенной системы он обязан заботе и щедрости покойного короля Голландии Вильгельма I. В настоящее время в нем содержится свыше 1100 заключенных, разделенных и классифицированных по различным отделениям и занятых различными профессиями в зависимости от характера их преступлений и срока наказания. Из них двести были приговорены к бессрочным работам, один - к пожизненному одиночному заключению, остальные - на временные периоды.

В Генте с 1824 года было приведено в исполнение не более *трех* смертных казней, и поскольку в Бельгии нет колоний, куда можно было бы переправлять своих вторичных преступников, они приговариваются к тюремному заключению во всех его формах пропорционально жестокости их преступлений.

Труд входит в систему во всех ее модификациях, и поскольку рационы питания, выдаваемые заключенным, рассчитаны так, что их едва хватает для поддержания жизни, они, таким образом, вынуждены продуктами своих собственных рук обеспечивать себя. В зависимости от характера их правонарушений доля их заработка, которую они получают, более или менее щедра; они делятся на три класса: —1-й. *Условия, связанные с силовыми работами*, которые получают лишь три десятых своей прибыли; 2. *заключительные условия*, которые получают четыре десятых; и 3-е место. *исправительные условия*, которые получают половину. Размер этой заработной платы может показаться незначительным, когда сумма, уплаченная за изготовление семи парсабо, или за семичасовой труд, составляет всего один пенни. Из выделенной ему суммы преступник немедленно получает только половину, на которую ему разрешается покупать хлеб, кофе и некоторые другие продукты в столовой, созданной при тюрьме в соответствии со строгими правилами, а остальная часть откладывается в его пользу в сберегательной кассе тюрьмы, которая будет выплачена ему с процентами по мере расширения. Заключенный, несмотря на его небольшое жалованье, может за семь лет заключения накопить сто двадцать франков без учета процентов.

Труд в тюрьме состоит, во-первых, из всей домашней работы учреждения, его уборки, покраски и ремонта, приготовления пищи и изготовления каждой вещи, которую носят заключенные; и, во-вторых, из прядения пряжи, ткачества и изготовления рубашек для маленького военно-морского флота Бельгии,^[25] и панталон для солдат, а также других подобных предметов, пригодных для публичной продажи. Заключенным, которые не обучались какому-либо ремеслу, разрешается делать свой выбор, и их обучают одному из них. Чистота в каждом уголке действительно невероятна, и ее воздействие на здоровье заключенных таково, что смертность в среднем ежегодно не превышает одного случая из ста. После оплаты всех ее всевозможных

расходов прибыль от труда, выполняемого в тюрьме, ежегодно оставляет правительству излишек в размере, который я точно не помню, но который является чем-то значительным.

Среди заключенных мне указали на одного очень старого человека по имени Пьер Жозеф Соэт, семидесяти девяти лет, шестьдесят два из которых он провел в стенах этого печального жилища. В возрасте семнадцати лет он был осужден за ужасное преступление; в приступе ревности он убил девушку, на которой собирался жениться, привязав ее к дереву и задушив. Он попал в тюрьму мальчиком и вырос до зрелости в ее унылых стенах; и, как мне сказали, образ его жизни был неизменно мягким и безобидным. Пять лет назад отец нашего друга, граф Д'Хан, который в то время был губернатором Гента, рассказал эту историю королю Леопольду, и несчастный старик был выпущен на свободу; но через несколько недель он появился у дверей тюрьмы и умолял позволить ему снова войти в нее и умереть там, как он жил. Я спросил его, почему он принял это экстраординарное решение, и он сказал мне, что в этом мире его ничто не удерживало; у него больше не было ни родственника, ни живого лица в нем, которого он знал; у него не было ни дома, ни средств к существованию, ни ремесла, которым он мог бы их заработать, и не было сил просить милостыню, что он мог сделать, кроме как вернуться в единственное знакомое место, которое он знал, и единственное, которое имело для него какое-то очарование! Бедное создание! его необычная история и долгая жизнь, полная искупления, сделали невозможным вспоминать или возмущаться его ранним преступлением, и все же я не мог смотреть на такое необычное существо без содрогания.

Мне указали на другой, но еще более печальный случай. Я спросил врача, доктора Мареску, есть ли в тюрьме иностранцы, и он сказал мне, что там было несколько человек из Германии и Франции; и один, англичанин, который несколько лет назад был заключен в тюрьму за попытку мошенничества и который из-за огорчения и болезни сейчас умирал в больнице. Я пошел навестить его и нашел в постели в последней стадии чахотки. Его история была очень печальной — его звали Кларк, на вид ему было около тридцати пяти-тридцати шести лет, и он приехал сюда со своей женой в поисках работы механиком на одном из заводов по производству двигателей в Генте. Он был разочарован — он не мог найти достойной работы — он видел, как его молодая жена и маленькие дети гибнут от голода в чужой стране, и в недобрый час подделал документ на какую-то пустяковую сумму, чтобы купить им хлеба. Он был обнаружен, предан суду и приговорен к пяти годам тюремного заключения в *доме полиции*. Что стало с его семьей, он больше не знал; возможно, они вернулись в Англию, но он не мог этого сказать. Врач сказал мне, что его поведение все это время было самым безупречным, настолько, что правительство сократило срок его тюремного заключения с пяти лет до четырех, и теперь ему оставалось пробыть всего восемнадцать месяцев. Но он умирал, и его сердце было разбито от горя и унижения. Врач пытался добиться дальнейшего сокращения своего срока; но в то время было сочтено неразумным соглашаться с его доводами, а теперь было слишком поздно возобновлять ходатайство. Доктор М. думал, что теперь его освободят, если ходатайство будет повторено, но, по его словам, было бы гуманнее оставить его таким, какой он есть, поскольку ему оказывалось все необходимое внимание; больница была комфортабельной, и все тюремные правила были смягчены в его пользу, так что у него были книги и ему были предоставлены все поблажки, и несколько недель вскоре освободили бы его от всех его горестей. Бедняга! Я не знал, казался ли он довольным или опечаленным нашим визитом; но его положение в окружении иностранцев, сам язык которых ему был незнаком, вдали от дома и Англии, без друга или родственника, который мог бы присмотреть за его умирающим ложем,

было очень трогательным, и, возможно, еще больше усугублялось тем сочувствием и добротой, которые, казалось, испытывали к нему все вокруг.

На противоположной стороне канала мы посетили сахарный завод М. Нейта. Это отрасль промышленности, имеющая большое значение для Бельгии, и, как почти любой другой отдел ее мануфактур, в настоящее время находится в очень критическом состоянии. Заведение М. Нейта, хотя и имеет большие размеры, рассчитанное на производство двадцати пяти тонн сахара в неделю, не больше некоторых других в Генте, Антверпене и Брюсселе. Все оборудование предназначено для варки в вакууме по новейшей конструкции по принципу Говарда с некоторыми недавними усовершенствованиями, сделанными, я думаю, М. Девосом; которые, хотя и дороги в первую очередь, имеют тенденцию существенно снижать стоимость за счет ускорения завершения процесса.

Весь сахар, который мы видели в процессе переработки, был с Явы и Манилы, и в канале перед заводом загружались суда с очищенным кусковым сырьем для Гамбурга. Эта отрасль бельгийской торговли была задержана рядом превратностей и, по-видимому, все еще обречена на опасную конкуренцию не только со стороны Голландии, которая уже оспаривает у нее право на торговлю, но и со стороны государств Пруссского союза, в которых уже имеется восемьдесят четыре сахарных завода. Голландия и Бельгия в течение многих лет получали большой доход от этого наиболее прибыльного процесса снабжения Германии и экспорта в Средиземноморье; производство, в котором они могли успешно конкурировать с Англией, благодаря тому, что они могли свободно ввозить сырье из любой страны, где оно было самым дешевым, в то время как Великобритания была вынуждена потреблять только продукцию своих собственных колоний из-за защитной пошлины, наложенной на все остальные. Голландия, однако, своим недавним договором с Пруссией предприняла шаги, чтобы сохранить свое нынешнее выгодное положение в том, что касается поставок из Германии, в то время как ее щедроты своим собственным переработчикам обеспечивают такое же поощрение, какое их правительство оказывает переработчикам Бельгии.

Однако ложная политика системы вознаграждений действовала в Бельгии, как и неизменно в других странах, создавая нереальную атмосферу процветания торговли, в то время как она открыла дверь мошенничеству, которое неизменно сопутствует таким необоснованным мерам. Это было так до такой степени, что при его недавнем обнаружении и пресечении при изготовлении была произведена реакция, которая на данный момент грозила привести к летальному исходу. Пошлина на ввоз сахара-сырца составляет 37 франков за 100 килограммов, и до 1838 года с каждых 55 килограммов экспортируемого рафинированного сахара выплачивалась дополнительная пошлина. Эта пропорция была принята за вероятное количество, извлекаемое из 100 килограммов необработанного продукта, но в законе не было указано, на какой стадии переработки или какого точного качества должно быть это количество. Следствием этого было то, что сахар, прошедший всего одну обработку и все еще сохранивший значительный вес своей патоки, был экспортирован, и, таким образом, был возмещен ущерб за все 75-80 килограммов, которые, если бы процесс был завершен, были бы востребованы только на пятидесяти пяти. Поощрение, призванное стимулировать улучшение, таким образом, имело тенденцию только давать толчок мошенничеству, и огромное количество половины рафинированного сахара было отправлено через границу, а недостаток оплачен только для того, чтобы быть переправленным контрабандой обратно для повторения той же нечестной процедуры. Однако внимание правительства было привлечено сравнением

относительных количеств импортируемого сахара-сырца и экспортируемого рафинада, в отношении которых был заявлен недостаток, и в 1838 году в закон было внесено изменение, согласно которому недостаток ограничивался процентом только от девяти десятых импортируемого сахара-сырца, что обеспечивало положительный доход на балансе, и в то же время были приняты некоторые практические меры для предотвращения мошенничества в будущем. Эти последние оказались настолько эффективными, что четыре заведения в Антверпене полностью прекратили торговлю сразу после вступления в силу нового закона, и этому примеру последовали другие в других местах.

В Бельгии все еще насчитывается от 60 до 70 нефтеперерабатывающих заводов, и в 1837 и 1838 годах импорт сахара-сырца и экспорт рафинированного были следующими:

ИМПОРТ САХАРА-СЫРЦА.

В 1837 году. 20 128 618 килограммов.

В 1838 году. 16 814 940 килограммов.

ЭКСПОРТИРУЕТСЯ РАФИНИРОВАННЫЙ САХАР.

В 1837 году. 8 484 097 килограммов.

В 1838 году. 8 113 897 килограммов.

Количество, которое, хотя и показывает общую важность торговли, по-видимому, указывает на то, что оно не увеличивается. Внутреннее потребление Бельгии по сравнению с Англией составляет 2 килограмма на каждого человека до 8. Во Франции количество, используемое на душу населения, составляет 3 килограмма, а в остальной Европе около 2½. Но для бельгийцев эта экспортная торговля является жизненно важным объектом в настоящий момент, и любое изменение нашего законодательства, которое разрешило бы ввоз иностранного сахара в Англию по сниженной пошлине или способствовало бы выращиванию свеклы для производства сахара, было бы фатальным для торговли Нидерландов и для Голландии не в меньшей степени, чем для Бельгии.

В последней стране производство сахара из свеклы, несмотря на поощрение, оказываемое ему Наполеоном, никогда не было ни обширным, ни успешным. Он почти полностью исчез в 1814 году и не возрождался в течение двадцати лет, пока в 1834 году бельгийцам не был дан новый импульс возобновить эксперимент на примере его успеха во Франции, и некоторые учреждения были построены в Брабанте и Эно. Но огромные преимущества, извлекаемые переработчиками иностранного сахара из возможностей для мошенничества, предоставляемых несовершенным состоянием законодательства, полностью свели на нет эту попытку. Даже сейчас стоимость процесса, из-за которого стоимость свекловичного сахара почти равна стоимости, извлекаемой из тростника, вместе с неполноценностью свекловичной патоки для всех целей, оставляет мало шансов на то, что она когда-либо станет производительным элементом национальной промышленности.

Вечером в день нашего прибытия у фасада *Почтового отеля*, в котором мы остановились, поднялась немалая суматоха, вызванная, как мы выяснили, стремлением получить допуск в

новый театр, который находится по соседству с Отелом и который в тот вечер должен был открыться впервые. Несколько солдат были расставлены, чтобы сдерживать толпу, но по мере того, как их нетерпение росло, на приказы военных мало обращали внимания, пока, наконец, борьба не дошла до открытого разрыва с ними, и офицер на страже, пройдя все предварительные процедуры запугивания, увещеваний и брани, в конце концов, совершенно потерял самообладание и начал бить "лидера движения"! Для сражающихся было образовано кольцо, офицер был избит и отправлен в свою каюту, а давление толпы к этому времени ослабло, и зрители поспешили в театр.

Новое здание очень великолепно; в подходящем для него месте была проложена новая улица, одну сторону которой оно занимает исключительно. Центр фасада выступает в виде широкого полукруга, так что экипажи проезжают прямо под зданием, чтобы высадить гостей у подножия парадной лестницы. Помимо самого театра, здесь есть анфилада концертных залов, способных вместить две тысячи человек, и весь он отделан изнутри в стиле Людовика XIV, с таким изобилием красок, позолоты и орнаментальной резьбы, что это просто удивительно. Это, безусловно, самый красивый театр, который я когда-либо видел, а также один из самых просторных.

"Зрелище" и опера по-прежнему остаются одними из тех предметов первой необходимости в бельгийской жизни, которым пока не мешают поздние ужины и утонченный вкус. Гент уже давно известен своим успешным развитием музыки. Несколько лет назад все *оркестерские повара* в четырех главных театрах королевства были уроженцами Гента, а имена Верхейена, Эрмеля и Анжеле, родившихся в одном и том же месте, знакомы каждому любителю этой науки. *Общество Святой Сесиль*, музыкальная ассоциация, является самой известной в Нидерландах, и на концерте в Брюсселе в 1837 году, где все музыканты из главных городов королевства боролись за приз; первые награды, две золотые медали, были вручены по всеобщему признанию музыкантам Гента.

Типографии М. Де Смета де Найера расположены *впредместье Брюггеи*, как почти во всех Нидерландах, не демонстрируют разделения труда; хлопок прядут, ткут и печатают в одном помещении. В последнем отделе их изделия имеют самое обычное описание, а их рисунки относятся к очень низкому классу искусства. Машины были частично французскими, частично бельгийскими, громоздкой и устаревшей конструкции по сравнению с используемыми в Англии; но, поскольку все недавние усовершенствования в Великобритании были задуманы с целью наиболее быстрого и дешевого производства для удовлетворения наиболее широкого спроса, их внедрение в Бельгию, где рынок столь чрезвычайно ограничен, было бы лишь увеличением расходов без какой-либо соответствующей выгоды. На момент нашего визита работы простаивали.

В результате революции 1830 года этот важный производственный сектор в Бельгии пришел в упадок. До этого события бельгийский ситцевый печатник, допущенный на рынки Голландии и ее колоний, имел выход для своей продукции, вполне достаточный, чтобы обеспечить прибыльную работу для всего своего оборудования; но когда в результате отделения от Голландии Бельгия была исключена из голландских владений как в Ост-Индии, так и в Вест-Индии и ограничена поставками своего собственного населения, она внезапно обнаружила, что число ее потребителей сократилось *спятнадцати до шестнадцати миллионов* до чего-то

меньшего, чем *четыре*. В товарах, которые повсеместно производятся без посторонней помощи *вручную*, ограничение валового потребления, как правило, не может привести к какому-либо очень существенному изменению индивидуальной цены, поскольку добросовестная конкуренция уже снизила и скорректировала ее в соответствии со стандартом вознаграждения. Но когда дело доходит до активной конкуренции с *машинами*, дело обстоит совершенно иначе; затраты на оборудование и стоимость рабочей силы почти одинаковы при производстве ста штук и десяти, очевидно, что человек, у которого есть рынок для ста штук, может позволить себе продать каждую за гораздо меньшую сумму, чем тот, кто может распорядиться только десятью, — даже без учета процента на вложенный капитал, который, конечно, должен быть в десять раз больше при мелком производстве, чем при крупном. Именно ее почти неограниченное господство на рынках и огромные миллионы потребителей, которые должны иметь ее продукцию в ее различных колониях и зависимых странах, в сочетании с ее непревзойденным оборудованием делают английские мануфактуры почти недостижимыми для соперничества в том, что касается умеренности их цен; и, таким образом, дает им, несмотря на пошлины, которые в любом другом случае были бы равносильны запрету, выгодное проникновение в сами те страны, которые быстро приобретают ее оборудование, но тщетно ищут ее безграничные рынки сбыта.

У купцов Антверпена и мануфактуристов Гента хватило здравого смысла, вероятно, приобретенного опытом, признать этот неопровержимый принцип, и, ясно предвидя крах своих устремлений в результате отмены Унии с Голландией, они громко протестовали против действий революционеров 1830 года.^[26] Но, поскольку “безумие взяло верх”, все их протесты остались без внимания — они были подавлены численностью; и, как патриоты Ирландии, отвергая преимущества, которые давали им независимость. к ним обратилась Великобритания в знаменитых “коммерческих предложениях” 1785 года, принятых в качестве их лозунга: “*уничтожьте торговлю, но живите конституцией*”; так патриоты Бельгии в своем пароксизме отмены конституции упрекали своих менее неистовых соотечественников в том, что они “позволяют прибыли от их хлопка или ценам на их железо перевешивать независимость их страны!” Революция была совершена благодаря их неповиновению, и крах их торговли был завершен тем же ударом.

Что касается самой отрасли производства, которая привела к этим наблюдениям, а именно печатания ситца и шерсти, г-н Бриавионн, беспристрастный историк и, что касается политических пристрастий, сильно склонный к революции, таким образом подробно описывает ее непосредственное влияние на нее. Описав стремительный спад торговли хлопком в целом с 1830 года, он продолжает: “В департаменте печати результаты были не более удовлетворительными; многие ведущие предприятия Гента и Брюсселя были полностью заброшены, или их здания демонтированы и переоборудованы для других целей, а их утварь и оборудование распроданы с публичных торгов. В 1829 году в Генте было *пятнадцать* типографий - в 1839 году у нее было всего *девять*; в то же время в Брюсселе, а также в Арденнах и Льеже было *одиннадцать* первоклассных домов, из которых *шесть* с тех пор закрыли свои счета. Правда, есть и другие заведения, которые возникли за это время, но в целом их число сократилось. В благополучные годы производство Бельгии до революции могло составлять около 400 000 штук. Только в Генте в 1829 году было произведено 300 000 изделий, но все его производство в настоящее время не достигает 20 000, а производство самого большого дома в Бельгии не превышает 45 000 единиц.

И это не следует приписывать какому-либо недостатку способностей у бельгийских механиков; напротив, они квалифицированы для выполнения самой сложной работы, но, конечно, они могут нанять самих себя только тогда, когда таковая действительно востребована. Как следствие, они ограничены производством самых недорогих и обычных изделий; яркие цвета и дешевая ткань - это все, к чему они стремятся. Дорогостоящий муслин они пробуют редко, и хотя они отважились печатать на муслин-де-лейн, они были вынуждены почти полностью отказаться от него. Фактически, двойное соперничество Франции, с одной стороны, и Англии - с другой, держит их в постоянной тревоге и заставляет опасаться малейшей спекуляции или отклонения от их обычной производственной линии. Франция, напротив, выходит на их рынок, полагаясь на элегантность и оригинальность своих моделей; а Англия, несмотря на свои тяжелые и лишенные воображения дизайны, созданные с низким вкусом, все еще сохраняет свое превосходство благодаря мастерскому исполнению и низкой цене. Таким образом, в то время как французские муслины легко продаются по цене от двух до трех франков за элл, Англия может предложить свои по сорок пять сантимов или даже меньше, а бельгийские варьируются от шестидесяти сантимов до франка с четвертью за элл; и не только это, но на то, что она сейчас с трудом может продать за шестьдесят сантимов, у нее был достаточный спрос в два с половиной франка тридцать пять лет назад.

Это разрушение ее внутренней торговли конкуренцией иностранцев она тщетно пыталась возместить своими поставками за границу; она экспортировала в Бразилию и Левант, в Южные моря и Сингапур, и, наконец, она обратилась к Германии и ярмаркам Франсфорта—на-Мэне - короче говоря, она испробовала все возможности и везде находила только убытки. Единственный рынок, на котором ей удалось удержаться, - это Голландия, но даже он с каждым днем ускользает от нее, хотя до революции 1830 года он потреблял половину всего ее производства.

В Бельгии нет, подобно Англии, фабрикантов, которые, посвящая себя исключительно снабжению внешнего рынка и уделяя ему все свое безраздельное изучение и внимание, достигают совершенного знания и владеют им во всех деталях; но здесь каждый печатник рассматривает экспорт только как средство избавиться от излишков своей продукции после удовлетворения спроса своего внутреннего потребления. Такая система чревата пороками, но тщетно пытаться ее изменить, пока нашим соперником является Англия с ее огромным опытом, обширным капиталом и твердым владением торговлей”.[27]

Информация, которую я получил от г-на Де Смита, г-на Вортмана, г-на де Гемптина и других, более чем подтвердила во всех деталях это прискорбное разоблачение г-на Бриавионна. Бельгийские гравюры постоянно недооцениваются на 10-15 % английскими товарами, законно ввозимыми на их рынок, несмотря на пошлину в сто флоринов с каждых ста килограммов, которая, оцениваемая по весу, тяжелым бременем ложится на этот класс товаров, являющихся основным продуктом питания Англии, и составляет *околошести шиллингов* за штуку стоимостью *четырнадцать*. И это еще не все — их рынок систематически осаждают контрабандисты через границы Франции и Голландии, которые, наводняя его французскими и английскими товарами, освобожденными от пошлин, снизили цены на бельгийскую продукцию до уровня, совершенно несовместимого с какой-либо надеждой на вознаграждение. Однако это зло, которому в равной степени подвержена не только их особая отрасль, но и каждое защищенное производство в стране, и для устранения которого они тщетно взывают к

вмешательству своего законодательного органа — вред слишком велик, чтобы с ним можно было бороться или исправить его.

Единственное облегчение, которое попыталось сделать их правительство, заключалось в том, что они сами поставляли капитал для поддержания борьбы. Однако мануфактура, которую они обязались поддерживать в Арденнах-на-Маасе, построенная с использованием оборудования по английским образцам и управляемая английскими менеджерами, потерпела полный крах и была заброшена; и аналогичным образом ассоциация, которую они поощряли к попыткам наладить экспортную торговлю, после многочисленных поставок в Португалию, Средиземноморье, Ост-Индию, Южную Америку и Соединенные Штаты, стала совершенно неплатежеспособной, что привело правительство к убыткам в размере 400 000 франков. В то же время Англия и Франция монополизировали наиболее прибыльные отрасли своей торговли, причем последняя поставляет им почти исключительно более дорогие предметы декора и фантазии, а импорт средних товаров из первой составил в первые шесть месяцев текущего года более чем на 17 000 единиц больше, чем в 1839 году.

Это одна из иллюстраций, и, к сожалению, я должен сказать, лишь одна из многих разрушительных последствий “Отмены Унии”: В Генте, из-за его особого положения и активного гения населения, его результаты ощущались с большей остротой, чем где-либо еще, хотя его влияние незаметно, в большей или меньшей степени, в каждом квартале Бельгии. Купцы Гента, однако, не скрывают своего недовольства и смело заявляют о безразличии или некомпетентности министерства принять меры для их исправления. В особой степени их недовольство проявляется по отношению к нынешнему министру внутренних дел М. Лидцу, который, будучи юристом, предположительно недостаточно знаком с коммерцией и, как говорят, столь же несправедливо равнодушен к сельскому хозяйству, сколь холодно равнодушен к торговле. Один джентльмен с горечью жаловался, что некоторое время назад, сопровождая делегацию на собеседование с министром по вопросу упадка торговли хлопком, М. Лидц резко прервал совещание, почти до того, как они высказали свои претензии, воскликнув: “Послушайте, теперь мы достаточно наслушались о хлопке — как поживают ваши коровы?”

В Генте бизнес всегда велся не только в широком масштабе, но и на самой прочной и устоявшейся основе; фактически, в Бельгии неизвестны банковские условия и скидки, и вексель, если он вообще выписан, как правило, удерживается до погашения и забирается векселедателем. Это может в значительной степени объяснить незначительные остатки средств, которых достаточно для приостановления бизнеса. В ежегодном документе, опубликованном официально, я полагаю, я вижу, что, хотя количество отказов в Генте за 1839 год составило двадцать, сумма их совокупных недостатков не превышала 198 000 франков.^[28]

Страдания Гента, по-видимому, настолько широко признаются и столь недвусмысленно приписываются революции, что пресса или общественность не проявляют ни малейших угрызений совести или деликатности, приписывая их ее истинной причине. Любопытную иллюстрацию этого мы увидели в книге, озаглавленной *“Незаменимый путеводитель путешественника по бельгийским дорогам”*, продаваемой на всех станциях государственной железной дороги, а в том случае, когда я купил свой экземпляр, - лицами в правительственной форме. В кратком уведомлении о Генте содержится следующий отрывок из откровенных

высказываний по этому вопросу. “В течение пятнадцати лет голландских связей население, богатство и процветание Гента не переставали увеличиваться; множились мануфактуры, расширялись улицы, возводились общественные здания и строились большие и красивые дома; короче говоря, Гент превратился в крупный торговый город. Революция 1830 года сразу же положила конец этому пути совершенствования, и Гент, процветание которого было результатом мира и его связей с Голландией, теперь, похоже, своим молчанием протестует против перемен, которые, по ее мнению, чреваты для нее разорением. Цитадель была взята только тогда, когда исчезла всякая надежда сохранить верховенство короля Вильгельма; но, - добавляет автор, - следует надеяться, что мало-помалу влияние новых учреждений сможет укрепить надежды гантуа и, наконец, примирить их с последствиями бельгийской революции”.^[29] И новым учреждением, которое должно добиться такого триумфа, должна стать, конечно, железная дорога от Остенде до Кельна.

Наше пребывание в Генте было несколько более продолжительным, чем мы предполагали изначально, но мы нашли это место изобилующим достопримечательностями не только из-за его наследственных связей, но и из-за предприимчивого и изобретательного характера его жителей и прогресса, которого они достигли в своих разнообразных занятиях. Кроме того, всегда вызывает глубочайший интерес наблюдать за успехом или неудачей великого национального эксперимента, подобного тому, который сейчас проводится в Бельгии, где после более чем двухсотлетнего перерыва, в течение которого они составляли часть другой империи, ее жители проверяют целесообразность восстановления и поддержки своей старой национальной независимости, несмотря на все изменения, которые двести лет произвели в политике, торговле и производственной мощи Европы, — изменения не менее удивительные, чем те, которые почти за тот же промежуток времени открытие книгопечатания произвело в распространении знаний или использование пороха в системе ведения древней войны.

ГЛАВА V.

БРЮССЕЛЬ.

Железная дорога—Путаница в Малине—Местность между Гентом и Дендермондом—Вильворд—Дворец Лакен—Первый вид Брюсселя—Гран—Плас в старом городе—Отель де Вилль и Дом коммуны—Новый город—Церкви Брюсселя—Кафедры из резного дуба из Нидерландов—Памятники Святой Гудуле—Статуя графа Ф. Мероде—Джефса, скульптора—Нотр—Дам де ла Шапель—Музей—Дворец промышленности—Галерея картин—Библиотека—Ее история—Замечательные рукописи—Раритеты музея древностей—Частные коллекции—Улица Монтань—де—ла—Кур—Театр—Исторические ассоциации с Ратушей—Графы Эгмонт и Хорн—Гражданские волнения Филиппа II—Фонтаны Брюсселя—Мошенник-Манекен, его мемуары—Фонтан лорда Эйлсбери—Ресторан Дюбо—Отели Брюсселя—Секрет поиска самых дешевых отелей в путешествиях.

Мы снова воспользовались железной дорогой Гент-Брюссель, отправившись из Монкс-Медоу в восемь часов утра, и проделали путь примерно за три с половиной часа. Маршрут значительно увеличен в длину благодаря тому, что линия делает поворот, чтобы пересечь Малинс, который

был превращен в центр, в котором сходятся все ответвления всей системы и начинается заново. Такое расположение может быть удобным для справочника, но оно вызывает раздражение у публики не только из-за увеличения расстояния, которое им приходится преодолевать, но и из-за суеты, неразберихи и риска, создаваемого скоплением такого количества поездов в одном и том же пункте, неудобства и опасность которого трудно преувеличить; рев паровозов, гудки, перемещение багажа и толпы, спешащие занять свои места в отходящем поезде или спастись от наезда на входящий.

Местность во всех направлениях выглядела одинаково — безлюдная, но богатая и роскошная, по ее притокам сновали суда, а кое-где Шельда делала свои извилистые изгибы среди длинных рядов сосен и ольхи. Одна вещь кажется незнакомцу странной в этой провинции: почти полное отсутствие пастбищ и вообще отсутствие скота на полях, поскольку земля считается более ценной при обработке, а скот более экономично кормят в домашних условиях. Железная дорога проходит мимо нескольких симпатичных, но незначительных деревень, таких как Веттерен и Аудергем, прежде чем прибыть в Термонде, более известном нам как Дендермонде из "военных комментариев" моего дяди Тоби. В Одергеме дорога поворачивает направо к Алосту, одному из самых цветущих городов Восточной Фландрии и процветающему центру льноторговли.

Проехав Дендермонде, мы въехали в провинцию Брабант, в маленькую деревушку Хомбек, и поезд, проехав Лехендаэль (Долина Лилий), остановился в Мехлине, башни которого были видны задолго до прибытия на станцию. Одним из наиболее заметных объектов здесь является огромное кирпичное здание, возведенное в 1837 или 38 году для прядения льняной пряжи, но никогда не использовавшееся его владельцами для этой цели, недавно было приобретено английским джентльменом, мистером Фейрберном, для переоборудования в машинное производство, которое, боюсь, при нынешнем состоянии Бельгии вряд ли окажется более обнадеживающим.

От Малина до Брюсселя расстояние составляет пятнадцать миль и было преодолено менее чем за полчаса, дорога пролегла через широкие луга и более обширные пастбища, чем какие-либо, которые я когда-либо видел в Бельгии. Слева эти равнины переходят в пологий холм длиной в несколько миль, на котором башни и шпили Брюсселя видны задолго до того, как мы к ним приблизимся. В нескольких милях от Малинса мы проехали Вильворд, древнее место, но сейчас примечательное только своими огромными тюрьмами, которые видны на значительном расстоянии. Именно в Вильворде Тиндал, первый переводчик Библии на английский, был сожжен за ересь в 1536 году.

Прежде чем добраться до конечной точки путешествия, дорога петляет между двумя пологими возвышенностями, слева от которых расположены виллы и увеселительные зоны Шербека, брюссельского Хэмпстеда, а справа — леса и дворец Шенберга, недалеко от деревни Лакен, любимой резиденции короля Леопольда. Он был построен в 1782 году эрцгерцогом Альбертом для сестры несчастной Марии-Антуанетты и должен был служить будущей резиденцией австрийского губернатора Нидерландов. Он пострадал во время сатурналий Французской революции, когда высокая башня, возвышавшаяся над окружающими ее лесами, была снесена и продана по цене материалов. Наполеон был равнодушен к дворцу как к летнему убежищу, и именно во время пребывания здесь с Марией Луизой он завершил последние и роковые приготовления к вторжению в Россию. Он обставлен скорее красиво, чем пышно, но территория и сады, которые были переделаны в английском стиле, являются одними из самых

красивых в Европе, и из них открывается великолепный вид на широкую лесистую Кампань Брабанта, а также на жизнерадостные высоты и готические башни Брюсселя.

Первый взгляд на Брюссель, при приближении к нему со стороны Малин, хорошо рассчитан на то, чтобы произвести благоприятное впечатление о его красоте и протяженности: длинная линия Аллеи Верт, заканчивающаяся у красивых ворот Анвер (бывших Ворот Гийома до смены династии), с балюстрадой из темного железа и позолоченными капителями, а впереди крутой склон, покрытый улицами и зданиями современного и более элегантного города, в то время как башенки ратуши и башни Святой Гудулы одинаково красивы. бросающийся в глаза, возвышающийся над крышами древнего города, приютившегося у его основания. Сам город, хотя и имеет отдаленную древность, на первый взгляд не имеет ничего особенного, и, фактически, только в узких переулках и проходах нижнего квартала можно различить особняки и муниципальные здания бывших дворян и бюргеров Брабанта. Даже здесь меньше архитектурных следов средневекового великолепия, чем почти в любом другом великом городе Бельгии. Гран-Плас - великолепное исключение из этого наблюдения, поскольку она со всех сторон окружена величественными старинными домами испанского вида, по крайней мере, в стиле, если не того времени, когда Брабант был в расцвете сил, ее высокие остроконечные крыши ошетинились рядами маленьких мрачных окон, остроконечные фронтоны покрыты барельефами и резьбой, а просторные фасады особняков богато украшены арабесками в камне, который когда-то был ярко раскрашен и кое-где украшен позолотой.. С одной стороны на удивительную высоту вздымается готическая башня ратуши, безусловно, самой красивой в Нидерландах, а с противоположной - огромное мрачного вида здание, ныне переоборудованное под магазины, которое когда-то было *Коммунальным домом* города; будучи перестроено инфантой Изабеллой в начале семнадцатого века, было посвящено Собору Парижской Богоматери в ознаменование избавления Брюсселя от чумы, с надписью, которая все еще читаема, хотя и сильно стерта: "*Чума, чума, чума*". *слава и великое освобождение Марии пацис.*"

Именно в узких и тусклых проходах этого нижнего города незнакомец ощущает все ассоциации старины вокруг себя; но, поднимаясь по крутым и обрывистым улочкам в современный квартал с его светлыми и красивыми домами, открытыми площадями и садами, с их фонтанами и статуями, и всем французским и модным, очарование ассоциаций исчезает, и испытываешь что-то вроде внезапного выхода на дневной свет из тусклых декораций мелодрамы. Таким образом, для незнакомца в Брюсселе есть два различных набора объектов притяжения. В новом городе находятся дворцы короля и знати, парк, общественные променады, палаты Сената и Палаты общин, великолепные отели Королевской площади, библиотеки и музеи, занимающие замок, который когда-то был резиденцией австрийских вице-королей; в то время как в старом городе находятся церкви четырнадцатого и пятнадцатого веков с их великолепной резьбой по дубу, витражами и скульптурами, Ратуша, мрачные старинные особняки знати прошлого и все характерные памятники древней столицы. Туристы быстро избавляются от первых, поскольку ни в одном из брюссельских львов нет ничего уникального, его жители, по сути, стремятся к тому, чтобы их город считался Парижем в миниатюре, и кажется, что он полностью построен по образцу французской столицы с ее бульварами и дворцовыми садами, ее оперой, ее ресторанами и "кафе миллез колонн".

Церкви, как обычно, представляют собой великолепные образцы великолепных алтарей (с их тяжеловесными канделябрами и мадоннами в вышитых нижних юбках), торжественных

проходов, мраморных колонн, расписных потолков, фламандских картин и резных кафедр, настолько плавных и изящных в своем исполнении, что они выглядят так, как будто Ван Хуолы и Ван Брюгены прежних времен владели каким-то секретом плавления сучковатого дуба и заливки его в формы для формирования своих статуй и цветочных венков. Их кафедры на самом деле являются одним из чудес Нидерландов, они огромных размеров, некоторые из них достигают почти такой же высоты, как готические арки, отделяющие неф от боковых нефов. Нижний отдел обычно представляет какую-нибудь соответствующую сцену из событий священной истории, изгнание Адама и Евы из Рая, Илию, которого кормят вороны, обращение святого Павла с наиболее энергичным представлением испуганной лошади, или Христа, призывающего Петра и Андрея, которые изображены в своей лодке на берегу моря, с сетями и рыбой - все это изысканные образцы искусства; и, иногда, рисунки аллегоричны, с фигурами Времени, Истины и христианства. Над ними обычно возвышается скала или масса листвы и цветов, на которых восседают птицы и другие сопровождающие, и на ней покоится каркас кафедры, затем все это увенчано либо балдахин, поддерживаемым ангелами и херувимами, либо раскидистыми ветвями пальмы, расположенными так, чтобы затенять все целиком. Почти в каждой большой церкви и соборе Бельгии есть одно из этих уникальных произведений искусства, которое сейчас почти вымерло или, по крайней мере, в нем вообще нет практикующих, способных в совершенстве справиться с этими древними мастерами. Исповедальни, алтари и органы также искусно покрыты этими почти уникальными украшениями, и даже двери и окна иногда демонстрируют образцы необычайной красоты и ценности.

The Церковь Святой Гудулы, которая является самой замечательной в Брюсселе, имеет две огромные готические башни, каждая почти такой же высоты, как собор Святого Павла, и из-за своей прочной и массивной конструкции выглядит еще более грандиозной; но эффект серьезно портится из-за множества обычных домов, которым было разрешено возводиться у самых стен здания! — любопытный пример отсутствия всякого вкуса у церковного сообщества, которое, таким образом, может позволить, за деньги, фактическую порчу своего лучшего здания. Колонны, поддерживающие крышу внутри, несут перед каждой колоссальную статую, которых четырнадцать или шестнадцать, представляющих различных святых и апостолов, некоторые из них работы Дюкеснуа и Квеллина, но в целом они менее достойны. Кафедра была вырезана Ван Брюгеном в 1699 году и подарена собору императрицей Марией Терезией.

Все окна, размеры которых пропорциональны огромному масштабу церкви, сделаны из богатого витражного стекла, частично старинного, частично современного исполнения, но отличающегося большой яркостью оттенков и высоким талантом дизайнера. Главный алтарь устроен таким образом, что внутри него находится какое-то хитроумное устройство, что священная облатка опускается, по-видимому, сама по себе, в тот момент, когда совершающий обряд священник собирается поднять воинство.

Вокруг хора расположены памятники некоторым древним герцогам Брабанта, увенчанные их изображениями в доспехах, с мечами и шлемами, расположенными рядом; на памятнике Иоанна II, который женился на Маргарите Английской и умер в 1318 году, установлена фигура бельгийского льва из позолоченной бронзы, которая весит почти три тонны. Напротив этого находится еще один памятник эрцгерцогу Эрнесту Австрийскому, на котором покоится фигура,

облаченная в кольчугу. Рядом с ним мраморная плита в полу прикрывает склеп, в котором похоронены некоторые члены императорской семьи, умершие во время своего вице-правления в Брюсселе.

Одна статуя в Святой Гудуле примечательна как выдающийся образец современного искусства Бельгии, это статуя графа Фредерика де Мероде, молодого дворянина с очень дружелюбным характером, отец которого происходил из одной из старинных семей Брабанта, а мать - Граммон. В разгар революции 1830 года он вернулся из Франции, где проживал, записался добровольцем в отряд снайперов, созданный маркизом де Шастелером, и был убит, возглавляя атаку на голландский арьергард под командованием герцога Бернарда Саксен-Веймарского. Этот памятник принадлежит Джеффу из Брюсселя, который проявил такое же благоразумие и способность, сохранив национальную блузу в качестве костюма своей статуи, и в то же время распорядившись ею так, чтобы придать ей совершенно классический вид благодаря своему расположению. Джеффс, безусловно, самый выдающийся художник-скульптор Бельгии, и недавно он установил энергичную статую генерала Бельяра в парке с видом на Королевскую улицу и грандиозный монумент над останками революционных партизан, которые пали в три славных дня "1830 года" и похоронены в центре *площади Мучеников*.

В других церквях Брюсселя мало что стоит посетить. В Соборе Нотр-Дам-де-ла-Шапель есть главный алтарь по проекту Рубенса, одно из тех произведений, в которых он так щедро продемонстрировал свое удивительное владение арабесками и аллегорическими приемами. Кафедра - еще один образец резьбы по дереву, изображающий Илию, которого кормят вороны. Примечательно, что во всех церквях Брюсселя нет ни одной картины, достойной большего внимания, чем обычное место, ни одного экземпляра работы Вандика или Рубенса — художники, казалось бы, подобно пророкам, должны искать своих покровителей на некотором расстоянии от дома.

Муниципальные коллекции произведений искусства хранятся в музее и картинной галерее во Дворце изящных искусств, бывшей вице-королевской резиденции австрийских губернаторов. В одном крыле здания, называемом Дворцом промышленности, хранятся модели машин, сельскохозяйственных инструментов и всевозможные изобретения, применимые к промышленным предприятиям. Коллекция дорогая и обширная, и она не может не оказывать благотворного влияния на образование механиков. Главные галереи дворца заполнены национальными картинами, которых насчитывается от трехсот до четырехсот. Описание картины едва ли является более понятным или удовлетворительным, чем описание увертюры. Среди коллекции есть несколько произведений значительных достоинств, но подавляющее большинство имеют самое заурядное описание. Есть несколько работ Рубенса и Вандика, не первого порядка, несколько работ Брейгеля, Кейпа, Джерарда Доу и руководителей этой школы; множество работ Крейерса, Ван Оортса и Вандера Вейдеса, чьи работы можно встретить в каждой фламандской часовне, и ряд ранних художников Нидерландов, в которых, признаюсь, я недостаточно знаток, чтобы найти что-то привлекательное, кроме их древности и любопытства как образцов слабых усилий искусства в его зачаточном состоянии.

Под той же крышей находится великолепная библиотека, созданная герцогами Бургундии еще в четырнадцатом веке и обогащавшаяся каждым последующим государем Нидерландов, пока ее сокровища не составили 150 000 томов печатных книг и 15 000 рукописей; среди которых есть

номера, родословная которых через их различных владельцев полна исторического интереса, и некоторые, которые принадлежали библиотеке Филиппа Харди в 1404 году и описаны в *“Инвентарной книге ливров и руманской жизни монсеньора” (Филипп ле Харди), а qui Dieu pardonne, для мэтра Ришара ле Конте, барбье из семьи диктатора, французского гвардейца.* Однако своими главными сокровищами она обязана Филиппу Доброму, Лоренцо Медичи из Нидерландов, который привлек к своему двору таких гениев, как Оливер де ла Марч, Монстреле, Филипп де Коммин, хронистов и ученых мужей своего времени, и постоянно держал у себя на службе самых способных “клерков”, “сопровождающих” и просветителей, занятых подготовкой томов для своей “библиотеки”, и объединив все провинции Нидерландов под своим владычеством, он собрал в Брюсселе рукописи графов Фландрии. , в дополнение к его собственному. Идентичный экземпляр "Киропедии Ксенофонта", который он переписал для изучения своим пылким сыном Шарлем ле Темерером и который сопровождал его на гибельное поле Морат, до сих пор находится среди хранящихся в этой великолепной коллекции.

Другой из его знаменитых основательниц была Маргарита Австрийская, *благородная девица*, дочь кроткой Марии Бургундской и подруга Эразма и Корнелиуса Агриппы, которая собрала для него бесценную коллекцию изданий *“Принцелса”*, которые тогда выходили в ранней печати Венеции и Севера. В библиотеке до сих пор хранится сборник общих мест этой интересной принцессы с ее стихами, написанными ее собственным почерком, и музыкой ее собственного сочинения.

Другой не менее очаровательной хранительницей литературы была ее племянница Мария Австрийская, сестра Карла V и вдовствующая королева Венгрии, которая передала брюссельской библиотеке рукописи, которые ее муж, Людовик II, унаследовал от своего деда Матиаса Корвина. Среди них - молитвенник, одно из чудес коллекции, написанный во Флоренции в 1485 году и изобилующий самыми изысканными миниатюрами, арабесками и иллюминированными шифрами. С момента ее передачи на хранение в Брюссель герцоги Брабантские приносили присягу при вступлении в должность, целуя страницы этого бесценного тома, и две страницы, которые были открыты для этой цели при вступлении на престол Альберта и Изабеллы в ноябре 1599 года, испещрены хлопьями снега, упавшими на книгу во время церемонии.

Несмотря на превратности брюссельской жизни, содержимое ее библиотеки всегда было предметом алчности ее захватчиков. В 1746 году маршал Саксен отправил в Париж часть его сокровищ, которые были восстановлены в 1770 году и снова захвачены революционной армией Дюмурье в 1794 году, и хотя были возвращены в 1815 году, многие из их драгоценных запасов были утрачены. Но даже их исчезновение было менее раздражающим, чем бессмысленный вандализм ученых революции, которые фактически стерли мокрыми пальцами портреты древних императоров и королей и даже святых, носивших корону, чтобы продемонстрировать свою невыразимую ненависть к монархии.

Среди рукописей есть несколько, уцелевших при разграблении Константинополя в 1453 году, и они носят имена и почерк Халкондилы, Хрисолараса и реставраторов греческой литературы, которые после падения Восточной империи нашли убежище в Риме и при дворе Медичи. На переплетах некоторых из них высечен императорский герб Наполеона, но у большинства все еще сохранились старинные бархатные переплеты, богатство которых, а также застежки из

позолоченного серебра, скрепляющие их, свидетельствуют о ценности, которую придавали их содержимому их прославленные владельцы.

Смежная квартира посвящена некоторым интересным предметам старины, среди которых придворный костюм Карла II, сувенир о его пребывании в Брюсселе во времена правления Кромвеля; плащ из перьев, принадлежавший Монтесуме; колыбель, в которой качали Карла V. и два чучела лошадей, которые несли Альберта и Изабеллу в битве при Ньюпоре, одно из которых - андалузская борода, сопровождавшая Инфанту из Испании, другое - моравская, которая впоследствии спасла жизнь эрцгерцогу при осаде Остенде в 1604 году.

В частных особняках Брюсселя хранятся многочисленные коллекции картин и предметов *vertu*, гораздо более ценные, чем те, которые являются достоянием нации. Работы герцога д'Аремберга, принца де Линя, мецье Малек де Вертенфельса и графа Вилена XIV содержат несколько шедевров голландских и фламандских мастеров, а также несколько работ Рафаэля Леонардо де Винчи и руководителей итальянской школы. Имя этого последнего джентльмена несколько примечательно; его предку, получившему дворянство от Людовика XIV, было разрешено добавлять шифр монарха к своему имени и к имени его потомков. В коллекции герцога д'Аремберга, помимо ряда превосходных картин, хранится замечательный мраморный предмет, который вызвал много любопытных исследований среди дилетантов; это голова, фрагмент статуи, которая, как *говорят*, первоначально принадлежала главной фигуре в группе Лаокоона в Ватикане, а нынешняя голова является лишь реставрацией. Правдивость этого высказывания подвергается сомнению, но знатоки, близкие к Наполеону, были настолько удовлетворены его правдивостью, что император, по их совету, предложил владельцу вес за вес, золото за мрамор, если он позволит голове вернуть свое древнее положение на плечах статуи, которая тогда находилась в галерее Лувра. Герцог, не желая расставаться с книгой, отказался, но, зная о решительном характере капризов Наполеона, тайно выслал ее из страны и хранил в Дрездене до падения императора, когда она была возвращена на свое старое место в библиотеке Арембергского дворца. В том, что голова центральной фигуры в группе Ватикана является реставрацией, не может быть никаких сомнений; говорят, что она была скопирована с античного драгоценного камня. Голова была найдена венецианскими исследователями в Брюсселе и продана отцу или деду нынешнего герцога д'Аремберга. Независимо от того, подлинный это оригинал или нет, не может быть никаких сомнений в его виртуозном исполнении, а энергия и огонь выражения, которыми он светится, оправдывают любое мнение в пользу его происхождения.

Почти отвесная улица, уместно названная “Rue Montagne de la Cour”, поднимается по прямой линии от самого нижнего уровня древнего города к холму, на котором расположен новый, заполненный лучшими и наиболее эффектными магазинами Брюсселя: ювелирами, печатниками, кондитерами и модистками, и в любое время дня запруженный экипажами и модными зеваками. У подножия этого крутого склона находится площадь Монне, где находится театр, в котором в 1830 году началось настоящее восстание, когда публика, разгоряченная музыкой и декламацией Мюэтт де Портичи и вдохновленная эстро Мазаньелло, выбежала на улицу и сразу же приступила к сносу резиденции министра мецье ван Маанена. Повернув за угол, вы внезапно оказываетесь посреди старинной площади, на которой стоит Отель де Вилль и другие главные муниципальные здания минувшей эпохи — *форум* древнего Брабанта, как и Площадь Монне в современном стиле. Именно в нем и в мрачных старинных особняках, которые можно найти на прилегающей к нему территории, гордость демократии, по-видимому,

наслаждалась “запечатлением в высоком камне” своего собственного великолепия и расточала свои общественные богатства на башни Ратуши, самого внушительного памятника народной власти.

Но, независимо от демократических ассоциаций, брюссельский ратуша был местом действия самого экстраординарного эпизода, который когда—либо был зафиксирован в хрониках королей; именно в большом зале ратуши Карл V устал от монаршей короны, отложил ее в сторону, чтобы облачиться в монашеский капюшон, и покинул трон империи, чтобы умереть, как маньяк, в монастырской келье. Именно из одного из окон того же здания свирепый герцог Альва лично наблюдал за казнью двух чистейших патриотов своего времени или любого последующего — Ламорала, графа Эгмонта, и Филиппа де Монморанси, графа Хорна - первых и самых прославленных мучеников Реформации в Нидерландах. Во время правления Филиппа II Брюссель был грандиозной ареной злодеяний Альвы и неспособности его преемников. Именно на маленькой площади Пти-Саблон собрались протестантские союзники, чтобы высказать свое знаменитое замечание Маргарите Пармской, сестре и вице-королеве фанатичного тирана, по случаю вручения которого руками де Бредерода злополучное восклицание “нищие” (*Geu*) сорвалось с неосторожных уст графа де Берлаймента, когда он шепотом советовал великой герцогине отклонить их молитву, слово, прозвучавшее как удар молнии. блистер, и сразу же был принят как название и жало протестантского заклинания.

Площадь Ратуши была ареной всех народных волнений, которые волновали Брабант, начиная с зарождения герцогской династии и заканчивая безмятежными днями Альберта и Изабеллы: она гремела безумными бунтами иконоборцев в 1566 году и была освещена пламенем инквизиции, в котором те же самые разъяренные фанатики совершили последнее искупление за свое насилие. Он обагрился кровью протестантов при Филиппе II, а в 1581 году огласился одобрительными возгласами последователей принца Оранского по поводу временной отмены поклонения Риму. Архитектурный облик города так мало изменился после этих волнующих сцен, что, имея с одной стороны ратушу, а с другой - старый общественный дом, в котором Эгмонт и Хорн провели ночь перед казнью; а вокруг них почтенные готические фасады и резные фронтоны старинных жилищ, можно почти представить его готовой декорацией и наполовину ожидать появления действующего лица, которое разыграет трагедию.

Декоративные памятники Брюсселя не отличаются ни большим количеством, ни изысканностью вкуса. Общественный фонтан под названием “*le Craacheur*” представляет собой статую человека, скрестившего руки на груди и извергающего струю для удобства публики; а знаменитый маленький фонтан *манекена* на улице Шен снабжает своих посетителей водой в стиле, совершенно уникальном, по крайней мере, для статуи. Это эксцентричное маленькое нелепое создание - любимец буржуазии и популярный палладиум Брюсселя, а его мемуары относятся к числу самых нелепых свидетельств национального ничтожества. Очень древний оригинал, сделанный из резного камня, был заменен на железный. Настоящий выполнен из бронзы по той же модели и был отлит Дюкесной в 1648 году. Одна из историй, объясняющих его чрезвычайную популярность, заключается в том, что это изображение Годфри, одного из герцогов Брабанта, который, когда младенец сбежал от своей кормилицы, был обнаружен на том месте в позе, увековеченной маленькой статуэткой. Толпа боготворит манекен — его называют “*le plus ancien bourgeois de la ville*”, он пользуется свободой города, и в его честь регулярно назначается праздник в июле. По этому случаю он одет в костюм, который подарил ему Людовик XV., состоящий из треуголки и перьев, шпаги и полного комплекта костюма,

король, в то же время, присвоил ему звание шевалье де Сен-Луи. Карл V был столь же благосклонен к манекену, и Максимилиан Баварский приставил к нему камердинера. Кроме того, ему оставили наследство более чем одни горожане; в настоящее время его доход превышает четыреста франков, выплачиваемых его камердинеру за его услуги по государственным мероприятиям и казначею за управление его поместьями. Брюссель не раз приходил в смятение из-за того, что уносили манекен, и были предприняты максимальные усилия для его выздоровления. Последним насильем, которому подвергли его, было то, что его похитили несколько лет назад; но он был обнаружен в доме освобожденного преступника и быстро возвращен на свое старое место и к своим обязанностям среди восторга брюссельцев.

На площади Гран-Саблон еще один фонтан, увенчанный мраморной статуей Минервы, между фигурами, олицетворяющими Славу и реку Шельду, и держащий медальон с головами Франциска I и Марии Терезии, был установлен, как гласит надпись на нем, в 1711 году Томасом Брюсом, графом Эйлсбери, в знак признания удовольствий, которые он испытал за сорок лет проживания в Брюсселе.

Сегодня мы обедали с джентльменами, входившими в состав Комиссии по расследованию, которая недавно посетила льняные районы Великобритании. Представление проходило в "du Bos" на улице Фоссе-о-Лу, любимом ресторане Брюсселя, а ужин был полностью французским и соответствовал лучшим блюдам Пале-Рояля. Отели Брюсселя, я имею в виду те, что расположены в его верхнем городе, имеют огромный размах, особенно Bellevue, который выходит окнами на парк и был в самом центре битвы во время "славных трех дней" 1830 года. Рядом с ним находится отель де Фландр, говорят, что здесь самый изысканный табльдот из всех, и его популярность такова, что мы не смогли ни снять апартаменты в отеле по прибытии, ни занять места за столом в следующий раз. Столкнувшись с этой дилеммой, мы поселились в доме на противоположной стороне той же площади, отеле "Бретаник", где условия показались нам столь же отвратительными во всех отношениях, сколь и чудовищные сборы. Однако, как обычно, незнакомцу, поставившему ногу на подножку своего экипажа, ничего не остается, как подчиниться; но, как правило, путешественнику, который ищет самую дешевую гостиницу, неизменно следует обращаться в ту, которая имеет репутацию лучшей; там, где нет соблазна, как в менее посещаемых заведениях, заставить тех, кто посещает дом, заплатить за убытки, причиненные отсутствием тех, кто избегает его, и где, даже если счет иногда бывает несколько больше, чем положено, у него есть, по крайней мере, , удовлетворение от ощущения, что он получил *комфорт* в обмен на вымогательство.

ГЛАВА VI.

БРЮССЕЛЬ.

ПОСЛЕДСТВИЯ ОТМЕНЫ УНИИ С ГОЛЛАНДИЕЙ.

Бельгийская революция не произвела на свет ни одного гениального человека—Нынешнее министерство—М. Роже—М. Liedtz, министр внутренних дел—интервью в главном офисе—проект паровой навигации между Бельгией и США—свобода политической дискуссии в Бельгии—*символ короля Леопольда*—общественные чувства, в Брюсселе—оригинальный Союз

Голландии и Бельгии, видимо, желательно—коммерческие препятствия—упрямство короля Голландии—анекдот из Кинг-оф-Пруссия—чрезвычайной помощи короля для производителей—*благополучное* состояние в Бельгию в Голландии—*Ле немощи включают*—Единственное совпадение между работой repealers в Ирландии и repealers в Бельгии—амбиции для отдельной национальности—введение голландского языка неразумно—упразднение суда присяжных—сейчас не любят бельгийцев себя—финансовые претензии—неравенство представительства—проведение католики—ненависть к веротерпимости—крепления духовенства в Австрию—*замечательный манифест духовенства до Венского конгресса*—устойчивость к свободе совести, и свобода прессы—спрос на десятину—сопротивление жрецов к терпимости к протестантам—официальная присяга—*протест римско-католических епископов против свободы мнений и образования за счет государства*—это очень помогло Государя—сопротивление священства—*революции*—Союз либералов и католиков—нетерпимый амбиции духовенства—разделение *Клерико-либеральная партия*—современное состояние партий в законодательном органе—антиконституционная власть жрецов—*Состояние общественной морали*—всеобщее недовольство—любопытный список претендентов на корону в Бельгию в 1831 году—“*La Belgique-де-Леопольд,*” его изменнической публикации—будущее неопределенное—тщетные попытки исправить зло революции—*связь с прусской Лиги отказался*—невозможность союза с Австрией или Пруссией—союз с Францией нецелесообразно, раздел Бельгии с окружающими ее государствами—*возможно восстановление династии Нассау, в случае каких-либо свежих возмущения.*

Сегодня утром мы нанесли визит министру внутренних дел господину Лидцу в его отеле “Дворец нации”. Весьма примечательно, что ни фактический всплеск революции, ни ее последующее влияние не были достаточными для того, чтобы выдвинуть на первый план какую-либо выдающуюся гениальную личность, придать особый облик политике нового государства. Актерами, сыгравшими наиболее заметную роль за последние десять лет, были несколько представителей древней католической знати, чьи титулы придавали движению престиж, но которые давно ушли на пенсию или перестали руководить администрацией, а также группа юристов, чья профессиональная способность продвигать любые изменения или извлекать выгоду из них, позволила им перешагнуть через головы своих менее ловких, но не менее квалифицированных коллег и присвоить себе “хлеб и рыбу” должности. Наконец, были “массы”, чья стремительность привела к революции, “патриоты”, которые формируют инструменты каждой революции, которые должны использоваться на благо их более дальновидных начальников. Но смелый дух 1830 года полностью исчез; нынешним временам не нужны такие пламенные агенты; насилие, которое приводит к революции, должно быть первым, от чего должны избавиться те, кто хочет ее увековечить, и кто быстро научится заменять волнующее требование “дела Карфагена” на более мягкую мольбу “панем и Цирка”. Таким образом, Масаньелло революции, г-н де Поттер, поняв, что его услуги были оказаны и его присутствие больше нежелательно, уже давно удалился, чтобы обдумать и, как даже добавляется, *сожалеть* о событиях 1830 года; но, конечно, чтобы в сильных выражениях выразить свое разочарование их практическими результатами.

Насколько мы могли судить, нынешнее министерство не пользовалось доверием их сограждан, и я не помню, чтобы о ком-либо из них говорилось без ссылки на какую-либо неспособность или дисквалификацию для этой должности. Месье Роже, министр общественных работ, был третьеразрядным или четвероградным адвокатом в Льеже и зарабатывал недостаточный профессиональный доход чтением лекций по французской литературе. Его смелое и энергичное

участие в событиях, сменивших старую династию, рекомендовало ему работу при новой, но возложенная на него должность министра внутренних дел, включающая опеку над торговлей и мануфактурами, была такой, для которой он мало подходил ни по образованию, ни по вкусу, и он полностью разрушил доверие торговцев и владельцев фабрик, признавшись в одном из своих обращений к ним, что они должны быть готовы к тому, что *“коммерция умрет затяжной смертью”*, если это будет способствовать постоянству нового порядка вещей. М. Лидц, с которым он сотрудничал. сегодня утром у нас было собеседование, он, как и месье Роже, был юристом, но занимал определенное положение в своей профессии. Мы слышали, что он был настроен неблагоприятно по отношению к революции при ее первом всплеске, но его таланты быстро привлекли к нему внимание новых властей, которые повысили его до должности судьи в округе Антверпен, откуда он был переведен на свою нынешнюю должность после смещения месье Роже, на должность начальника общественных работ. Он принял нас в очень элегантных апартаментах, намного превосходящих те, в которых размещаются наши собственные министры на Даунинг-стрит. Он уроженец Ауденарда, скромного происхождения, но обладает значительными практическими познаниями, особенно в вопросах сельского хозяйства. Он принял нас очень приветливо и после небольшого разговора на коммерческие темы сразу же вернулся к своему собственному хобби, расспросив о прогрессе сельского хозяйства в Великобритании. Предметом нашего наибольшего интереса была пошлина, которую, как было объявлено, правительство намерено ввести в отношении экспорта льна, и на которую я ранее ссылался как на экстраординарную меру, предложенную членами сельскохозяйственной палаты, чтобы защитить ручные прядильни от вытеснения машинами. Министр, казалось, полностью понимал абсурдность этого предложения, но все же признал, что “давление извне” может вынудить его внести законопроект по этому вопросу. Он сообщил нам, что только что были заключены переговоры с некоторыми спекулянтами в Соединенных Штатах при поддержке бельгийского правительства с целью запуска линии пароходов большой мощности из Нью-Йорка и Филадельфии в Антверпен и Остенде с заходом в один из южных портов Англии, и таким образом ожидалось обеспечить долю пассажирских перевозок, а также постепенно открыть рынок для бельгийской продукции в Соединенных Штатах.

Одну вещь в Бельгии я не могу не упомянуть как характерную — безудержную свободу, с которой каждый человек обсуждает политику, и безоговорочную прямоту, с которой каждый излагает свои взгляды и критику. Это тем более примечательно, что всеобщее мнение состоит если не в том, чтобы прямо жаловаться, то, по крайней мере, в том, чтобы признать наличие большого повода для жалоб. Я никогда не встречался с менее *фанатичными* политиками, и я не видел ни одного человека, которого я бы назвал *партийцем*, в английском понимании этого термина, то есть того, кто считает все правильным или все неправильным именно в зависимости от того, осуждается или восхваляется партия, которой он симпатизирует. Но факт остается фактом: в Бельгии пока нет “оптимистов”, и в каждом департаменте так много неудовлетворительного, что сознание этого вынуждает каждого человека быть убежденным, если не признать это. Пресса также не сдержанна, и в магазинах книготорговцев мы нашли множество публикаций, посвященных разоблачению нынешнего положения страны.

До сих пор ни одно существо, даже самый яростный приверженец Дома Нассау, с которым я встречался, не включает короля Леопольда в сферу своих порицаний. Сама революция, ее непосредственные участники и ее последствия являются объектами их осуждения; но ни один из результатов, от которых они страдают, не приписывается влиянию или вмешательству короля. Те, кто сожалеет об изгнании короля Голландии, смотрят на короля Леопольда просто

как на своего невольного преемника, и хотя они осуждают неспособность его министров и насилие партии в палате представителей и в стране— которой они управляют, все, казалось, считали короля лишь жертвой обстоятельств, которым он в равной степени неспособен вместе с ними противостоять или направлять. Его любовь к передвижению, его частые визиты в Англию и поездки в Париж были предметом добродушных насмешек и принесли ему титулы “королевского путешественника” и “кочевника эстафеты”. “Для развлечения, - сказал интеллигентный бельгиец, когда я спросил его, какое участие принимал король в политике, - он уходит с дороги в Висбаден и предоставляет многое самим себе, или, что почти то же самое, *своим министрам*.”

В Брюсселе, конечно, мы обнаружили, что революция все еще популярна; ее жители были первыми, кто поддержал ее, и последними, кто сожалеет об этом. Но это внутренний город, резиденция двора и знати, не связанный ни с мануфактурами, ни с торговлей, и его лавочники не пострадали от перемен, повлиявших на процветание торговых районов. Столь же независимые от ткацкого станка и паруса, они слышат о затруднениях других только как звук, доносящийся издалека. Они общаются с богатыми, которые собираются вокруг законодательного органа и дворца государя; пока что на их занятия не повлияло сокращение ресурсов среднего и рабочего классов, и, помимо постоянного проезда иностранцев, а также постоянного проживания нескольких тысяч англичан и других богатых иностранцев, это постоянный источник дохода. Но по всей стране и в провинциальных городах мы столкнулись лишь с одним чувством - острого недовольства результатами революции и тревоги за состояние и перспективы страны.

То, что союз Бельгии с Голландией в 1815 году был задуман не столько с оглядкой на интересы двух стран, сколько с беспокойством о создании значительной державы именно в этой местности, в качестве гарантии мира в Европе, признают все, кто участвовал в его фактических приготовлениях; но в равной степени признается, что какие бы разногласия ни существовали в то время между чувствами, особенностями и интересами двух государств, они не представляли собой постоянного препятствия для того “полного и интимного слияния” двух народов, которое в конечном итоге было предвосхищено Венским конгрессом. Именно для того, чтобы превратить новое королевство в государство, имеющее соответствующее значение, Англия, в дополнение к участию в восстановлении древних Нидерландов Карла V, отказалась от части своих колониальных завоеваний во время войны, чтобы повторно присоединить их к Голландии, таким образом подпитывая национальные ресурсы обеих частей нового альянса - бельгийской за счет сбыта своей мануфактуры, а голландской — за счет перевалки грузов.

Этот союз тоже был естественным не только географически, но и внутренне. Бельгия была вынуждена стать мануфактурной страной из-за перекрытия Шельды по Мюнстерскому мирному договору, положившему конец тридцатилетней войне в 1648 году, одного из тех противоестественных актов государственной политики, который кажется почти нечестивым вмешательством в благосклонность провидения; и который, лишив эту благородную реку всех торговых целей, имел предполагаемый эффект в переносе торговли в Амстердам и Роттердам, тем самым вынудив бельгийцев заняться промышленностью и ремеслами у себя на родине. Они с такой гибкостью соответствовали этой необходимости, что, когда в 1794 году прогресс французов снял противоестественное эмбарго, энергия и гений населения достигли такого решительного развития, что их не удалось соблазнить вернуться к их старым занятиям торговлей, и *мануфактуры* Бельгии продолжали процветать при “континентальной системе”

Наполеона вплоть до периода всеобщего мира. Голландия, напротив, с ее рабочими, полностью занятыми судоходством и торговлей, и не обладающая железными или угольными рудниками, никогда не испытывала ни побуждения, ни искушения стать мануфактурной страной, так что, по-видимому, ничто не могло быть более счастливым, чем союз одной производящей нации, полностью оснащенной машинами, со своим соседом, пропорционально богатым судоходством; и открыть для обеих обширную колониальную территорию, население которой торговцы одной могли бы снабжать продукцией другой.

Но даже здесь заложены семена непредвиденных разногласий. Бельгия, все представления которой о торговой политике были сформированы на ложной и узкой основе Франции, постоянно призывала к защитным пошлинам, щедротам и запретам, без которых ее ремесленники тонули под воздействием иностранной конкуренции; в то время как для голландцев, с их духом торговли и судоходным флотом, любое ограничение абсолютной свободы торговли было положительным ограничением прибыли. Этот антагонизм интересов привел к постоянной вражде в генеральных штатах по всем вопросам обычаев и сборов, и Голландия до такой степени уступила в этих вопросах, чтобы защитить интересы Бельгии, пожертвовав своими собственными, что хорошо информированный автор отмечает, что *“даже если предположить, что в Бельгии не возникло желания отделиться, голландцы вскоре были бы вынуждены потребовать этого развода, чтобы спасти Амстердам и Роттердам от разорения”*. Однако более вероятно, что рост промышленного процветания в Бельгии и возросший спрос и потребление ее продукции в конечном итоге компенсировали бы ее коллеге по коммерции все промежуточные потери.^[30]

Но к этим денежным распрям добавились более глубокие и менее ощутимые причины взаимного отталкивания, языковые и религиозные различия, местные предрассудки и антипатии, из которых быстро возникло бесконечное количество определенных “обид”, которые своевременное и примиряющее вмешательство и конституционные реформы могли бы смягчить; но которые, без сомнения, упорно и фатально игнорировались королем Голландии и его безответственными министрами; и хотя абсурдно рассматривать их, даже если они не устранены, как оправданное основание для революции, в конечном итоге они привели к изгнанию семьи Нассау из Нидерландов.

Кажется, все признают, что в этом была серьезная вина короля Голландии, и что, хотя все политические причины жалобы можно было легко устранить или исправить, они были упущены из виду в его стремлении стимулировать коммерческое процветание страны. С самого начала он стремился искоренить французские институты, к которым за двадцать лет своей связи с этой страной бельгийцы сильно привязались, и приравнять их к голландской модели. Его поведение в этой попытке сильно контрастировало с благоразумием короля Пруссии, который, получив свои заграничные провинции при точно таких же обстоятельствах, ни разу не попытался вмешаться в те обычаи и местные конституции, с которыми народ был знаком. Он даже осмелился возразить королю Голландии о неразумности его курса и предупредить его о недовольстве, которое это могло вызвать, но получил лишь раздраженный ответ, что “его Величество был достаточно взрослым, чтобы действовать самостоятельно”, — отповедь, которую, как говорят, парировал прусский монарх, когда в последующий период король Голландии обратился к нему за помощью в отвоевании Бельгии, и сопроводил свой отказ замечанием, что, по его предположению, “его Величество был достаточно взрослым, чтобы воевать за себя”..

Это неразумное пренебрежение политическими проблемами Бельгии не может быть компенсировано исключительной преданностью короля ее промышленным и материальным интересам; и даже в этом сомнительно, что его рвение не толкнуло его на неразумную крайность. Его великой целью было превратить свой народ в “нацию лавочников” и развивать производственные ресурсы Бельгии так же тщательно, как трудолюбие и забота приумножили сельскохозяйственные и коммерческие богатства Голландии. Не осталось ни труда, ни затрат, ни заботы, ни эксперимента, который мог бы дать жизнь и импульс их великой цели. Одна захватывающая тема занимала его больше всего, и ее было уместно сравнить с “текущими ценами”, на которые влияли исключительно рост и падение цен на продукцию или колебания финансовых средств. Изобретения Уатта и Фултона стояли в его глазах выше, чем достижения Фридриха или Наполеона. Он защищал искусство не столько из восхищения, сколько из политики, и он одобрял литературу не из какой-либо преданности литературе, а потому, что это создавало спрос на коммерческие товары. Короче говоря, в его поведении не было ничего классического, вдохновляющего или рыцарственного, все было материальным, позитивным и математическим. Бизнес был его стихией, его развлечением, но это была кража того времени, которое, как он считал, он должен был полностью посвятить своему народу. Ему нравилось окружать себя практичными людьми, и он завоевал расположение всей крупной коммерческой и финансовой аристократии тем вниманием, которое уделял им, индивидуально и коллективно. Неоспоримо, что если бы счастье и благополучие нации зависели от кропотливых усилий и неустанной преданности суверена коммерческим делам, то Бельгия должна была бы быть столь же довольной, сколь и процветающей, а ее суверен - самым популярным монархом в Европе.[31]

Под покровительством такого суверена Бельгия за пятнадцать лет своего сотрудничества с Голландией достигла таких высот процветания, которые ни один человек не смеет подвергать сомнению. Сельское хозяйство, оправившееся от печальных последствий войны и получившее дополнительный импульс от спроса, созданного торговлей Голландии, быстро достигло наивысшей возможной точки процветания — были открыты шахты, широко разведаны уголь, железо и все другие полезные ископаемые; мануфактуры и машины были умножены до невероятных размеров, а торговля Антверпена даже опередила торговлю Голландии по экспорту продукции из Бельгии. Дороги, каналы и средства сообщения строились с удивительной быстротой; здоровое и практическое образование распространялось повсеместно, короче говоря, все элементы материального процветания получили полное развитие, и что придавало прогрессу нации еще большее значение, так это тот факт, что он не был прерывистым или капризным, а демонстрировал один устойчивый марш в своем восхождении в каждом последующем году, от периода союза до часа его распада.[32]

При таком стечении обстоятельств не терпится обнаружить конкретные причины недовольства, которые могли бы воспламенить все население во всей ярости восстания и привести к изгнанию кровью и мечом короля, под властью которого они признают себя должниками за столь многие блага. Здесь не место расписывать их достоинства, но, просто перечисляя основные обиды, на которые они жалуются, “печали бельгийцев”, как они были специально озаглавлены в газетах того времени, невозможно не поразиться идентичности между подавляющим большинством предлогов для восстания, выдвигаемых “патриотерией”, отменившей Унию в Бельгии, и “патриотами”, которые требуют “отмены Унии” в Ирландии. Это сходство также не ускользнуло

от сторонников революции ни в той, ни в другой стране. В Ирландии на это демонстративно и настойчиво обращали внимание, и даже вплоть до настоящего времени пример бельгийцев выставляется напоказ как стимул для честолюбивых врагов британских связей; а в Бельгии даже до революции позиция двух стран, в том что касается их нескольких законодательных связей с Англией и Голландией, была предметом неоднократных сравнений и соболезнований. “Бельдж”, журнал, активно поддерживавший движение, таким образом, ссылается на совпадение их обстоятельств в 1830 году. “Бельгия долгое время была Ирландией Голландии, отношение доминирующей державы было почти во всех отношениях отношением “сестринского острова” к Англии — с невыносимым дополнением, однако, что, в то время как в Ирландии было намного меньше населения, в Бельгии его было намного больше — что Бельгия платила намного больше своей доли налогов, в то время как Ирландия платила намного меньше — что Ирландия часто посылала своих жителей участвовать в распределении мест, пенсий и почестей, в то время как такое распределение среди бельгийцев было чрезвычайно редким явлением”.

Но сходство заключается не столько в мнимых основаниях для восстания, сколько в идентичности действительных инструментов и действующих лиц. В Бельгии, как и в Ирландии, это была необразованная и фанатичная толпа, разжигаемая полуобразованной прессой и ведомая пропагандой священников и толпы неудачливых и голодных юристов. В обеих странах лидеры движения, какими бы ни были их истинные и тайные чувства, якобы заявляли, что стремятся всего лишь к удовлетворению претензий и с тревогой относятся к идее *отделения*; их единственным желанием является *федеративный союз* под одной короной, но с другой администрацией. Бельгиец, однако, вскоре почувствовал, что ему нужна власть, которую нет особых оснований приписывать ирландцу, говорящему “так далеко ты зайдешь, и не дальше”, а стимуляторы, применяемые к разностороннему тщеславию народа, вскоре сделали его нетерпеливым к любому предложению, кроме реальной независимости. Неудачная фраза в Парижском мирном договоре о том, что Бельгия должна была отойти Голландии “в качестве присоединения территории”, была истолкована как национальное унижение, несмотря на выражение совершенного равенства и “слияния”, которое пронизывало все остальные места документа, и клич “*нация больше не является провинцией*” немедленно стал стремлением каждой недовольной группы. Этого отличия они, наконец, достигли и наслаждаются скромным возвышением трона, но, к сожалению, не обладают ни властью, ни богатством, ни влиянием как европейского государства, которые необходимы для придания ему достоинства и стабильности.

Однако между этими двумя случаями есть некоторые существенные различия, поскольку, в то время как ирландские страдальцы требуют *for* ассимиляции с Англией, жители Бельгии взялись за оружие *против* ассимиляции с Голландией; и, кроме того, бельгийский отказник преследовал свою цель отделения, несмотря на признанное процветание своей страны, в то время как ирландский, менее откровенный, с энтузиазмом пытается изобрести случай бедствия, чтобы оправдать свою измену. Прежде всего, есть то счастливое отличие, что, в то время как в Бельгии отмена была достигнута за счет национального процветания, у Ирландии все еще есть возможность поразмыслить и получить предупреждение на ее прискорбном примере.

Гражданские жалобы революционеров возникли из-за определенных мер короля, в некоторых из которых он был явно неправ; его попыток сделать голландский национальным языком для всех государственных документов в определенных провинциях; отмены суда присяжных,

который был учрежден французами; переноса верховного суда в Гаагу; и внедрения принципов голландского права во все их заявления и разбирательства. Два последних были обычными досадными проявлениями духа централизации, который благоразумное правительство никогда бы не попыталось навязать невольным предрассудкам нации; и замена голландского трибунала судом присяжных была бы существенной несправедливостью, если бы народ был единодушен или даже, в значительной части, благосклонен к нему; но при разногласиях по этому вопросу в Генеральных штатах большая часть бельгийских представителей постоянно голосовала против этого; и даже сейчас, несмотря на его восстановление, он становился все более и более непопулярным, и даже те, кто поддерживал его в 1830 году, отказываются сами заседать в жюри присяжных или поддерживать систему своим сотрудничеством. Изменение языка было неразумной попыткой навязать четырем миллионам бельгийцев диалект трех миллионов голландцев. Это, однако, пытались защитить, заявляя, что из всего населения Соединенного королевства только одна пятая говорила по-французски, а именно в Эно, Валунах, Южном Брабанте и части Люксембурга; а остальные диалекты немецкого языка составляют две пятых голландского и две пятых фламандского языков. Следовательно, навязывание голландского языка всему миру не было более несправедливым, чем было бы аналогичное навязывание фламандского, и все же в течение этого самого года партия, которая до смерти оскорбляла одного в 1830 году, начала обращаться в законодательный орган за другого! Теперь они довольствуются тем, что отказываются от французского, за который они тогда боролись, и принимают вместо него варварский фландрский наречие, который был бы столь же непонятен валунам и даже тем районам Антверпена, которые граничат с Голландией.

Другая жалоба касалась непропорционального распределения правительственного покровительства между подданными Голландии и Бельгии, в чем, возможно, было много правды, и по поводу чего правительство не предприняло ни самых мудрых, ни самых успокаивающих шагов для примирения меньшинства, приписав этонехватке талантов среди своих соотечественников. Подобно ирландцам, бельгийские агитаторы протестовали против того, чтобы налоги Бельгии применялись для погашения государственного долга, наибольшую долю которого Голландия получила до периода союза, — но, поскольку революция взяла управление национальными доходами в свои руки, было обнаружено зло более серьезного масштаба, заключающееся в том факте, что расходы Бельгии каждый год после революции, за единственным исключением 1835 года, превышали доходы на несколько миллионов франков. В 1831 и 1832 годах это было поразительно: расходы на войну и строительство новых учреждений привели в первом году к расходам свыше четырех миллионов, а во втором - к восьми миллионам фунтов стерлингов. В

1833	доход составил	£3,441,519	и	
	расходов	3,765,993	сверх	£324,474
1834	выручка	3,371,182	и	
	расходов	3,554,960	избыток	183,778
1835	выручка	3,695,225	избыток	112,852
	расходы	3,582,373		
1836	выручка	3,382,286	и	
	расходов	3,469,031	избыток	86,746

1837	выручка	3,436,468	и	
	расходов	3,817,621	избыток	381,153
1838	выручка	3,784,253	и	
	расходов	3,885,232	избыток	100,979
1839	выручка	4,163,821	и	
	расходов	4,476,613	избыток	312,792

Проценты по государственному долгу независимого государства превышают в настоящее время 800 000 фунтов стерлингов в год. Кроме того, во время голландского режима оказалось, что в Бельгии, *как и в Ирландии*, недовольные несли самую незначительную долю национального бремени, доход за три года, предшествовавших восстанию, выплачивался в пропорции шестнадцать флоринов на душу населения каждому жителю Голландии и только десять - жителям Нидерландов.

Другая жалоба, не менее *ирландская* чем бельгийская, заключалась в том, что количество представителей не регулировалось исключительно пропорционально *населению* двух штатов, совершенно независимо от относительной территории и владений каждого из них — и хотя представительство было точно разделено, половину Генеральных штатов составляли голландцы, а половину - бельгийцы, разделение, оправданное широкими территориальными интересами первых; патриоты и их возмутители спокойствия жаловались, что “*Мы не можем признавать принадлежность к репрезентации во взаимопонимании с населением*”, НАШИ ЖЕЛАНИЯ ГОСПОДСТВУЮТ На СЕВЕРЕ".[33] Сторонники репрессирования Ирландии еще не подражали откровенности этого признания; но его устремления не менее очевидны в сходстве их притязаний; и частые ссылки ирландского агитатора в Палате общин на относительное население и сравнительные избирательные округа графств Англии и Ирландии, независимо от их относительного богатства и собственности, которым недавно подражали члены правительства ее Величества, без сомнения, могут быть истолкованы как плохо скрытое принятие чувств сторонников репрессирования Бельгии.

Эти и несколько других второстепенных моментов были бременем всех *гражданских* обид, против которых должны были протестовать угнетенные патриоты Бельгии; и нетрудно понять, что для их устранения со стороны голландского правительства потребовалась лишь небольшая уступчивость, хотя уже слишком поздно сожалеть о том, что это возмещение не было своевременно применено. Однако ни один здравомыслящий гражданин не может разглядеть во всей массе этих жалоб, даже при всей их остроте, какого—либо достаточного основания для обращения к последнему средству борьбы с угнетением — войне и революции; и напрасно неугомонные подстрекатели восстания старались бы воспламенить население рапсодиями о славе независимости или обличительными речами против произношения голландского языка, — напрасно они пытались бы довести его до безумия финансовыми расчетами или сетованиями по поводу исключения какого—нибудь провинциального оратора с места в парламенте. в законодательном органе или портфеле в каком—нибудь общественном учреждении - все эти кнуты и стимуляторы были бы бессильны и не ощущались, если бы *религия* не была введена в ассоциацию с каждым из них, а господство Римско-католической церкви не было сделано альфой и омегой - началом и концом - бременем каждой жалобы и объектом каждого увещания.

Общепризнанной причиной недовольства духовенства было то, что король *был протестантом*, и что защита и полная терпимость распространялись на все секты и религиозные общины. Гений и притязания римско-католической церкви, по-видимому, вплоть до настоящего времени претерпели в Бельгии меньшие изменения, чем в любой другой стране Европы, за единственным исключением, возможно, самого Рима. Именно для того, чтобы сохранить ее во всей ее целостности, Филипп II и герцог Альва в течение тридцати лет проливали кровь и тратили сокровища Испании на ее защиту, и вплоть до настоящего времени ее духовенство выражает практическую благодарность за их преданность, бескомпромиссно отстаивая все качества, за которые они боролись. На данный момент Бельгия является самой насквозь католической страной в Европе, и недавние подвиги архиепископа Кельнского свидетельствуют о силе ее примера и влиянии даже на соседние государства.

Под владычеством Австрии власть церкви была признана короной во всей ее полноте и могуществе, и последующее объединение Бельгии с Францией в 1795 году вызвало яростное сопротивление духовенства, которое, естественно, видело в этом ниспровержение своей власти перед властью Богини Разума. Но даже влияние двадцати лет тесного общения с Францией оказалось неспособным уменьшить страстное подчинение бельгийцев своему духовенству или умерить амбиции их прелатов и их духовенства; и когда, наконец, скрепы, скреплявшие империю Наполеона, распались в 1814 году, самым большим желанием духовенства было вернуть Бельгию ее древним хозяевам и *преобразовать ее в провинцию Австрии*, и в этом случае, по их расчетам, возвышение церкви, естественно, последует. Это, однако, запрещала европейская политика; и когда в 1814 году прелаты Фландрии оказались покинутыми своим избранным сувереном, который принял взамен более привлекательные провинции Италии и передал их одному из самых протестантских монархов Европы, их ужас был безграничен, и в экстравагантности своего разочарования они имели безумие обратиться к памятнику Венскому конгрессу, который вполне достоин того, чтобы его сохранили как подлинный манифест претензий римско-католической церкви в наше время. [34]

Оно датировано октябрем 1814 года и подписано генеральным викарием принца де Бройля, который в то время был епископом Гента. В нем излагается принцип, усвоенный, по их словам, из опыта, согласно которому для католической страны, переходящей под управление протестантского монарха, необходимо предусмотреть свободное отправление своего собственного культа и поставить все свои древние права и привилегии вне досягаемости какого-либо вмешательства государства (*“hors de toute atteinte de la part du Souverain”*). Генеральный викарий продолжал напоминать Конгрессу, что религия Лютера просто *терпима* в Германии рядом с религией Рима, хотя очень абсурдно одобрять две доктрины, которые противоречат друг другу; но в Бельгии последняя была отчетливо признана с незапамятных времен, и поэтому они считают своим долгом заблаговременно потребовать формальной гарантии ее исключительного осуществления, *“исключительной практики”*, которая была закреплена за ними в прежние времена самыми торжественными договорами. Они предупреждают принца Оранского, что он сочтет, что в его будущих интересах, а также в интересах Европы в целом, целью которой должно быть сохранение мира и довольства в Бельгии, заключить инаугурационный договор с церковью относительно сохранения всей ее древней власти, и откровенно намекают, что результат никогда не будет удовлетворительным, если их собственные требования не будут выполнены в следующих деталях: —Во-первых, исключительное установление римско-католической религии, *за тем исключением, что королевская семья и двор могут иметь место протестантского богослужения в своих*

дворцах или шато, но что результат никогда не будет удовлетворительным, если их собственные требования не будут выполнены в следующих деталях: ни под каким предлогом протестантская церковь не должна быть возведена в другом месте. The words of this postulate are as distinct as their import is remarkable in the nineteenth century:—“Avec cette exception, que le Prince Souverain et son auguste famille seront libres de professer leur religion, et d’en exercer le culte dans leurs palais, chateaux, et maisons royales, ou les seigneurs de sa cour auront des chapelles et des ministres de leur religion, *sans qu’il soit permis d’ériger des temples hors de l’enceinte de ces palais, sous quelque pretexte que ce soit.*” Во-вторых, церковь должна была обладать абсолютным господством во всех вопросах, касающихся ее собственных дел. В-третьих, Государственный совет должен был состоять *исключительно из римо-католиков*, включая *двух епископов* истеблишмента. В-четвертых и в-пятых, что от Римского престола должен быть принят нунций для переговоров с советом и заключен новый конкордат с папой римским. В-шестых, *что для обеспечения постоянного содержания духовенства, неподконтрольного государству, было совершенно необходимо восстановить взимание десятины по всей Бельгии*; протестанты, конечно же, вносили свой вклад в содержание церкви, с которой они были не согласны! В-седьмых, восстановление Лувенского университета; и, наконец, восстановление *монахов и религиозных орденов*, которые были подавлены императором Иосифом II, и “как одно из самых превосходных средств и, возможно, единственное на сегодняшний день, обеспечивающее молодежи благословения образования, сочетающего в себе одновременно принципы подлинной религии и достижения человеческой образованности, восстановление орденов иезуитов по всей Бельгии.”[35]

Был ли этот экстраординарный документ действительно составлен с целью повлиять на работу Конгресса или написан с полным предвкушением их окончательного завершения и задуман лишь как вызов и смелое предупреждение о последствиях, он не имел большого веса в Вене, и провинции были переданы, без необходимых условий, королю Голландии.

Конституция нового государства была основана на принципах максимально неограниченной терпимости и защиты всех религиозных конфессий. Но терпимость и свобода мнений составляют саму суть реформации, и римско-католическому духовенству хватило проницательности понять, что для молчаливого, но окончательного ниспровержения их церкви нельзя было создать более эффективную систему, чем приведение ее к равенству со всеми другими, тем самым укрепляя авторитет государства, приписывая многим обладание той спасительной верой, приписывать которую кому—либо, кроме одной, и этой самой, фатально для самого духа католицизма. Равные права и защита были для нее более пагубными, чем проскрипции и преследования, и ей не оставалось ничего другого, кроме того, что она избрала, чтобы протестовать против терпимости в первую очередь и восстать против нее в конце.

По договоренности нового правительства, ни один государственный служащий или должностное лицо, связанное с каким-либо государственным ведомством, не должен был приступать к исполнению своих обязанностей до принятия присяги соблюдать все принципы и все акты Конституции. Но поскольку среди них был основной закон “веротерпимости”, прелаты немедленно выпустили другой манифест, запрещающий всем католикам подписываться под отвратительной клятвой, как подрывающей все принципы Римской церкви и губительной для ее атрибутов и притязаний!

Статьи, против которых они возражали, были теми, которые гарантировали всем религиозным конфессиям христиан совершенную свободу совести, свободу вероисповедания, равенство гражданских прав и неограниченное право занимать все государственные должности.[36] Клясться в соблюдении такого закона, как объявили прелаты, означало ни много ни мало требовать равной защиты от заблуждений, как и от истины, и одобрять допуск в почетные места без различия вероисповедания, было просто санкционированием, предвосхищением мер, которые могли быть приняты впоследствии для разрешения вмешательства протестантов в дела католической общины. Слова Конституции устанавливали неограниченное отправление публичных богослужений, “за исключением случаев, когда это приводило к каким-либо общественным беспорядкам”, *лорскиль был одним из поводов для беспокойства*; “но епископы возразили, что предоставление правительству права вмешиваться при любых ограничениях означало подчинение церкви власти ее врагов; и что *клясться в повиновении любой конституции, которая предполагала, что католическая церковь подчиняется светскому закону, явно означало подписываться под ее унижением*”.[37] “Приписывать правительству право вмешиваться при любых ограничениях означало подчинять церковь власти ее врагов”. “для монарха другой веры, - говорили они, - *право вмешательства в регулирование национального образования* означало бы передачу государственного обучения светской власти и проявило бы позорное предательство самых дорогих интересов церкви. Есть и другие статьи Конституции, - продолжает манифест, - которые ни одно истинное чадо Католической Церкви никогда не сможет обязаться соблюдать или поддерживать посредством торжественной клятвы, и *прежде всего та, которая устанавливает СВОБОДУ ПРЕССЫ!*”

На этом уникальном документе стояли подписи принца Мориса де Бройля, епископа Гента, Шарля Фрэнсиса Джозефа Пизани де ла Годе, епископа Намюра, Франсуа Жозефа, епископа Турне, а также Ж. Форжера и Дж. А. Баррета, генеральных викариев Малина и Льежа. Я сохранил его и памятный знак Венскому конгрессу как наиболее примечательные разоблачения свободы совести, которые породило новое время, и исключительное свидетельство того, как мало влияния пример или тесная двадцатилетняя связь с либерализмом Франции были способны оказать на дух и гений Римской церкви.

Его обнародование произвело мгновенный эффект на слабую совесть народа, что на какое-то время привело к сильнейшему замешательству при создании нового правительства, поскольку отдельным лицам не разрешалось занимать должности, которые были открыты для них, из страха перед местью алтаря. Его пагубные последствия были, однако, через некоторое время сведены на нет умеренным поведением принца де Меана, последнего принца-епископа Льежа, а впоследствии епископа Малинского, который не подписал документ и принес требуемую присягу, *при условии одобрения папой Римским*, примеру, которому быстро последовали все, кого служебный стимул вдохновил с естественным стремлением воспользоваться столь высокой властью.

Теперь король приводил в исполнение закон, явно забыв обо всех предыдущих действиях римско-католического духовенства. Доход, выделяемый государством на их содержание, был *увеличен* по его предложению, ни в коем случае не предпринималось ни малейшего вмешательства в их богослужение, и для их проживания были построены церкви в более бедных районах, на которые сам его Величество щедро жертвовал. В течение нескольких лет успешно избегались все поводы для особых жалоб, и страна слишком быстро процветала, чтобы еще созреть для каких-либо попыток вызвать абстрактное недовольство. Но, наконец, примерно в

1825 году поразительные результаты голландской системы национального образования, о которых я упоминал в предыдущей главе, были настолько очевидны, что распространение знаний и образования стало слишком тревожным, чтобы позволить церкви дольше оставаться в бездействии, и сразу же началось сопротивление, несмотря на тот факт, что религиозное образование в начальных школах было скрупулезно оставлено под надзором священников, а теология была полностью исключена из курсов университетов и передана исключительно лувенскому колледжу. Но образование, даже при таких ограничениях, должно быть немедленно подавлено или безоговорочно передано церкви без какого-либо контроля со стороны министерства внутренних дел. Некоторые уступки по этому пункту служили только для придания уверенности в смелости дальнейших требований, и когда им был оказан отпор, все остальные претензии, гражданские и религиозные, тем временем претерпели необходимый процесс обострения и искажения, чтобы разжечь страсти “патриотизма” к восстанию, шахта была сочтена готовой к взрыву, “и вся страна”, используя слова барона Кеверберга,[38] “огласилась криками священников, которые наполнили Европу своими разоблачениями негодования. Слушая их, можно было бы представить, что католическая церковь в Нидерландах стонала в цепях безжалостного угнетения и что король поклялся вырвать веру их отцов из сердец своих подданных и без колебаний, какими бы яростными или тираническими они ни были, “протестантизировать свою страну”. Нет необходимости говорить, что это были не только чистые измышления, “простые риторические уловки”, призванные послужить насущной цели, поскольку даже их авторы теперь признают этот факт. В недавней публикации “Журнала Брюгге”, посвященной *либеральной* партии, признается, что Вильгельм I. отнюдь не был “протестантским тираном, каким его тогда было целесообразно представлять, а был самым терпимым из государей, “le plus tolerant que l'on puisse s'imaginer”, и его ненавидели священнослужители только потому, что он не потерпел, чтобы они *воздвигли алтарь на самом троне*, как им удалось сделать в результате революции 1830 года”.

С помощью этого несовершенного *описания* истоков бельгийской революции легко собрать воедино ее объекты, ее агентов и ее последствия. Союз либералов со священством и их последователями, составлявшими преобладающую массу населения, образовал союз настолько мощный, что вся Голландия была не в состоянии противостоять ему, не говоря уже о небольшой группе размышляющих и лояльных подданных, которые все еще оставались верны союзу и короне, и которые были не только подавлены яростью беспорядков в тот момент, но и настолько подавлены их конечными последствиями, что с тех пор они никогда не могли сплотиться как партия. Но непосредственная цель, однажды достигнутая, объединение “*клерико-либеральной*” конфедерации, ненадолго пережила свое завершение. “Тесный союз” междусвященниками и либералами был заключен первыми только для достижения определенной цели, которая иначе не могла быть достигнута, - *отмены Унии*; и как только это было достигнуто, нетерпимое честолюбие духовенства положило конец всякому дальнейшему сотрудничеству между ними. Партия жрецов стала тогда всемогущей благодаря своей численности, и, больше не нуждаясь в помощи своих бывших союзников, они смело добивались своих целей самостоятельно и вопреки им. Довольно нелепой иллюстрацией их рвения и его цели является то, что среди толпы претендентов, которые были названы в честь короны Бельгии в 1831 году, *сампапа* был выдвинут в качестве кандидата! и если бы решение осталось за революционерами, не может быть никаких сомнений в том, что Нидерланды были бы присоединены к территории Святого Престола.[39] Менее чем через двенадцать месяцев после изгнания короля Голландии орган, которым это было осуществлено, был разделен на две

враждующие фракции, и в настоящее время две противоборствующие партии, которые оспаривают каждую меру в законодательстве Бельгии, являются бывшими союзниками революции, — либералы и “*преторская* партия”, последняя из которых имеет решительное большинство, и правят своими бывшими соратниками железным жезлом.

Фактически, все регулируется желаниями той многочисленной группы священнослужителей, которые благодаря своим горячим усилиям по господству получили титул *La Mennaisiens*, и чье влияние в каждой семье и в каждом приходе управляет, регулирует и детерминирует каждое политическое движение. Именно они проводят все выборы, назначают кандидатов и подготавливают избирательный округ к голосованию, и когда я был в Генте, викарий Боттелера, сельского округа неподалеку, зачитал с алтаря имена людей, за которых прихожане должны были проголосовать на предстоящем конкурсе, под страхом неудовольствия епископа. Если совпадение не поражает неотразимо каждого человека, который наблюдал за тем, что происходит в Бельгии, то здесь снова нет необходимости указывать на параллель между составом двух партий в этой стране и Ирландии, которые симпатизируют принципу отмены и разделения. В каждой стране большинство “движения” состоит из римско-католического духовенства и приверженцев церкви, но в обоих случаях их сила была бы неэффективной, и, конечно, их цель вызвала подозрения, если бы к ним не присоединились честные, но заблуждающиеся люди, которые, стремясь к утопическим теориям в политике, довольствовались помощью тех, чьи замыслы по своей сути являются скорее сектантскими, чем гражданскими или политическими.

В Бельгии, однако, была продемонстрирована демонстрация того, чего можно ожидать, если проект отмены Союза когда-либо будет успешно осуществлен в Ирландии. Там, как и во Фландрии и Брабанте, священники и их последователи имели бы подавляющее большинство; и поскольку осторожность или скрытность больше не были бы необходимы, триумф их попытки был бы всего лишь сигналом к тому, чтобы отказаться от своих союзников и смело приступить к осуществлению своих собственных амбиций. После отмены унии цели либеральных протестантов Ирландии и римско-католической партии будут настолько различны, насколько это возможно благодаря самому духу свободы и гению деспотизма. Манифест римско-католических прелатов Венскому конгрессу и их протест против *свободы совести, образования, и свободы печати* в Бельгии, сделанный не в какую-либо отдаленную или устаревшую историческую эпоху, а в течение последних десяти лет, достаточно свидетельствуют о том, с какой враждебностью их поклонники и подражатели взялись за возрождение Ирландии. Архиепископ Малинский нашел бы современность и близкий по духу человек в великодушном прелате Туама, пастырское руководство духовенством было бы столь же энергичным на выборах в местный, как и в “саксонский” законодательный орган, и столь же успешным в обеспечении большинства в дублинском парламенте, как и во “Дворце нации”, а от услуг патриотов, которые сейчас кричат в свите Агитатора, можно было бы так же легко отказаться в Ирландии, как от них без промедления отказались в Бельгии.

Если бы союз между двумя странами однажды был отменен, союз между двумя секциями, при прямом или косвенном содействии которых он был осуществлен, не пережил бы его и на один год - влияние протестантской и английской партий в Ирландии было бы в такой ситуации так же эффективно уничтожено, как было уничтожено сторонниками Голландии в Бельгии; и обманутые либералы, при неразумной помощи которых они были подавлены, оказались бы в положении умеренной части палат Брюсселя, добросовестных, но неэффективных противников

католической церкви. деспотизм, более грозный, чем тот, который они свергли, поскольку тирания миллионов превосходит тиранию личности, и бесконечно более раздражающий, поскольку они сами, сами того не желая, способствовали его навязыванию своей стране.

При таком положении вещей легко представить недовольство и разобщенность, охватившие каждый департамент Бельгии; ее торговля и мануфактуры, работающие в условиях нужды и давления, облегчить которые правительство, как бы сильно оно ни стремилось, не в силах; гражданские недовольства, для уменьшения которых была предпринята революция, лишь частично устранены, а в некоторых случаях заменены другими, непосредственными следствиями самого средства правовой защиты, — и в довершение всего, правительство и страна подчинились религиозному господству, которым столь же неразумно пользуются партии, которые достигли этого, поскольку это подозревается и не нравится их оппонентам, которые изворачиваются под ее капризами и страдают от ее неосмотрительности.

Даже самый последний акт революции и то, что можно рассматривать как скрепление печатью европейских уз на предмет их постоянства, а именно ратификация окончательного договора о разделе с Голландией в прошлом году, по-видимому, только усилили существующую неуверенность; лидеры 1830 года, громко протестовавшие против передачи Голландии этих частей Люксембурга и Лимбурга, которые были переданы ей декретом, и меркантильные интересы, объединившиеся в жалобах на то, что правительство короля Леопольда было перехитрено министрами Гааги и не только подчинилось капитуляции. 350 000 из их и без того сокращенного населения являются потребителями в Голландии, но уступили ее требованиям, что нанесет ущерб судоходству по Маасу и Шельде.

Я могу заявить по своему собственному наблюдению, что я не беседовал на эту тему ни с одним человеком в Бельгии, который выразил бы полное удовлетворение нынешним положением дел. Напротив, я повсюду обнаруживал раздраженное недовольство и если не открытое сожаление по поводу событий 1830 года и отчетливые пожелания воссоединения с Голландией, то крайнюю растерянность при обнаружении какого-либо еще не опробованного средства, которое дало бы надежду вернуть стране ее спокойное процветание, будь то в качестве независимой нации или в составе какого-либо другого государства. *Со всех сторон казалось, что продолжать так, как в настоящее время, невозможно*, это было постоянной темой разговоров в обществе, и брошюры, которые я покупал в магазинах, полны дискуссий на ту же тему, но в гораздо более резких и захватывающих выражениях.

Одна из них, которую я обнаружил в продаже в Генте, озаглавленная *“Бельгийская книга Леопольда для французского путешественника”*, и которая, хотя и высказывается в пользу Голландии, явно написана человеком, хорошо осведомленным о положении в Бельгии, говорит о нынешнем состоянии чувств в этой стране; а публичность, с которой брошюры такого рода выставлены на продажу, и их тиражирование свидетельствуют о широкой симпатии к взглядам автора. “Бельгийцы,” говорит автор, “ всех классов, представителей и слоев населения, богатые и бедные, жаждут наступления момента, который избавит их от воображаемой национальности, обманчивой свободы и независимости, само название которых стало насмешкой, — но им пока не хватает энергии, необходимой для ускорения их освобождения. Возможно, что в узком кругу, чья жизнь и судьба зависят от Леопольда, найдутся те, кто льстит себя надеждой, что ратификация мирного договора 1839 года является

консолидацией и установлением его власти * * Но огромная часть нации, менее вовлеченная в непосредственный вопрос революции, далека от того, чтобы рассматривать нынешнее мирное положение как долговременное, хотя и гарантированное новому государству от имени тех же могущественных дворов, которые не менее торжественными и мудрыми договорами возложили корону на прежнюю династию, от чела которой она была унаследована. жестоко разорванная революцией * * * В настоящее время длительное существование Бельгии как независимого государства является делом невозможным, ее промышленность, торговля и процветание уничтожены, и она разрушена до основания под давлением своих долгов и налогов. Без кораблей, колоний или торговли, обремененный армией, которая никогда не сражается, и крепостями, обреченными на снос, он является всего лишь насмешкой и посмешищем для Европы * * * Сами зачинщики восстания 1830 года краснеют за дело своих рук, и те, кто тогда были самыми ревностными апостолами революции, теперь проповедуют только раскаяние. Дезертирство повсеместное — и прежде всего в армии, — армия, ежедневно подвергающаяся самым едким сарказмам, вымещает свое негодование в угрозах и ропоте. Каждый класс населения, включая тех, кто был бы вполне доволен нынешним порядком вещей, если бы обстоятельства в стране были хоть сколько-нибудь сносными; короче говоря, вся нация, за исключением части части, без числа, богатства и веса, объединяется в стремлении к возвращению Оранского дома; и восстановление королевства 1815 года в каждом сердце и на каждом языке * * У Бельгии самой нет другой альтернативы, и если по пристрастию и выбору она не призовет к возвращению расы принцев, просвещенных, отеческих, мужественных и отважных. Она должна быть быстро истощена голодом, чтобы умолять о восстановлении, как о ее единственном избавлении от бедствий последней крайности. На данный момент их восстановление можно рассматривать как морально завершенное, всеобщий глас нации постановил это, и для этого требуется всего лишь случайность, оправдание, имя, знамя, и существование революционного королевства прекращается без очередного "протокола" ".[\[40\]](#)

При таких обстоятельствах положение короля Леопольда должно быть каким угодно, только не легким, если его амбиции простираются до основания королевской династии для его потомков. Следует опасаться, что религиозные обиды нации находятся вне его досягаемости для исправления, и зло, которое окружает страну и угрожает ее внутреннему процветанию, проистекающее из ограниченных ресурсов нации, должно тщетно искать в них возмещения. Фундаментальным недостатком является отсутствие адекватного потребления продукции национальной промышленности, и изобретательность правительства была безрезультатно потрачена на поиск средства правовой защиты. Бесполезно ожидать от Германии или Англии *торговых договоров*, которые предоставили бы возможность бельгийским мануфактурам конкурировать с их собственными; Франции были сделаны важные уступки в виде снижения пошлин на ее продукцию, ввозимую в Бельгию, но взамен не было получено никаких взаимных преимуществ; напротив, с 1815 года, когда у нее отняли Нидерланды для передачи Голландии, она проявляла язвительное нетерпение поставить в затруднительное положение и подорвать ее процветание. *Обсуждались перспективы колонизации*, и даже были сделаны предложения другим государствам разрешить попытки заселения их отдаленных территорий — и там, где это не удалось, были отправлены коммерческие экспедиции в Алжир, Египет, Бразилию, Боливию и Перу, все с целью установить торговые отношения с местными жителями, но все без исключения оказались безнадежно безуспешными.

Фабриканты Гента и Вербье, таким образом, обратили свои взоры на Цолль-Верейн, и год за годом предпринимались попытки установить связь, если не формальное соединение, с

Прусской торговой лигой; но и здесь их ожидало одно разочарование, поскольку, независимо от того факта, что по конституции Цолль-Верейна доступ в нее разрешен только лицам немецкой крови (в силу чего Люксембург мог быть принят), это было явно враждебно самому духу лиги, целью которой является защита их собственных местных производителей, допустить среди них была грозная соперница, которая заваливала их своими продуктами и ничего не могла взять у них взамен.

Но если нужды и слабость Бельгии делают для нее практически невозможным оставаться такой, какая она есть, и если национальная независимость несовместима с ее процветанием, вопрос, который занимает мысли ее недовольных подданных, заключается в том, к кому ей обратиться за помощью извне. Снова присоединиться к Австрии, как до французской революции, - дело невыполнимое и не принесло бы никакой пользы, даже если бы было иначе. Положение рейнских провинций, находящихся под властью Пруссии, заставило бы ее стремиться к подобному объединению, но этого не позволяют интересы Европы, а также интересы самой Пруссии.

Союз с Францией был бы столь же безнадежен и несовместим с политикой Венского конгресса и, за исключением округов, непосредственно граничащих с французской границей, был бы в высшей степени неприятен населению в целом. Их присоединению к территории Франции в 1794 году воспротивилось духовенство, и его прекращение в 1814 году было встречено всеми классами с восторженным нетерпением. Их положение при империи было "самым незначительным вассалитетом". Их религиозные институты разрушены, их лелеемые привилегии уничтожены, а все их права и иммунитеты, за которые они боролись веками раньше, растоптаны".^[41] Даже их торговля и производство оказались под угрозой из-за ревнивого соперничества их новых союзников, их духовенство унижено, а их молодежь уволена по призыву, чтобы кормить бойню в Европе. Воспоминание об этом не оставило сильного желания вернуться к братанию с Францией, да и сама Франция, какой бы важной ни была Бельгия как политическое приобретение, не стала бы считаться с интересами своих отечественных производителей, предоставляя равенство во всех своих преимуществах столь грозным конкурентам. Бельгийцам все еще так не терпится убежать от "своих бед", что в настоящий момент, когда возможность войны между Францией и остальной Европой привлекает внимание всего мира, меня неоднократно заверяли в Бельгии, что для этого достаточно Франции подать сигнал, и могущественная часть народа выступит в ее пользу. Так, сознавая все стороны, что голые вероятность войны в Европе смотрят с большим сигнализацией правительством, и *Controleur*, надлежащим образом журнал, орган клерикальной партии, с тревогой разглядывать, пока я был в Генте, в котором они осудили идею повторного союза с Францией, объявив в одной из своих публикаций в начале сентября: "Эт как Ноус Н'avons па залить привычка-де-cacher Нотр manière де БОИР, сметка dirons rondement, *due Hoys serions слишком Hollands кы французский*.—En dépit de M. Rogier."

Другим предложением был *раздел* Бельгии между соседними государствами, но для этого существуют столь же непреодолимые препятствия. Антверпен и районы на голландской границе, если бы они были переданы Голландии, больше не имели бы применения своим капиталам и кораблям и снова утонули бы под влиянием более благоприятствующего соперничества Амстердама и Роттердама; а поскольку Эно и крепости вдоль Мааса и Самбры неизбежно достались бы Франции, ее дворы не потерпели бы меры, столь угрожающей будущей безопасности Европы, если бы в этих цитаделях не были размещены гарнизоны

союзников, - средства, которому в равной степени воспротивились бы гордость и честолюбие французов.

Если дальнейший опыт, к сожалению, окончательно решит против сохранения Бельгии как независимого государства, единственным практическим выходом, который остается, и который уже получил одобрение всех великих держав Европы, было бы возвращение к решению, принятому Венским конгрессом, и воссоединение Голландии и Бельгии с целью повторного образования соединенного королевства Нидерландов. Личная неприязнь к королю Вильгельму больше не будет препятствием для такого соглашения, поскольку его владения перешли в другие руки, а принц Оранский, нынешний король, всегда пользовался народной симпатией, если не национальным доверием народа. Если возникнут какие-либо новые потрясения, которые, как мы искренне надеемся, ради мира в Европе, не в меньшей степени, чем ради короля Леопольда, еще можно предотвратить, то все, что я видел или смог узнать от тех, кто лучше всех осведомлен в этом вопросе, не оставляет у меня сомнений в том, что почти единодушное желание народа, если его вынудят сменить нынешнюю династию, будет указывать на восстановление Дома Нассау.

КОНЕЦ ТОМА I.

ЛОНДОН:

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ШУЛЬЦЕ И КОМПАНИЯ", ПОЛЬСКАЯ УЛИЦА, 13.

СНОСКИ

[1] Сделано Nurse and Co. Кроуфорд-стрит, Брайанстоун-сквер.

[2] Так написано в акте, которым Филипп II передал им суверенитет Нидерландов.

[3] Сонет Вордсворта Брюгге.

[4] Запрос, Сент-Сальвадор.

[5] Я должен воспользоваться этой первой возможностью, чтобы выразить признательность составителю этих бесценных томов "Справочники Северной и Южной Германии", они были моими постоянными спутниками, и я не могу не присоединиться к каждому туристу, которого я встречал на континенте, называя их непревзойденными по ценности и разнообразию содержания, поскольку они безупречны в своей точности.

[6] В Бельгии существует обычай, чтобы отличить одного члена одной семьи, добавлять к фамилии мужа фамилию его супруги.

[7] В Генте этот сбор был снижен до половины суммы.

[8] De l'Industrie en Belgique, Causes de Decadence et de Prosperité, &c. par M. N. Briavionne, Bruxelles, 1839, vol. ii, стр. 345.

[9] Согласно торговому кодексу Франции, существует три описания торговых компаний. Во-первых, *sociétés en nom collectif*, со всеми атрибутами обычного партнерства в Англии; во-вторых, *sociétés en commandite*, где подавляющее большинство связанных капиталистов являются постоянными партнерами, не имеющими доли в управлении, названия в фирме и ответственными только в пределах своего зарегистрированного капитала, один или несколько партнеров единолично руководят учреждением и несут ответственность перед обществом в полном объеме своей собственности; и в-третьих, *анонимные общества*, которые являются, во всех случаях и в частности аналогичны английским акционерным компаниям, только с ответственностью, ограниченной в каждом конкретном случае количеством их акций.

[10] Эти двигатели пользуются большим уважением, и я обнаружил, что они почти повсеместно используются в Бельгии. Тот, о котором говорилось выше, потреблял от 5½ до 6½ фунтов. угля в час на лошадиную силу; в то время как двигатель низкого давления в Англии потреблял бы от 12 до 14 фунтов. В нашей стране они также пользуются большим спросом, хотя здесь экономия угля имеет меньшее значение и может быть, в некоторой степени, уравновешена риском и более частым ремонтом двигателей высокого давления.

[11] Цена угля в Генте, когда я посетил его мануфактуры, составляла 20 франков за 1000 килограммов, или около шестнадцати шиллингов за тонну за уголь из Монса, который доставляется со значительного расстояния по Шельде; уголь из Шарлеруа лучшего качества и немного дороже. За последние несколько лет цены на уголь в Бельгии выросли, в том числе из-за увеличения спроса, вызванного опасениями, что угольные месторождения в Арденнах быстро истощаются, но в последнее время эта тревога считается беспочвенной. Англия с либеральностью, которую едва ли одобряет ревность промышленников, недавно разрешила свободный экспорт угля как в Бельгию, так и во Францию и Пруссию, благо, за которое эти правительства, запрещающие британскую промышленность, а также их механики и владельцы мельниц, которые борются с нашими за рынок сбыта, не могут быть слишком благодарны.

[12] Триста связок в день, что составляет как можно больше одиннадцати разрезов на веретено.

[13] СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА, ВЫПЛАЧИВАЕМАЯ РАБОЧИМ.

Характеристика работников.	Заработная плата за 11 с половиной часов в день. Англия.				Заработная плата за 11 с половиной часов в день. Белфаст.				Заработная плата за 11 часов в день. Гент.	
	Средний.				Средний.				Средняя.	
	сек.	д.		сек.	д.	д.			сек.	д.
Разбрасыватели	1	3	до	1	6	10			0	11¼
первый розыгрыш	1	0		1	3	8½			0	8½
второго розыгрыша	1	0		1	3	8½			0	8½
ровинг	1	1		1	5	9			0	9¼
кардинг	1	0		1	6	7½	до	9½	0	9¼
счетчик	1	0		1	4	10			0	8½
съемником	0	8				5			0	4¾

мотовило (сдельная работа)	1	0	1	6	10	в	11	0	9¼
Красильщик	2	6	3	0	1сек.	4д.		1	3
упаковщик	2	6	3	0	1сек.	5½		1	5
Hackler (roughing для машины),		1С.	6д.		1С.	4д.		1	7
надсмотрщик		4С.	6д.		3С.	6д.		2	4½

Следует иметь в виду, что эта заработная плата, которую в *настоящее время* выплачивают в Генте, вряд ли является справедливым критерием, поскольку прядение льна является там совершенно новым видом деятельности, и необходимо было стимулировать прядильщиков хлопка дополнительной зарплатой, чтобы они оставили работу, к которой они привыкли; но это скоро достигнет своего уровня.

[14] Нельзя не отметить плачевное качество оконных стекол даже в самых роскошных домах. Оно неровное, деформированное и грязно-зеленого цвета. В основном его делают в Шарлеруа.

[15] Шутка против Мехлина возникла из—за сообщения о пожаре в соборе кем-то, кто видел лунные лучи, пробивающиеся сквозь его готический шпиль, - отсюда пословица, что “мудрецы Мехлина отправились тушить луну”.

[16] Les machines sont là aussi multipliés, aussi variées que les besoins où on les applique: il y en a une pour chaque pensée, ou plutôt, c'est la même pensée qui a mille ministres; l'une scie, l'autre fend, l'autre coupe, l'autre rabotte; il y en a pour degrossir la pièce, il y en a pour lui donner la forme exacte, il y en a pour l'orner; il y en a pour la polir, le ciseau, le tour, le rabot, l'emporte pièce la tenaille, le marteau tous les instruments du menuisier, du tourneur, du forgeron, s'évertuent sur le fer comme sur le bois la plus tendre, mais sans menuisier, sans tourneur, sans forgeron—*la main qui les meut est une machine*, cette main, toujours sûre, toujours ferme, délicate, légère, qui n'a pas d'inégalité, qui ne dépende pas d'une pensée capricieuse, qui ne se lasse pas, qui ne s'alourdit pas, qui ne vieillit pas! * * * * Cette machine n'a besoin de personne: on lui donne sa tâche un certain jour, et pourvu qu'on ne lui retire pas la portion de force motrice qui l'anime, elle terminera cette tâche à jour fixe: elle vous la livrera comme un ouvrier à la pièce: vous arriverez un beau matin, et vous la trouverez sortie du cylindre et tournant à vide, en attendant que vous lui donniez une nouvelle tâche. *Из отчета о великих работах в Серене, опубликованного в Revue de Paris.*

[17] “Les manufactures de Manchester ne voulant pas s'en remettre de ce soin au gouvernement, se sont cotisés, ont réuni une somme annuelle suffisante pour organiser autour de leur ville une ligne de douane spécialement consacré à empêcher la sortie des mécaniques qu'ils inventaient.”—De l'Industrie de Belgique, vol. ii, стр. 326.

[18] “Она была в черном до пят, волосы спрятаны под батистовой каймой, уложенной близко ко лбу: она была из тех монахинь, с позволения вашей чести, которых немало во Фландрии”. “Судя по твоему описанию, Трим, — сказал дядя Тоби, — я осмелюсь предположить, что это была молодая бегинка, подобных которой нигде нет, кроме как в Испанских Нидерландах, они отличаются от других монахинь тем, что могут покинуть свои монастыри, если захотят выйти замуж, - они навещают и ухаживают за больными по профессии, но я, со своей стороны, предпочел бы, чтобы они делали это по доброте душевной”. - Стерн.

[19] 17-я статья *Конституции Бельгии* содержит следующее содержательное постановление о национальном образовании. “L’Enseignement est libre, toute mesure préventive est interdite.”

[20] “*Quelques mots sur l’état actuel de l’instruction primaire en Belgique, et sur la nécessité de l’améliorer.*”

Смотрите также умную статью Р. У. Роусона, эсквайра. в Ежеквартальном журнале Лондонского статистического общества, том 2, стр. 385.

[21] Белье, которое мы видели, было низкого качества, грубое и прочное, и ни в коем случае не дешевое. Он состоял из листовой ткани, предназначенной для экспорта в Гавану, которая при ширине в пять четвертаков продавалась по одному шиллингу за ярд.

[22] Это последнее количество указано в таблицах, опубликованных Министерством торговли, под заголовком “Лен, пакля или Кодилья из конопли и пакли”. Импорт “необработанной конопли” указан в другой рубрике и составляет 730 375 тонн.

[23] Любопытно, что этот процесс, который все сходятся в том, что он требует предельной чистоты, из всех мест должен выполняться в Голландии с полным пренебрежением и тем, и другим. В компетентном документе мистера Эктона, опубликованном в “Ежеквартальном сельскохозяйственном журнале” за 1832 год, он дает следующий отчет об этой операции. “Способ полива льна в Голландии, а также в низменностях Бельгии и Франции заключается в том, чтобы поставить плотину поперек канала, очистить от сорняков и грязи на несколько ярдов рядом с плотиной, уложить в три или четыре ряда снопы льна рядом с плотиной, а затем покрыть эти снопы на глубину шесть дюймов густой травой, которая растет в канале, и сгребать грязь со дна канала. Затем укладывают еще несколько рядов снопов таким же образом, как и первый, и таким же образом покрывают сорняками и грязью, пока весь сноп не станет крутым. Эти ямы и способ помещения в них льна соответствуют тому, какими они должны быть, но уместность сбора такого количества грязи или ила со дна каналов, чтобы покрыть снопы глубиной в шесть дюймов, вполне может быть подвергнута сомнению, это не может не испачкать ворсинки настолько сильно, чтобы сделать ее настолько мерзкой, что для удаления грязи потребуются много полоскания в воде. Это не только создает труд, отнюдь не самый приятный, но и приводит к сильному повреждению льна из—за того, что его треплют в воде, чего следует избегать”. - Т. iv. стр. 174.

[24] Эта важная ассоциация действует уже несколько лет, и среди ее функций было направление нескольких уполномоченных в другие страны для определения относительной ценности их различных процессов. В результате этих расспросов они свели воедино краткое руководство для использования фермерами и другими лицами, занятыми торговлей во Фландрии; чтобы указать, для кого оно было написано и напечатано на фламандском языке. Копию этого ценного документа, переведенную на французский язык, за которую я обязан конкретному источнику, я поместил в приложении к этим томам. Зная, что это, как и я, искренние и взволнованные предложения лучших практиков Бельгии, книгу можно рассматривать как верное руководство к их процессу, и она вполне заслуживала бы широкого распространения в льняных районах Великобритании и Ирландии.

[25] Он состоит, я полагаю, примерно из тринадцати небольших судов под парусами.

[26] После первого всплеска революции жители Антверпена, решительно настроенные против нее, направили королю Голландии следующее обращение. “Сир, не без неприятных ощущений мы были проинформированы о предъявленном вашему величеству требовании, направленном на разделение интересов между южными и северными провинциями. Опасение, что наше молчание может быть истолковано как присоединение к этому предложению, налагает на нас обязанность сообщить вашему Величеству, что мы никоим образом не участвуем в этом пожелании. Пятнадцатилетний опыт самым очевидным образом доказал нам, то есть свободному и взаимному обмену продуктами, что взаимным процветанием мы обязаны. *Преимущества, которые судоходство извлекает из колоний, растущие рынки сбыта, которые эти же самые колонии постоянно предлагают продукции нашей промышленности, являются неопровержимыми доказательствами того, что любое отделение было бы фатальным не только для этой провинции, но и для коммерческой промышленности всей Бельгии.* Глубоко убежденные в этой великой истине, мы осмеливаемся сообщить ее вашему Величеству с доверием и уважением, внушаемыми королем, который желает благополучия своему народу и который никогда не будет трудиться иначе, как в интересах его хорошо понимаемого процветания”. — Антверпен, 13 сентября 1830 года.

[27] De l'Industrie en Belgique, vol. 2, p. 384.

[28] *Exposé de la situation de la Province de la Flandre Orientale, pour l'année 1840. Ghent de l'imprimerie de Vanryckegem-Hovaerz, imprimeur du Gouvernement Provincial.*

Цифры следующие:

Два	дефицит которых	составляет от	1000 ф.ф.	до	2000 ф.ф.
Четыре	”	”	2,000	”	3,000.
Один	”	”	3,000	4,000.	Один
”	”	6,000	”	7,000.	Два
”	”	7,000	”	8,000.	Один
”	”	14,000	”	15,000.	Один
”	”	19,000	”	20,000.	Один
”	”		20 000	”	25 000.
Три	”	”	25,000	”	30,000.
Один	”	”	35,000	”	40,000.
Двое	”	”	неизвестны.		

[29] Незаменимое руководство, стр. 103.

[30] Сами бельгийские промышленники, как я уже говорил ранее, прекрасно осознавали вред, который отделение от Голландии, несомненно, нанесло им; и любопытно, а также интересно отметить обстоятельную точность, с которой эти защитники предупреждали партию движения о последствиях, которые они провоцировали, и которые с тех пор были доведены до конца. Следующие доводы против отделения от Голландии были опубликованы в то время в одном из журналов Антверпена, когда перспектива отмены Союза была наиболее неприятной:

“С тех пор как некоторые районы наших южных провинций развернули знамя восстания, все дела прекратились. Обращение было прервано, и несколько заведений, которые требовали приложения большого капитала и давали средства к существованию многочисленным семьям, были разрушены и сожжены. Общественное спокойствие нарушается всеми способами; люди, самые миролюбивые и еще недавно счастливые в лоне своих семей, процветающие под защитой порядка и законов, теперь насильно вырваны из своих домов для несения военной службы, о которой они ничего не знают и которая им не нравится; их собственность каждый день выставлена напоказ и готова стать добычей разнузданного населения — состояние анархии, которое закончится созданием партий, которые вскоре растерзают друг друга; и, наконец, им уготовано самое мрачное будущее. Такова слабая картина того зла, которое уже породило мятежное и неконституционное восстание. Но все, чему до сих пор были свидетели, никоим образом не идет в сравнение с последствиями, которые должны возникнуть в результате несвоевременного расставания, которого требовали с легкомыслием, которого не может постигнуть ни один здравомыслящий человек.

Верно, что среди людей, которые фигурируют в качестве авторов и сторонников разделения, не наблюдается промышленников: и в самом деле, какой промышленник, какой торговец, какой даже земледелец мог впасть в подобную ошибку?

Вы взываете о расставании и хотели бы убедить себя, что все будет в вашу пользу. С таким же легкомыслием вы берете на себя смелость диктовать условия расставания. Это свидетельствует лишь о слабой предусмотрительности.

Северная часть королевства приняла вызов, который вы так неосмотрительно бросили. Послушайте один из их органов и подумайте о последствиях, которые должны последовать за Бельгией, когда она окажется изолированной и предоставленной самой себе”.

Ниже приводится ответ голландцев на ваш вызов:—

“Мы рады, ’ говорят они, ‘ что предложение о разводе было сделано вами. Пусть это произойдет, и туча, омрачившая горизонт нашей страны, рассеется. Тогда над ней вскоре засияет великолепное солнце. Скоро упадок Амстердама и его причины прекратятся, и отделение вернет ему жизнь и активность, которых он лишился из-за объединения.

Но давайте посмотрим, к чему приведет этот развод для северных провинций?

Избавленные от отвратительной производственной системы, мы сможем установить наши обычаи на основе совершенно коммерческой системы: Амстердам, Роттердам, Дорт, Мидлбург станут множеством свободных портов, в которых умеренные пошлины, освобожденные от обременительных способов взимания, вернут нашу старую торговлю во всей ее силе. Пошлины, введенные в настоящее время на сахар, кофе и другие товары торговли, будут отменены.

Жители будут покупать топливо, одежду, материи и все товары, в которых нуждаются торговля, мануфактура и предметы первой необходимости народа, в Англии и везде, где они смогут производить их на лучших условиях, чем в южных провинциях, где все эти предметы будут обременены пошлинами и ограничениями и, следовательно, будут дороже.

Наша страна снова станет центром и витриной всех продуктов и богатств мира, которые предназначены для потребления в Германии и провинциях Франции, граничащих с Рейном, а также во многих других местах, которые сейчас ускользают от нас.

Товары наших колоний больше не будут перевозиться иначе, как в наши собственные порты, исключая все остальные, и они будут освобождены от всех пошлин и сборов, которыми они в настоящее время обременены и которые наш Суверен установил в интересах одних бельгийцев. Таким образом, не только метрополия, но и колонии получают преимущество от отделения. Пошлина в размере 25 процентов, установленный на Яве в пользу бельгийцев будет упразднен, и таким образом, везде, где будет развеяться знамя Голландии, восторжествуют свобода, процветание и общественное счастье; и пусть никто не предъявляет вам в качестве обременительного возмещения долг, который останется на нашем попечении”.

[31] Уайт, т. i, стр. 124 идр.

[32] Полную информацию о состоянии королевства на момент начала революции можно найти в томе, опубликованном бароном Кевербергом, который был губернатором Восточной Фландрии при короле Голландии, *"Королевская касса, как понять происхождение сына, развитие сына и фактический кризис"*, Брюссель, 1836 г..

[33] *Essai historique et critique sur la révolution Belge*. Пар М. Ноткомб. Брюссель, 1833.

[34] Копию этого уникального документа можно найти в конце этого тома.

[35] Un des plus excellens moyens, et peut-être le seul qui existe aujourd’hui, d’assurer aux jeunes gens une éducation qui réunit tout à la fois l’esprit de la religion et les talens les plus éminens *serait de rétablir les jésuites dans la Belgique*.—*Memor. art. 8*.

[36] Этот уникальный манифест можно найти в приложении в конце этих томов.

[37] Jurer d’observer et de maintenir une loi qui *suppose (!)* que l’église catholique est soumise aux lois d’état, c’est manifestement s’exposer à coopérer à l’asservissement de l’église.—*Jugement doctrinal*, (Art. 193, see appendix).

[38] Страница 193.

[39] Список кандидатов, предложенных на трон Бельгии в 1831 году, содержит несколько довольно необычных имен, таких как полковник Мюрат, Лафайет, полковник Фабье Филэллин, Себастьяни, Шатобриан, принц Кариньян Пьемонтский, М. Роже, граф де Мероде, нынешний король Греции, принц Иоанн Саксонский, герцог Лейхтенбергский, сын Эжена Богарне, Луи Филипп и герцог де Немур, который фактически был выбран, но отказался от этой чести.

[40] La Belgique, № 1, стр.. 13, 16, 20, 23, 24, 27; и № 2, стр. 49.

[41] Уайт, том i, стр. 23.

Исправления

Слово “контроль” было заменено на “control” по всему тексту.

Первая строка указывает на оригинал, вторая - на исправление.

стр. 39

- вывеска “Диаман-зеттер”,
- вывеска “Диамант-зеттер”,

стр. 91

- его когда-нибудь вытаскивали на поле
- его когда-нибудь вытаскивали на поле

стр. 115

- лежащий непосредственно перед
- лежащий прямо перед

с. 153

- преодолел бы их связь
- бы перестал общаться с ними

с. 160

- что правительство сократило срок
- что правительство сократило срок

стр. 176

- опасаясь малейших домыслов
- боится малейших предположений

стр. 252

- в девятнадцатом веке
- в девятнадцатом веке

с. 261

- ни в коей мере, насколько
- однако ни в коем случае

с. 268

- добросовестные, но неэффективные оппоненты
- добросовестные, но неэффективные оппоненты

стр. 277

- оказались под угрозой из-за ревнивого соперничества
- оказались под угрозой из- за ревнивого соперничества

Ошибки

“Ханс Хемлинг” следует читать как “Ханс Мемлинг”.

“Audeghem” следует читать как “Аудергем”.

К этому тексту были применены ошибки.